

В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева,
О. Н. Маркова, Т. Ю. Юренева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

МОСКВА
2022

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА**

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева,
О. Н. Маркова, Т. Ю. Юренева**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
опыт, противоречия, перспективы**

Москва
Институт Наследия
2022

УДК 323:725.945
ББК 85.133(2)6
Г72

Публикуется по решению Ученого совета Российской научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Рецензенты:

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета;

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Южного научного центра РАН

Ответственный редактор:

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Г72

Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. — Текст: электронный : монография / В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева, О. Н. Маркова, Т. Ю. Юренева; отв. ред. А. Н. Еремеева; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : Институт Наследия, 2022. — 168 с. — DOI 10.34685/НИ.2021.48.21.005. — ISBN 978-5-86443-374-4.

В книге рассмотрены основные этапы и тенденции монументальной коммеморации в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, опыт исследования данной тематики в отечественной и зарубежной историографии. Особое внимание уделено трансформации монументального ландшафта современной России. Предложены меры по совершенствованию государственной монументальной политики как метода формирования национальной культурной идентичности и способа укрепления российской государственности.

Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти», номер государственной регистрации: АААА-А19-119050790070-1.

ISBN 978-5-86443-374-4

УДК 323:725.945
ББК 85.133(2)6

- © Коллектив авторов, текст, 2022
- © Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (А. Н. Еремеева, В. В. Бондарь)..... 4

РАЗДЕЛ 1.

Государственная монументальная политика: история изучения
(А. Н. Еремеева)..... 9

РАЗДЕЛ 2.

Складывание монументального ландшафта в дореволюционной
России: особенности проявлений государственной политики
в центре и окраинах (В. В. Бондарь)..... 29

РАЗДЕЛ 3.

Основные этапы и тенденции монументальной пропаганды в СССР
(А. Н. Еремеева, О. Н. Маркова) 43

РАЗДЕЛ 4.

Монументальная политика и монументальные практики
в постсоветской России 80

4.1. Трансформация монументального ландшафта в контексте
социально-политических изменений и политики памяти
в современной России (А. Н. Еремеева) 80

4.2. Монументальное увековечение памяти жертв
политических репрессий (Т. Ю. Юренева) 105

4.3. Религиозно-духовные аспекты формирования
монументального ландшафта (О. Н. Маркова) 120

РАЗДЕЛ 5.

Парадоксы современного «монументостроения» и векторы
оптимизации монументальной политики (вместо заключения)
(В. В. Бондарь)..... 135

Библиография (А. Н. Еремеева) 144

Список сокращений 165

Об авторах 166

ВВЕДЕНИЕ

Государственная монументальная политика — направление государственной культурной политики, система идеологических, этических и эстетических принципов и соответствующих им мероприятий государственной власти в области создания и разноаспектного использования недвижимых объектов — памятников, увековечивающих, прославляющих выдающиеся исторические события, личности или группы, обозначающие и акцентирующие в культурном пространстве памятные (достопримечательные) места.

В жизни государства и населения страны такие «официальные» памятники выступают как материальный ресурс политики и инструмент реализации повседневных социально-политических и культурных практик: памяти, наследования, приумножения культурного достояния государства и нации. Отсутствие на сегодняшний день единой концепции государственной монументальной политики отрицательно проявляется в стихийности и разнородности процессов увековечивания тех или иных событий и исторических личностей, протекающих в отдельных случаях вне контекста общегосударственных и национальных приоритетов в сфере сохранения и передачи культурной памяти, без учета исторически сложившихся принципов размещения памятников в пространственной среде городов, сельских населенных мест, рукотворных ландшафтов.

Целью предпринятого исследования является изучение дореволюционного, советского и постсоветского опыта монументальной коммеморации и выработка рекомендаций по формированию государственной монументальной политики как метода формирования национальной культурной идентичности и способа укрепления российской государственности.

Тема «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти» до сих пор не являлась предметом комплексного рассмотрения, однако отдельные ее аспекты нашли отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. Ввиду междисциплинарности темы в исследовательский процесс включены историки, культурологи, антропологи, урбанисты, искусствоведы, социологи, политологи. Интерес представляют труды по истории культурной политики, скульптуры и архитектуры, охране памятников, монументальной коммеморации событий и отдельных лиц, возведению конкретных памятников, истории складывания и современному состоянию монументального ландшафта территорий. Проблематика и алгоритм исследования потребовали опоры на труды теоретиков исторической памяти и авторов, анализирующих трансформацию политики памяти в нашей стране, ее воплощение в мемориальных практиках. Особое значение имеют идеи М. Хальбвакса о социальной обусловленности памяти и П. Нора, касающиеся целенаправленности, а не спонтанности формирования мест памяти; в представленной книге они, по сути, раскрываются на конкретных примерах.

Устойчивое определение монументальной политики пока отсутствует. Термин употребляется в основном зарубежными исследователями (monumental politics) и отдельными российскими учеными¹ без объяснения, как понятный априори; иногда данное словосочетание закавычивается. Монументальная политика рассматривается ими как часть политики памяти, в контексте деятельности влиятельных политиков, использующих административный и финансовый ресурсы для закрепления в сознании современников определенные интерпретации исторических событий посредством различных дискурсивных практик, в т. ч. установки или сноса/перенесения памятников. Сами памятники выступают в роли инструментов, с помощью которых государство репрезентирует официально «утвержденную» историю своей страны для формирования национальной идентичности и патриотических настроений, легитимирует собственную власть и собственное видение прошлого, настоящего и будущего общества.

Источниковая база исследования разнообразна. Большое значение имеет изучение нормативно-правовых актов, документов административного характера, касающихся общих подходов к монументальной политике и отдельных монументальных практик. Многочисленные документы такого рода относятся к советскому периоду. Один из первых — декрет Совнаркома РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики», за которым последовали документы о конкурсах (в Москве, Петрограде, провинциальных центрах), возведении и сносе монументов, пополнении списков лиц для увековечения и пр. Интерес представляют официальные предписания, касающиеся контроля монументов, увековечивающих В. И. Ленина, выявления, учета и охраны памятников историко-революционного движения; законодательные инициативы Межведомственного комитета по охране памятников революции, искусства и культуры, созданного в августе 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР, сектора науки Наркомпроса РСФСР, отдела памятников Дирекции художественных выставок и панорам Комитета по делам искусств Совета Министров СССР (создан в 1940 г.); постановления ВЦИК РСФСР «По вопросу об участии Исполкомов и Советов, а также отделов народного образования в деле охраны памятников революции, искусства и культуры» (1933) и СНК РСФСР «О порядке сооружения памятников в РСФСР» (1940); постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (1955), «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников» (1961), «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов»

¹ Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27. № 3. — Pp. 269–288; Byerley A. Monumental politics in Namibia. — Uppsala : Nordiska Afrikainstitutet. 2011. Vol. 2010. — Pp. 36–37.; Moor I. Vilnius Memoryscape: Razing and Raising of Monuments, Collective Memory and National Identity // Linguistic Landscape an International Journal. 2019. № 5. — Pp. 248–280.; Атанесян Г. Общество и монументальная политика в последние годы СССР и в ранний период независимости Армении // Саусасо-Каспис: Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) Университета. — Ереван, 2018. — С. 191–196.; Кудалева С. Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 13–20.

(1966), «О плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение» (1967). Принятие в преддверии 50-летия Октября, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР последнего постановления сопровождалось множеством региональных постановлений и распоряжений.

Учитывая советскую практику увековечения современников (в том числе при их жизни), необходимо обращение к постановлениям Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. «О проектировании и сооружении бюстов дважды Героев Советского Союза, памятников и монументов», от 25 февраля 1955 г. «О проектировании и установке бюстов Героев Социалистического Труда — передовиков сельского хозяйства, награжденных второй золотой медалью “Серп и Молот”», от 22 ноября 1956 г. «Об изменении существующего порядка утверждения проектов памятников, монументов и бюстов дважды Героев Советского Союза в части утверждения проектов бюстов дважды Героев Советского Союза», от 11 июня 1973 г. «О порядке проектирования, изготовления и сооружения бронзовых бюстов на родине Героев Советского Союза, награжденных второй медалью “Золотая звезда”, и Героев Социалистического Труда, награжденных второй золотой медалью “Серп и Молот”, а также бронзовых бюстов лиц, имеющих одновременно звание Героя Советского Союза и звание Героя Социалистического Труда». Данные постановления детально регламентировали использование материалов, порядок финансирования, утверждения проектов, давали подробное описание типовых памятников в зависимости от категории субъектов увековечения.

Постановления Политбюро ЦК КПСС эпохи перестройки «О сооружении памятника жертвам репрессий» (1988) и «Об увековечении памяти жертв репрессий периода 30–40-х и начала 50-х гг.» (1989) важны для воссоздания данного процесса. Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы Гражданской войны» (1997), многочисленные постановления рубежа тысячелетий и последнего двадцатилетия, принятые правительствами Российской Федерации, Москвы, Санкт-Петербурга, региональных структур и регламентирующие возведение памятников, дают представление о современных тенденциях монументальной политики.

Документы делопроизводства государственных, партийных организаций, творческих союзов позволяют воссоздать историю создания/сносения памятников, роль отдельных личностей в принятии решений. Авторы книги в процессе работы с опубликованными и архивными материалами обращали особое внимание на переписку скульпторов и архитекторов с руководителями разного уровня, переписку различных министерств и ведомств в процессе реализации монументальных инициатив, где явно просматривается, наряду с тенденциями государственной политики, «человеческий фактор».

В ряду репрезентативных источников — средства массовой информации, в том числе интернет-ресурсы. Ценны и специализированные издания (например, советские журналы «Искусство коммуны», «Изобразительное искусство» «Творчество» «Искусство», «Архитектура и строительство», «Архитектура и строительство Ленинграда», «Архитектура СССР» и т. д.) и сайты², и общественно-политические издания, ставшие площадкой обсуждения монументального ландшафта и политики в данной сфере. В специализированных изданиях интерес вызывают мнения компетентных экспертов, касающиеся стилевых и композиционных особенностей памятников, их роли и месте в пространстве города. В общественно-политических изданиях традиционно освещается предыстория появления и церемонии открытия памятников или их демонтажа, в целом восприятие памятников в обществе. Как справедливо указывает Н. К. Колягина, «внимание ученых переносится с символических форм и знаков, выражаемых памятниками, к событиям, связанным с данным монументом, таким как речи, произносимые в момент открытия (и их интерпретации в СМИ), критика в адрес монумента, высказываемая самими разными группами, от горожан до экспертных сообществ, а также разные формы взаимодействия наблюдателей с памятником»³.

Источники личного происхождения (автобиографии, мемуары, дневники, личная переписка), прежде всего скульпторов и архитекторов, а также государственных деятелей, участвовавших в производстве монументальной политики, тоже представляют интерес.

К типу вещественных источников относятся собственно монументы — произведения архитектуры и монументального искусства, подлинные либо воссозданные после утрат. В подавляющем большинстве случаев они имеют статус охраняемых государством объектов культурного наследия, играют роль акцентов в тяготеющей к ним пространственной среде — окружающей застройке или природных ландшафтах. Особенную для исследователя ценность представляют визуальные характеристики монументов, раскрывающие замысел автора и характер использования им выразительных средств скульптуры и архитектуры, возможностей композиционных приемов, а также отражающие социально-культурный контекст их происхождения, бытования и (в конкретных случаях) воссоздания. В качестве источников выступают не только собственно монументы, а также их макеты и фотографии. Учитывая тот факт, что многие памятники по разным причинам не сохранились, важным представляется обращение к фотоальбомам⁴, материалам специализированных интернет-порталов.

Отдельные материалы, отражающие монументальную политику, опубликованы в сборниках документов по истории культурной политики, куль-

2 Советские памятники. — URL: <https://sovmonument.ru/> (дата обращения: 22.08. 2020).

3 Колягина Н. К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 91.

4 Монументальное искусство СССР / авт.-составитель В. П. Толстой. — М. : Советский художник, 1978. — 380 с.: ил.

турной жизни, охраны памятников. Среди изданий последних лет — десяти-томник под редакцией К. Е. Рыбака «Культура в нормативных актах советской власти», сборник «Художественная жизнь Советской России. 1917–1932»⁵. Отметим ценность справочных изданий, содержащих перечень и описание памятников и мемориальных досок городов⁶.

Данные, полученные в результате анализа всей совокупности источников, позволяют реконструировать основные этапы и тенденции монументальной политики, персонифицировать ее акторов.

Логика изложения основывается на проблемно-хронологическом подходе. В первом разделе освещаются основные этапы и результаты историографического осмысления темы. Второй раздел посвящен складыванию монументального ландшафта в дореволюционной России в контексте государственной политики в центре и окраинах, третий — содержанию и тенденциям развития монументальной пропаганды в СССР на различных этапах. Четвертый раздел охватывает разнообразные аспекты формирования монументального ландшафта в современной России. В заключительном разделе рассмотрены противоречия современных монументальных практик и сформулированы предложения по оптимизации монументальной политики. Отдельно представлена библиография по теме исследования.

Настоящая монография отражает результаты начального этапа исследования монументальной политики в России, изложенные в хронологической последовательности и логической связи в виде текстов по отдельным аспектам этой очевидно значительной проблемы, касающейся нескольких областей социогуманитарного знания. По этой причине авторы, не претендуя на всеохватность темы, сконцентрировались на конкретно-историческом, искусствоведческом и культурологическом ее осмыслении, а также выработке общих, неспециализированных рекомендаций по оптимизации монументальной политики государства.

5 Художественная жизнь Советской России. 1917–1932. События, факты, комментарии : сб. материалов и док. / авт.-сост. И. М. Бибикова, Т. И. Володина, С. А. Иникова. — М. : Галарт, 2010. — 419 с. : ил.

6 См., напр.: *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Памятники и мемориальные доски Ленинграда. — Л. : Лениздат, 1979. — 519 с. : ил.

РАЗДЕЛ 1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

История монументальной политики в Российской империи — СССР — современной Российской Федерации пока не написана. Отдельные ее аспекты нашли отражение в исторических, культурологических, политологических, искусствоведческих работах, что закономерно, учитывая междисциплинарность темы.

В первых трудах давалась характеристика отдельных памятников или их совокупности. Одна из ранних попыток рассмотреть в комплексе монументальный ландшафт России была предпринята А. Долговым в книге «Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц» (СПб., 1860, 48 с.). До этого, как информировал своих читателей автор, «сведения об этих памятниках разбросаны были по разновременным журналам, газетам, губернским ведомостям, календарям, энциклопедическим, художественным изданиям и путевым запискам», что создавало многочисленные «разногласицы»⁷. Эпиграфом к книге стал отрывок из стихотворения М. П. Розенгейма: «Много есть на Руси монументов, колонн, в память доблестных дел, в честь великих имен...». А. Долгов показал различные способы и формы увековечения «достопамятнейших происшествий из былой русской жизни и доблестных деятелей, оказавших отечеству незабвенные услуги» — начиная от мемориальных храмов, заканчивая мемориальными досками. Были описаны скульптурные памятники, обелиски, стелы, колонны.

Почти через полвека появилось другое обобщающее исследование, но теперь основанное на данных одного из пограничных регионов Российской империи. Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа был издан двухтомный труд «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» под редакцией известного историка казачества и Кавказской войны В. В. Потто (начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа)⁸, в котором подробно, через призму имперских устремлений правительства на Кавказе, освещались обстоятельства возведения здесь различных монументов в последней четверти XVIII — начале XX вв. Вполне закономерно, что общественно-политические и культурные последствия этих проявлений государственной монументальной политики остались вне поля зрения авторов.

⁷ Долгов А. Предисловие / А. Долгов. Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц. — СПб., 1860.

⁸ Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-лейтенанта Потто. — Тифлис : Издание Военно-исторического отдела при штабе кавказского военного округа. Вып. I : 1906. 183 с.; Вып. II : 1909. 239 с.

Внимания дореволюционных исследователей удостоилась история сооружения отдельных памятников, например, М. В. Ломоносову в Архангельске⁹, А. С. Пушкину в столице и регионах¹⁰.

Специальный том «История скульптуры», написанный Н. Н. Врангелем, был издан в рамках инициированного академиком И. Э. Грабарем проекта по истории русского искусства¹¹. Автор рассмотрел основные этапы (допетровский, XVIII в., эпоха классицизма, новейшее время), тенденции развития, творчество скульпторов — создателей наиболее известных монументов.

В работах **советского периода** монументальная политика рассматривалась в аспекте монументальной пропаганды как составная часть партийно-государственного курса в области идеологии и культуры.

Активно изучался и транслировался в обобщающих трудах по истории советской культуры, учебной литературе, пропагандистских брошюрах *ленинский план монументальной пропаганды*. Благодаря трудам известного советского искусствоведа В. П. Толстого были воспроизведены основные тенденции реализации данного плана, главным образом, в Москве и Петрограде¹². Большую работу в этом отношении проделал А. С. Павлюченков, рассмотревший проблему под углом зрения партийного руководства советской художественной культурой¹³, опубликовавший фотографии и рисунки из предыдущих изданий и архивов, а также документы, относящиеся к подготовке, открытию и обсуждению сооруженных монументов¹⁴. В трудах А. А. Стригалева воспроизведена история возникновения плана монументальной пропаганды в контексте становления советской архитектуры¹⁵. Исследовалась реализация данного плана в советских республиках¹⁶.

Советское монументальное искусство последующих лет неоднократно становилось предметом искусствоведческих исследований, в том числе в процессе анализа творческих биографий скульпторов (И. Д. Шадра, Н. А. Андреева, С. Д. Меркурова, В. Е. Цигалья, Л. Е. Кербеля, М. Г. Манизера и др.). Большое внимание уделялось иконографии власти, прежде всего В. И. Ленина (монументальной лениниане). Пропорциональным количеству памятников

9 Ермилов Н. История сооружения памятника Ломоносову в Архангельске // Исторический вестник. — 1889. — Т. 36. — № 4. — С. 174–180.

10 Педашенко С. А. Памятники Пушкину (1837 – 29 января 1912): с 10 снимками памятников. — М., 1912. — 24 с.: ил.

11 Врангель Н. Н. История скульптуры. — М.: Кнебель, 1904. — 416 с.

12 Толстой В. П. Ленинский план монументальной пропаганды в действии. — М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. — 56 с.; Толстой В. П. У истоков советского монументального искусства, 1917–1923. — М.: Изобразительное искусство, 1983. — 239 с.

13 Павлюченков А. С. Партия, революция, искусство (1917–1927 гг.). — М.: Мысль, 1985. — 176 с.

14 Павлюченков А. С. Памятники революционной России. — М.: Сов. Россия, 1986. — 95 [1] с.

15 Стригалева А. А. К истории возникновения ленинского плана монументальной пропаганды (март – апрель 1918 г.) // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. — М., 1976. — С. 97–129; Стригалева А. А. Ленинский план монументальной пропаганды и проблемы становления советской архитектуры : дис. ... канд. искусствоведения в форме научного доклада: 18.00.01. — Москва, 1985. — 33 с.; Стригалева А. А. У истоков советского монументального искусства // Декоративное искусство СССР. — 1968. — № 4. — С. 18–20; Стригалева А. А. С. Конёнков и монументальная пропаганда // Советская скульптура — 74. — М.: Сов. художник, 1976. — С. 210–223.

16 См., напр.: Латтевич Л. Г. Ленинский план монументальной пропаганды в Белоруссии. — Минск: Полымя, 1984. — 31 с.

Ленину было количество изданий с описанием монументов вождю революции в столице и регионах¹⁷.

Рост числа памятников в послевоенный период, в том числе за счет монументов в честь победы СССР в Великой Отечественной войне (включая такие масштабные мемориалы, как Волгоградский, Хатынский, Саласпилсский, Брестская крепость), а также памятников отдельным лицам (в их число входили и отдельные репрессированные в 1930-е гг. военачальники, например, В. К. Блюхер), стимулировало появление работ, осмысливавших эволюцию стиля и, частично, идеологические аспекты монументальной пропаганды.

Среди наиболее ценных работ, обобщающих историю монументальной пропаганды/монументальной скульптуры в СССР, — альбом «Монументальное искусство СССР»¹⁸, где в хронологическом порядке представлен широкий спектр творческих направлений и жанров скульптуры Страны Советов, работы представителей всех союзных республик (многие скульптуры не сохранились до наших дней). В сопроводительном тексте В. П. Толстого прослежена эволюция тем и образов; советское монументальное искусство показано как «сложное многосоставное единство». Подобное исследование на материалах Белоруссии было предпринято И. М. Елатомцевой¹⁹. Автор охарактеризовала развитие монументальной скульптуры и эволюцию художественных взглядов за 50 лет советской власти.

В монографии Н. В. Воронова «Советская монументальная скульптура, 1960–1980»²⁰, помимо анализа композиционно-пластических особенностей монументальной скульптуры 1960–1980-х гг., в разделе «Развитие монументальной скульптуры в 1960–1970-х гг.: экономико-социальный, идеологический и социально-психологический аспекты» рассматривались социальная обусловленность и идейные основы скульптуры заявленного периода.

В центре внимания В. А. Артамонова — монумент в городском пространстве²¹: зрительное восприятие монументальной скульптуры, влияние на него различных факторов, проблема выбора оптимальных мест. Отмечаются сложности восприятия ряда «культовых» советских монументов, включая памятник Ф. Э. Дзержинскому работы Е. В. Вучетича в Москве на площади Дзержинского (в 1990 г. площади возвращено название Лубянская; статую Дзержинского в 1991 г. демонтировали).

М. М. Волков в диссертационном исследовании середины 1980-х гг. проанализировал существовавшую на тот момент практику размещения объектов монументальной пропаганды, рассмотрев совокупность монументальных объектов каждого исторического города как единую систему в структуре города.

17 Памятники Ленину в Туркменистане / сост. А. Клычев, С. Аннанурова. — Ашхабад : Туркменистан, 1980. — 24 с.; *Воронов Ю. Г.* Памятники В. И. Ленину в Белоруссии. — Минск : Польша, 1976. — 23 с.; *Рокотян И. И.* Памятники В. И. Ленину на Ставрополье. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1971. — 39 с.

18 Монументальное искусство СССР / авт.-сост. В. П. Толстой. — М. : Сов. художник, 1978. — 382 с.

19 *Елатомцева И. М.* Монументальная летопись эпохи. — Минск : Наука и техника, 1969. — 152 с.

20 *Воронов Н. В.* Советская монументальная скульптура, 1960–1980. — М. : Искусство, 1984. — 226 с.

21 *Артамонов В. А.* Город и монумент. — М. : Стройиздат, 1974. — 224 с.

Им предложена специальная методика составления, на основе факторного анализа территорий, планировочных композиций и тематического зонирования комплексных долгосрочных схем размещения монументов в пространстве исторических городов в целях «полноценного совместного использования архитектурно-градостроительных, идейно-воспитательных и утилитарно-информационных изобразительных решений и средств с учетом динамики развития города»²².

Памятники героям Великой Отечественной (Второй мировой) войны и ее жертвам как в СССР, так и за рубежом — в странах социализма и антигитлеровской коалиции — стали объектом исследования И. А. Азизян и И. В. Ивановой²³. Авторы проследили эволюцию подходов, в том числе композиционно-пластических, к созданию такого рода памятников, начиная с временных, эпохи войны, и заканчивая грандиозными мемориалами.

Весомым вкладом в осмысление темы явилась искусствоведческая диссертация Т. Г. Малининой²⁴ о реализованных и нереализованных монументальных проектах, созданных оперативно как ответы на вызовы военного времени. Для осознания формирования художественного образа памятника Великой Отечественной войны автор привлекла материалы всесоюзных конкурсов 1942–1945 гг. Т. Г. Малинина показала взаимодействие основных акторов монументальной политики — партийных, советских (прежде всего Комитета по делам архитектуры при СНК), военных организаций и творческих союзов.

В искусствоведческих трудах С. С. Валериус (инженера проекта монумента воину-освободителю в берлинском Трептов-парке)²⁵ анализируется творческое своеобразие и общие тенденции развития скульптуры социалистических стран, дается характеристика национальных школ ваяния в СССР и странах социалистического лагеря, проблемы формы и содержания, традиций и новаторства²⁶.

С 1973 по 1981 гг. в издательстве «Советский художник» ежегодно выходил сборник «Советская скульптура»; в нем преимущественно публиковались статьи о новых работах, выставках, творчестве отечественных и зарубежных (главным образом, из социалистических стран) скульпторов. С точки зрения реконструкции монументальной политики представляют интерес публикации юбилейных лет, касающиеся актуальных тенденций репрезентации значимых событий или персонажей. Например, в сборнике, обобщающем итоги

22 Волков М. М. Система объектов монументальной пропаганды в структуре исторического города : дис. ... канд. архитектуры: 18.00.04. — М., 1985. — 161 с.

23 Азизян И. А., Иванова И. В. Памятники вечной славы. Концепции и композиция. — М.: Стройиздат, 1976. — 207 с.

24 Малинина Т. Г. Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (по материалам конкурсов и выставок 1942–1945 гг.): дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 1984. — 275 с.

25 См., напр.: Валериус С. С. Скульптура нового мира : проблемные очерки. — М.: Изобразительное искусство, 1970. — 379 с.

26 Валериус С. С. Проблемы современной советской скульптуры. — М.: Искусство, 1961. — 222 с.; Советская скульптура наших дней: 1960–1970 / сост. и отв. ред. С. С. Валериус. — М.: Сов. художник, 1973. — 391 с.

1977 года, опубликованы статьи «Советская скульптура и 60 лет Октября»²⁷ и «Памяти героев международного коммунистического и рабочего движения»²⁸.

Практически во всех регионах СССР издавались научно-популярные работы, в которых в той или иной степени отразились социально-политический контекст и конкретные обстоятельства происхождения монументов, отдельные аспекты монументальной пропаганды. К таким трудам, созданным на материалах Северного Кавказа, относятся аннотированный альбом «Памятники Северного Кавказа»²⁹, очерк И. В. Жерноклева и Е. И. Жерноклевой «Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи»³⁰, сборник «В граните и бронзе»³¹. История монументов освещалась также в общем русле истории отдельных городов и сел, автономных республик, краев и автономных областей.

В целом труды советского периода можно рассматривать как значительный ресурс для изучения истории монументальной политики.

Современные авторы исследуют монументальную политику в контексте исторической политики и политики памяти, используя теоретический инструментарий *memory studies*, наработки П. Нора, М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман и других «классиков жанра». Как отмечает О. Б. Леонтьева, рассуждая о причинах «мемориального поворота», востребованность в современной России подобных исследований обусловлена «неоднократными ревизиями прошлого, усилиями современных политиков и политтехнологов по формированию новой непротиворечивой версии “общего прошлого”»³². Авторы работ об исторической политике рассматривают публичные дискуссии, инициированные властью, коммеморативные ритуалы (в том числе в рамках монументальных проектов) как способы воздействия на историческую память населения³³.

В претендующей на охват всей тысячелетней традиции российской коммеморации монографии А. В. Святославского «История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов» рассматривается «культура намеренного увековечения», воплощенная в мемориалах, памятниках, некрополях. Автор исходит из смены «парадигм памяти», каждой из кото-

27 Сметлов И. В. Советская скульптура и 60 лет Октября // Советская скульптура — 77. — М.: Сов. художник, 1979. — С. 6–19.

28 Иванова И. В. Памяти героев международного коммунистического и рабочего движения // Советская скульптура — 77. — М.: Сов. художник, 1979. — С. 19–29.

29 Памятники Северного Кавказа: Автономные республики и Ставропольский край: [Альбом] / вступ. статья Б. Гнедовского. — М.: Сов. Россия, 1976. — 24 с., 183 л., ил.

30 Жерноклев И. В., Жерноклева Е. И. Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи. — Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, Адыгейское отделение, 1973. — 130 с.

31 В граните и бронзе: (О памятниках Кубани) / сост. Н. Т. Ганенко, В. Ф. Латкин. — Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1975. — 144 с.

32 Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. — 2015. — № 50. — С. 59–96.

33 Сенявская Е. С., Сенявский А. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. — 2007. — № 2. — С. 139–151; № 3. — С. 107–121.; Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.; Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.; Историческая политика в XXI в.: сб. статей / ред. А. Миллер, М. Линман. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 648 с.

рых присущи представления об объектах увековечения, определенные акторы коммемораций, художественный стиль³⁴.

Монументальные инициативы в контексте изменения культурного ландшафта постсоветских государств и стран бывшего социалистического лагеря воспроизведены в целом ряде работ. Большую ценность имеют монография и статьи польского исследователя М. Чепчинского³⁵, где показано, как в переходных обществах, где меняющаяся политическая и социальная система подразумевает изменение воспоминаний о прошлом, культурный ландшафт становится первым «полем битвы». Обращается внимание на пустые пространства, оставшиеся после первоначальной очистки ландшафта, которые создают «промежуточные», нестабильные значения. Представляется важным вывод автора о различных сценариях лиминального перехода: в ряде случаев он невозможен в полной мере, что находит подтверждение в монументальном ландшафте многих стран Центральной и Восточной Европы.

Профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан) К. Медеуова задается вопросом: «Как памятники и монументы (по преимуществу советские инструменты коллективной идентичности) работают на самоопределение нового государства. Что в этом поиске доминирует, что вытесняется, как гибридизируется язык высказываний, какими мемориальными объектами маркируется теперь Казахстан». Исследуя мемориальные комплексы, появившиеся в республике после распада СССР, автор использует термин «контрпамятные места» как результат «ответной реакции на историческую/политическую несправедливость в отношении культурной памяти в советский период»³⁶.

Канадские профессора Б. Форест и Дж. Джонсон, основываясь на обширной базе данных, включающей сведения о памятниках двадцати шести «посткоммунистических государств» за 1985–2010 гг., рассматривают роль монументов в формировании коллективной памяти через призму политологии и подчеркивают тесную связь монументальной политики с актуальными задачами того или иного политического режима³⁷.

Британская исследовательница И. Мур в статье «Вильнюсский мемориальный ландшафт: разрушение и восстановление памятников, коллективная память и национальная идентичность»³⁸ на примере отдельно взятого

34 *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М.: Древлехранилище, 2013. — 592 с.

35 *Czepczyński M.* Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs. — Aldershot: Ashgate, 2008; *Czepczyński M.* Haunted Landscapes. Post-Socialist Memory Limbo of Contemporary Poland // *Mesto a Dejiny*. 2016. Vol. 5. Is. 2. — Pp. 68–79.; *Czepczyński M.* Interpreting Post-Socialist Icons: form Pride and Hate Towards Disappearance and/or Assimilation // *Human Geography*. 2010. № 4. — Pp. 67–78.

36 *Медеуова К.* Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 256–274.

37 *Forest B., Johnson J.* Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27. № 3. — Pp. 269–288. См. также: *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. А. Касаева. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.

38 *Moor I.* Vilnius Memoryscape: Razing and Raising of Monuments, Collective Memory and National Identity // *Linguistic Landscape an International Journal*. 2019. № 5. — Pp. 248–280.

города показала использование памятников в качестве инструмента государственного строительства и легитимации власти, деятельность мнемонических акторов по избавлению от элементов советского и создания, в том числе посредством монументальных инициатив, нового комплекса воспоминаний. При этом отмечается избирательность «возвращенных» воспоминаний, культивирование «публичной амнезии» в политических целях, роль новых памятников, символизирующих консолидацию нации, «бывшей жертвы советского режима», в отвлечении внимания населения от актуальных социально-экономических проблем.

В монографии Г. Г. Денисенко «Культурное наследие и его роль в формировании исторической памяти»³⁹ рассматривается эволюция монументального пространства в Украине на различных исторических этапах. Характеристиками современного ландшафта выступают, по мнению автора, демонтаж ряда памятников советского периода, массовое возведение монументов, символизирующих национальную независимость, тему т. н. голодомора, Холокоста, большого террора. Подчеркивается роль памятников в складывании украинской модели исторической памяти.

Авторы новейшего коллективного труда «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы»⁴⁰ рассматривают концептуальные аспекты политики памяти, деятельность различных институтов памяти, мнемонических акторов, локальные и групповые исторические нарративы, использование памяти в политике и пр., касаясь при этом такой важной составляющей инфраструктуры мемориального пространства, как памятники. Заметим, что не меньший интерес, чем книга, вызывает ее обсуждение, инициированное журналом «Новое прошлое»⁴¹.

В постсоветской России активно изучается дореволюционное монументальное пространство, существенно «подкорректированное» в революционные годы.

На рубеже тысячелетий был издан монументальный двухтомный труд «Запечатленная Россия. Монументы XVIII — начала XX в.»⁴², в котором его автор — мэтр отечественного искусствоведения и истории архитектуры Е. И. Кириченко, прослеживая процесс формирования «монументального ландшафта» страны во всех его проявлениях, включая пространства городов, дворцы, храмы-памятники, монументальные общественные здания, мемори-

39 Денисенко Г. Г. Культурна спадщина у формуванні історичної пам'яті. — Київ : Інститут історії України НАН України, 2018. — 319 с.

40 Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.

41 Дискуссия о книге «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» / С. М. Маркелов, В. А. Шнирельман, Л. А. Фадеева, Х. Граля, М. А. Линман, А. А. Тесля // Новое прошлое — The New Past. — 2020. — № 3. — С. 256–302. См. также: Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л. П. Репиной. — М. : Аквилон, 2020. — 464 с.; Эппе Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. — М. : Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.

42 Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Монументы XVIII — начала XX в. Кн. 1 : Архитектурный памятник. — М. : Жираф, 2001. — 352 с.; илл.; Кн. 2 : Архитектурные ансамбли и скульптурный памятник. — М. : Жираф, 2001. — 384 с.; илл.

алы, триумфальные и мемориальные комплексы усадеб и монументальную скульптуру, обосновывает утверждение о том, что в России имперского периода «история монумента есть не что иное, как сознательно и целенаправленно создававшаяся всеми пространственными искусствами, запечатленная в камне и бронзе история нашего Отечества».

В те же годы вышло два издания книги К. Г. Сокола с описанием памятников императорской России⁴³, затем каталог «Монументальные памятники Российской империи»⁴⁴ этого же автора с описанием 915-ти памятников, информацией о неосуществленных и незавершенных проектах, что создало серьезные предпосылки дальнейшего исследования темы. В 2009 г. К. Г. Сокол защитил кандидатскую диссертацию «Российские монументальные памятники конца XVIII — начала XX вв. как объекты исторической географии». Предметом исследования стало «географическое распределение российских монументальных памятников». Автор воспроизвел широкую панораму процессов и явлений, связанных с монументальной политикой (в диссертации употребляется термин «мемориализация») в дореволюционной России. Представлено пять этапов истории российской мемориализации, распределение и тематика памятников Европейской России и окраин Российской империи, зоны наибольшей концентрации памятников (как Санкт-Петербург и Москва, так и «региональные столицы»), особенности мемориализации в различных регионах. Автор обнаруживает прямую связь между степенью мемориализации регионов и активностью проходивших в них военно-политических процессов, главным образом, боевых действий⁴⁵.

Монументальные инициативы, а также практики увековечивания памяти о человеке или о событии посредством присвоения имени кораблю («кроме монументов из бронзы и камня, роль памятников успешно играли суда») в дореволюционной России реконструированы В. В. Лапиным. Он проследил также дальнейшую судьбу памятников с точки зрения борьбы за символическое пространство⁴⁶.

Среди других обобщающих трудов выделим монографию Ю. Р. Савельева «Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы. 1881–1914» (2011)⁴⁷, книги С. А. Еремеевой «Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX — начала XX в» (2015)⁴⁸ и «Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в

43 Сокол К. Г. Монументы империи. Описание памятников императорской России (изд. 2-е, испр. и доп.). — М.: Грантъ, 2001. — 458 с.: ил.

44 Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи: Каталог. — М.: Вагриус Плюс, 2006. — 432 с.: ил.

45 Сокол К. Г. Российские монументальные памятники конца XVIII — начала XX вв. как объекты исторической географии: автореф. дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24. — М., 2009.

46 Лапин В. В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. — 2014. — № 1. — С. 121–145.

47 Савельев Ю. Р. Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы. 1881–1914. — СПб.: Лица России, 2011. — 296 с.

48 Еремеева С. А. Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX — начала XX в. — М.: РГГУ, 2015. — 530 с.

рамках практики монументальной коммеморации» (2009)⁴⁹. Ю. Р. Савельев рассматривает подходы к созданию монументов правителям в сравнительной перспективе (прежде всего в сопоставлении с Германией и Италией) и преимущественно с искусствоведческих позиций. Абсолютное большинство описанных отечественных монументов относятся к числу утраченных, что еще более усиливает ценность проведенного исследования. С. А. Еремеева связывает создание монументального ландшафта в дореволюционной России с формированием коллективной памяти и национального самосознания. Отдельного внимания удостоился процесс появления памятников «новым героям — не государственным, а культурным деятелям». Именно памятники писателям, в том числе установленные в регионах (в Симбирске — Н. М. Карамзину, в Архангельске — М. В. Ломоносову, в Казани — Г. Р. Державину и др.), по мнению автора, сделали традиционной такую практику коммеморации и превратили монумент в место памяти, в символ национальной гордости и идентичности.

Монументальная политика времени правления Николая I в общих чертах охарактеризована Л. В. Выскочковым⁵⁰. Немало работ разных авторов посвящено «судьбам» дореволюционных монументов⁵¹, способам монументального увековечения отдельных героев⁵² и событий истории дореволюционной России. М. Г. Агапов, рассматривая пути актуализации исторической памяти о Ермаке Тимофеевиче посредством установки памятников в различные исторические эпохи, отмечает феномен «монументальной реинкарнации» своего персонажа, ставшего знаковой фигурой имперского, советского и постсоветского дискурсов⁵³.

Памятникам «забытой» Первой мировой войны, возведенным еще до ее окончания и через 100 лет, анализу образов, концепций репрезентации войны и их оснований в различные эпохи посвящена статья А. В. Королева⁵⁴.

49 Еремеева С. А. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации. — М. : Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2009. — 49 с.

50 Выскочков Л. В. Монументальная пропаганда при императоре Николае I // Мавродинские чтения : сб. статей. СПб., 2002. — С. 162–168.

51 Антощенко А. В. Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // Феномен прошлого. — М. : Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2005. — С. 396–418; Мальгина М. Р. От Крыма и всей России: памятник Екатерине Великой // Историческое наследие Крыма : сб. ст. — Симферополь : Антика, 2017. — С. 5–24.; Лопатин А. П., Лопатина Н. А. Экспонат двух музеев: горельеф, переживший войну // Наследие веков. — 2015. — № 3. — С. 71–88. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/11/2015_3_Loratin_Loratina.pdf (дата обращения: 23.02.2019); Иванова Е. А., Масалов В. А. Судьба памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска в станице Бесскорбной // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 4. — С. 79–81.; Гаприлов В. Г. История памятника, установленного в честь победы казаков атамана М. И. Платова над авангардом французской армии у д. Молево Болото // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI междунар. науч. конф. (Бородино, 4–6 сент. 2017 г.). — Бородино, 2018. — С. 111–116.; Колосовская Т. А. Казаки памятники на Северном Кавказе: идеи, проекты, реализация (вторая половина XIX — начало XX в.) // Терский сборник. — М. : Мирасль, 2017. — С. 169–184.

52 Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 1. — С. 142–150.

53 Кричко Е. Ф., Горишнина Е. М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. — Международные отношения. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 203–214.

54 Королев А. В. О новейших отечественных памятниках героям Первой мировой войны // Историческая экспертиза. — 2020. — № 2. — С. 43–52.

Стратегии российских регионов в апробации индивидуальных способов соотнесения прошлого и настоящего, способствующие появлению новых моделей прошлого и этнополитических мифов, рассмотрены Д. А. Аникиным. Он выделяет следующие стратегии региональной политики памяти: реструктуризация советского прошлого; восстановление «исторической справедливости» (реконструкция досоветских или несоветских образов прошлого); поиск новых образов прошлого и стратегий их репрезентации (в процессе конкуренции отдельных российских регионов за туристическую или инвестиционную привлекательность)⁵⁵. Данные стратегии находят воплощение в монументальном ландшафте.

В монографии Д. С. Ткаченко «Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв.»⁵⁶ складывание монументального ландшафта рассмотрено как «проявление политики сохранения памяти» сквозь призму военной и социально-политической истории региона. Автор, разделивший в рамках своего исследования массив памятников на группы — памятники особам правящего дома; памятники государственной власти и олицетворявшим ее персонам; памятники «покорения Кавказа»; на родно-казачьи памятники, — пришел к выводу, что возведение памятников имперского периода на Кавказе было связано с сословно-классовой структурой государства и не отражало практик памятования неимущих классов и этнических меньшинств Северного Кавказа.

Монументальные практики *советского государства* детально рассматриваются в основном на примере первых десятилетий советской власти⁵⁷. Ленинский план монументальной пропаганды переосмысливается С. В. Семеновым и В. С. Сперанской с точки зрения преемственности по отношению к традиции возведения памятников в императорской столице Санкт-Петербурге⁵⁸. О. В. Калугина рассматривает данный план как новаторский опыт организации монументального конкурса⁵⁹. Сравнительный анализ монументальной пропаганды в Советской России и Венгерской советской республике в 1917–1919 гг. представлен в статье Б. Верёша⁶⁰. Автор приходит к выводу о том, что и российские, и венгерские идеологи через постановку памятников

55 Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. — 2012. — № 3. — С. 121–126.

56 Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. — Ставрополь : Печатный Двор, 2017. — 336 с., ил.

57 Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1921–1928 гг. // Молодой ученый. — 2015. — № 24. — С. 818–823; Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1928–1941 гг. // Молодой ученый. — 2016. — № 7. — С. 545–549; Шалаева Н. В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2014. — Вып. 59. — № 8. — С. 30–35.

58 Семенов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. — 2018. — № 2. — С. 37–47.

59 Калугина О. В. Декрет о памятниках республики и его реализация как новационный опыт организации монументального конкурса // Три века под знаком новизны. Отечественное искусство 1700–2000-е : сб. статей между научной конференции (Москва, 22 июня 2016 г.). — Барнаул, 2017. — С. 95–101.

60 Veresh B. Исторические деятели при новых режимах: монументальная пропаганда в Советской России и Венгерской советской республике в 1917–1919 гг. // Historia Provinciae — Журнал региональной истории. — 2018. — Т. 2. — № 4. — С. 199–239.

историческим деятелям, «назначенным» носителями революционной традиции, преследовали цель легитимизации собственной диктатуры.

Я. Г. Шклярская проследила эволюцию стилей первых советских десятилетий в контексте проблемы «народ и памятник». Она рассматривает генезис оформления большого стиля советской скульптуры как следствие объединения разнонаправленных векторов — нового символизма и футуризма, проводит параллель между участием народа в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды и современными, принятыми в разных странах, стратегиями привлечения общественности к программам публич-арта⁶¹.

Памятники героям революции 1917 г. и Гражданской войны рассматриваются в тесной связи с практиками коммеморации на различных этапах истории. Исследователи активизировались в преддверии столетних юбилеев этих эпохальных событий и на фоне продолжающихся в течение последнего тридцатилетия дискуссий о монументальном увековечении антибольшевистского движения, особенно в центрах гражданского противостояния — на Юге и Востоке страны.

Активно обсуждается, в том числе сообществом историков, монументальный ландшафт Омска — бывшей восточной «белой» столицы, возможность сооружения памятника А. В. Колчаку⁶². Доклады, посвященные данной теме, находились в центре внимания организованной в Омске Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в 2016 г. конференции «Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации “красного” и “белого” движения». Как отмечали участники конференции, процессы, связанные с трансляцией и трансформацией коллективной исторической памяти о Гражданской войне, порождают необходимость формирования консенсуса по отношению к историческим памятникам, достопримечательным местам, воинским захоронениям и мемориалам, связанных с Гражданской войной, формирования новых историко-культурных доминант, подчеркивающих своеобразие городского пространства⁶³.

В монографии Е. И. Красильниковой такого рода памятники и памятные места рассмотрены сквозь призму советской политики памяти, изменений в коммеморативной сфере культуры городов Западной Сибири в межвоенные годы⁶⁴. Интересен предпринятый ею же анализ эволюции мемориального пространства Новосибирска со времени его основания в 1893 г. до начала XXI в. в контексте эволюции политики памяти, исходившей от различных акторов.

61 Шклярская Я. Г. Народ и памятник // Искусство. — 2012. — № 3. — С. 32–47.

62 Виле П. П. Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» // Памятники истории и культуры города Омска : сб. ст. — Омск, 1992. — С. 18–28.; Виле П. П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. — Омск : ОГИК музей, 2005. — С. 5–12.; Шиловский М. В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2019. — № 1. — С. 133–138. и др.

63 Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов всероссийской науч.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.). — М. : Институт Наследия, 2016. — 364 с.

64 Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — 2-е изд. — Новосибирск : Золотой колос, 2015. — 404 с.

Вопросам мемориализации (посредством памятников, мемориальных досок, топонимики, художественной литературы, кинематографа) участников и жертв Гражданской войны в Азиатской России в советский и постсоветский периоды посвящена статья М. В. Шиловского⁶⁵. Обострение борьбы с памятниками или за памятники в современной России требует, по мнению автора, регламентации практики увековечения памяти выдающихся людей и событий.

В трудах А. Н. Еремеевой затрагиваются вопросы мемориализации антисоветских режимов на Дону и Кубани, монументальные практики времен Гражданской войны⁶⁶. Е. Ф. Кринко проследил столетнюю эволюцию мемориальных объектов, посвященных событиям и участникам революции и Гражданской войны на Юге России: от первых памятников 1918–1920-х гг., установленных как большевиками, так и их противниками, далее — этапа доминирования памяти о победителях в мемориальной политике советских лет и, наконец, увековечивания памяти о противниках большевиков в постсоветской России. Показано, что сосуществование «разнонаправленных» памятников провоцирует мемориальные конфликты⁶⁷. Эта же тема на материалах Кубани и Черноморья продолжена А. В. Гончаровым. Основываясь на данных государственного учета применительно к объектам культурного наследия, прямо или косвенно относящимся к эпохе Гражданской войны, автор рассматривает смену акцентов в осмыслении революционных событий и, соответственно, отношения к их материальным свидетельствам⁶⁸.

Продолжается изучение стилевых, композиционных особенностей советского монументального искусства, его социальных функций и возможностей интерпретации. М. М. Силина исследовала историю советской монументально-декоративной скульптуры 1920–1930-х гг. в контексте тенденций развития мирового искусства и государственной политики в области художественного творчества⁶⁹.

Авторы красочно иллюстрированной книги «Монументальная мозаика Москвы: между утопией и пропагандой: 1926–1991» рассматривают советскую мозаику не только как идеологический продукт, но и как культурный феномен, ее органичную «вписанность» сначала в статусные государственные сооружения, а затем и обычные здания⁷⁰.

65 *Шиловский М. В.* Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о Гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2019. — № 1. — С. 133–138.

66 *Еремеева А. Н.* «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). — СПб.: Нестор, 1998. — 399 с.; *Еремеева А. Н.* Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 171–183.

67 *Krinko E. F.* The memorialization of the events and participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia // Русская старина. — 2017. — № 8. — С. 154–172.

68 *Гончаров А. В.* «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 41–47. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

69 *Силина М. М.* История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х гг. — М.: БуксМарт, 2014. — 351 с.: ил.

70 Монументальная мозаика Москвы: между утопией и пропагандой: 1926–1991 / А. Петрова, Е. Рускевич, Д. Хилл, Е. Куделина. — М.: Эксмо, Бомбора, 2021. — 319 с.

Репрезентация мифа о новом советском человеке в советском монументальном искусстве (на примере оформления станций московского метрополитена) поднимается в статье К. В. Киуру⁷¹. Е. В. Грибоносова-Гребнева рассматривает советскую скульптуру 1920–1930-х гг. с точки зрения репрезентации жанра ню, размышляя над рецепцией античных и ренессансных традиций, западноевропейской классики XVIII–XIX вв. в новой социокультурной ситуации, обусловившей неожиданные на первый взгляд «образно-сюжетные метаморфозы»⁷². Эту же тему с позиций «глубинных психосоциальных схем» в отношениях человеческого мышления и тоталитарной власти» продолжает А. О. Карпов, доказывая, что данные схемы имеют в основе архаику культуры древности⁷³.

Монументальное искусство сталинской эпохи — в центре статьи С. В. Ряполова о феномене советского классицизма, олицетворяющем силу, могущество и бессмертие советского государства⁷⁴. На конкретном городском ландшафте данная тема рассмотрена О. А. Зиновьевой. Она делает вывод о скрытом в монументальном искусстве сталинской Москвы символизме, отражающем «культурные пласты барокко, классицизма и ампира, которые в свою очередь обращались к египетскому монументальному искусству с его представлением о незыблемости и бессмертии богов и вождей»⁷⁵. В небольшой по объему монографии Л. Н. Дорониной⁷⁶ (по содержанию ее можно рассматривать скорее как учебное пособие) анализируется творчество советских скульпторов сталинской эпохи и их творения — памятники деятелям революции, писателям, ученым, в том числе с позиций синтеза скульптуры и архитектуры.

Обстоятельства появления/исчезновения памятников на территориях, ставших советскими (Западная Украина, Калининград) рассматриваются с точки зрения своеобразия советской политики памяти в данных регионах⁷⁷.

Продолжалось изучение творчества советских скульпторов. Как и раньше, самым популярным персонажем является Вера Мухина — ее жизнь, «культовые» и малоизвестные произведения⁷⁸.

71 *Киуру К. В.* Визуальный миф в идеологическом нарративе: репрезентация в советском монументальном искусстве // Вестник культуры и искусств. — 2017. — № 3. — С. 113–118.

72 *Грибоносова-Гребнева Е. В.* Метаморфозы жанра ню в отечественной скульптуре 1920–1930-х гг.: диалог с классикой // Новое искусствоведение. История, теория и философия искусства. — 2019. — № 3. — С. 96–104.

73 *Карпов А. О.* Онтология тоталитарного чувствования: эротический ракурс // Вопросы философии. — 2017. — № 5. — С. 196–207.

74 *Ряполов С. В.* Проблема интерпретации советского монументального искусства // Сборник научных трудов SWorld. — 2012. — Т. 32. — № 2. — С. 39–43.

75 *Зиновьева О. А.* Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — № 1. — С. 9–23.

76 *Дорониная Л. Н.* Скульптура сталинской эпохи (1930–1950-е гг.). — М.: МГПУ, 2013. — 97 с.

77 *Зиметьев И. О.* Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 40–61. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003; *Дмитриев А. Н.* Бронзовый гость без вышиванки, или Бывший Ленин в восемнадцатом году // Неприкосновенный запас. — 2018. — № 2. — С. 203–224.

78 *Воронов Н. В.* Вера Мухина. — М.: Изобразительное искусство, 1989. — 336 с.; *Смирнова М. А., Волкова А. А.* Скульптуры Веры Мухиной как олицетворение советской эпохи // Modern Science. — 2019. — № 7–2. — С. 57–61.; *Троцницкая А. В., Астраханцева Т. Л.* К проблеме исследования и атрибуции ранних скульптур В. И. Мухиной // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. — 2016. — № 4. — С. 51–59.; *Джанджуазова Е. А.* Вера Мухина — «первая дама советской скульптуры» // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2013. — № 4. — С. 5–10.; *Джанджуазова Е. А.* Монументальная композиция «Рабочий и колхозница» как новая идеология городского пространства или как туристский бренд Москвы? // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2013. — № 4. — С. 63–71. и др.

Множество научных и популярных работ посвящено Е. В. Вучетичу⁷⁹.

Внимание современных ученых привлекает эволюция наиболее популярных персонажей советского монументального искусства. Одно из направлений исследования скульптурной ленинианы — история создания отдельных монументов и комплексов, их роли и места в пространстве города⁸⁰. М. Силина в разделе упомянутой выше монографии о монументально-декоративном рельефе СССР 1920–1930-х гг. и обзоре 2017 г. «Владимир Ленин и советская мемориальная индустрия»⁸¹ воспроизвела пути производства и распределения памятников Ленину в РСФСР, ритуальные практики, связанные с пространством вокруг этих памятников, трактовки образа вождя революции на различных этапах.

Типологию визуальных образов К. Маркса со времени образования советского государства до середины 1980-х гг. с учетом «политических различий и общественных установок, бывших на различных этапах», проследила Т. Ю. Серикова⁸².

Значительное количество работ посвящено основным вехам формирования и современному состоянию монументального увековечения памяти о Великой Отечественной войне⁸³. Т. Г. Малинина продолжила изучение его начального этапа в архитектурном проектировании и художественной критике⁸⁴. Эту тему развивает В. Г. Басс, исследуя воздействие идеологических по-

79 *Воробьев Е. П.* Советский скульптор-монументалист Е. В. Вучетич: обзор источников // Вестник архивиста. — 2019. — № 4. — С. 1228–1238. — DOI: 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238.; *Васильев Д. В., Мазаев Н. А.* Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2020. — № 2. — С. 112–128. — DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.10.; *Стаховская А.* Вучетич — история жизни: документальная повесть. — Днепропетровск: Січ, 2005. — 273 с., *Нехезина М. П.* Русский Микеланджело. — Волгоград: Издатель, 2011. — 77 с.

80 *Алексеев Е. П.* Провинциальный монументализм: первые памятники В. И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2005. — № 5. — С. 142–161.; *Петренко С. Д., Блинов Е. Н.* Иконография Ленина в памятниках г. Новосибирска // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2016. — № 1. — С. 501–506.; *Хартдинова Л. И.* История создания ансамбля ленинского мемориального комплекса в Ульяновске // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. — 2009. — № 3. — С. 216–223.; *Kruk S.* Profit Rather than Politics: the Production of Lenin Monuments in Soviet Latvia // Social Semiotics. 2010. Vol. 20. Is. 3. — Pp. 247–276.; *Маркова О. Н.* Страницы скульптурной «Ленинианы»: памятники В. И. Ленину в Новороссийском морском порту / О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 62–68. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Markova.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

81 *Силина М. М.* Владимир Ленин и советская мемориальная индустрия // Центр экспериментальной музеологии. — URL: http://redmuseum.church/lenin_commemoration. (дата обращения: 22.04.2020).

82 *Серикова Т. Ю.* Типология визуальных образов Карла Маркса // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2018. — № 2. — С. 97–105.

83 *Конрадова Н., Рылеева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 241–261.; *Еремеева А. Н.* Память о Великой Отечественной войне «в граните и бронзе» // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы всерос. науч. конфер., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ростов-на-Дону, 10–11 сент. 2020 г.). — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. — С. 544–549.; *Семенова О. В., Афанасенко В. И.* Новые памятники о прошлом: ростовские сюжеты о Великой Отечественной войне // Культурная жизнь Юга России. — 2020. — № 3. — С. 118–128.; *Еремеева А. Н., Коваленко Т. В.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 23. — № 1. — С. 25–39. — DOI: 10.15826/izv2.2021.23.1.002.

84 *Малинина Т. Г.* Тема памяти в архитектурном проектировании и художественной критике военных лет // Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [материалы, документы, статьи, комментарии]. — М., 2011. — С. 186–202.

слаблений военных лет, некоторой эмансипации архитекторов и скульпторов на «способы выражения и увековечения грандиозной трагедии»⁸⁵.

Авторы анализируют ресурсы советских и современных монументов в производстве исторической памяти, национальной идентичности, подходы различных политических сил к интерпретации образов, их стремление использовать памятники в своих целях. Наибольший интерес вызывает скульптура «Родина-мать зовет!» Е. В. Вучетича на Мамаевом кургане⁸⁶. Неслучайно журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт» обозначил тему специального номера (2017, № 1): «“Родина-мать зовет!”: пятьдесят лет в строю». По сути, обсуждение данной темы началось еще в рамках № 4 за 2015 г., тема которого была обозначена как «Символ Родины-матери в российской культуре: политика, семиотика, история».

Группа курских исследователей воспроизвела историю монументального увековечения Курской битвы от первых монументов до возведения мемориальных комплексов коллективами под руководством Е. В. Вучетича, П. И. Бондаренко, М. Л. Теплицкого в контексте взаимодействия общественных организаций и государственных структур⁸⁷.

Концепция мемориального комплекса постсоветского периода «Парк Победы» рассмотрена А. В. Ваньке через призму коммуникативных аспектов его функционирования в публичной сфере как объект и инструмент государственной политики. Автор реконструировала механизм, посредством которого поддерживается образ единой нации, «воспроизводится идентичность народа-победителя, помнящего героев и жертв войны»⁸⁸.

Памятникам Великой Отечественной войны городов-героев Волгограда, Севастополя, Керчи, Новороссийска позднесоветского периода с точки зрения их социальных функций и практик посвящена статья А. Д. Попова и О. В. Романько. Выделяются, наряду с коммеморативной, политико-идеологическая, ритуальная, мобилизационная, информационная, воспитательная, сакральная, рекреационная, эстетическая функции памятников. Данное многообразие функциональных задач, как доказывают авторы, учитывалось при проектировании и строительстве мемориальных сооружений⁸⁹.

85 Басс В. Г. «Величайший и любимейший эпос нашего века»: проекты советских военных монументов 1941–1945 гг. // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 1. — С. 62–74.

86 Тимофеев М. Ю. Помни о Матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. — 2015. — № 4. — С. 43–63; Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. — 2015. — № 3–4. — С. 78–95; Мутаев У. К. Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана (на материале интервью) // Лабиринт. — 2015. — № 4. — С. 154–167; Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт. — 2015. — № 4. — С. 168–183; Рябов О. В. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике: контуры проблемного поля // Лабиринт. — 2017. — № 1. — С. 6–20; Тимофеев М. Ю. «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовет!» в современной мемориальной политике // Лабиринт. — 2017. — № 1. — С. 45–58.

87 Коровин В. В., Майжосов, А. Н., Кизилова Е. В. «Теперь мы в граните и бронзе...» (Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы). — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2020. — 295 с.

88 Ваньке А. В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2015. — № 3. — С. 203–220.

89 Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 55–62.

В ряде работ показано восприятие населением памятников, увековечивающих Великую Отечественную войну, что чрезвычайно важно, учитывая их роль в формировании системы ценностей⁹⁰.

Случай, когда монумент Победы вне ситуации праздника воспринимается лишь как элемент архитектурного ландшафта, рассмотрен на примере открытого в 1983 г. ростовского мемориального комплекса на Театральной площади, неоднозначно оцениваемого населением города и в прошлом, и в настоящем⁹¹.

Исследователи отмечают особый интерес государства, в связи с уходом поколения свидетелей войны, к актуализации культурной памяти о ней для постоянного воспроизводства дискурса Победы, разделяемым широкими слоями населения и являющимся мощным консолидирующим фактором⁹².

Новые памятники, транслирующие память о периоде Великой Отечественной войны, нередко отражают темы травмы отдельных народов многонациональной России/СССР. Речь идет о Холокосте (первые памятники жертвам которого появились еще в советское время)⁹³, а также о депортациях военных лет⁹⁴.

Привлекают внимание исследователей появившиеся в «новой» России памятники жертвам политических репрессий⁹⁵. Монументы «афганцам»/героям-интернационалистам/героям необъявленных войн рассматриваются как

90 *Ваньке А. В., Подухина Е. В.* Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕР. — 2014. — Т. 1. — № 8. — С. 36–51.; *Васильев И. Ю.* Памятники Великой Отечественной войны в восприятии краснодарцев // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 69–74. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Vasilev.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

91 *Кричко Е. Ф., Хлынина Т. П.* Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2014. — Т. 8. — № 3. — С. 27–35.

92 *Камынин В. Д.* Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания // Известия Уральского государственного ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — № 1. — С. 59–65.; *Федор Д., Льюис С., Журженко Т.* Война и память в России, Украине и Беларуси // Неприкосновенный запас. — 2018. — № 3. — С. 114–141.; *Костяшов Ю. В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX — начало XXI в.) // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 62–72. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004.

93 *Черкаски А.* Место увековечивания памяти евреев, уничтоженных во время Второй мировой войны в советском мемориальном ландшафте // История и историки в контексте времени. — 2012. — № 9. — С. 30–35.; *Вятчина М., Юджина А.* Мемориализация Холокоста в Смоленской области (1943–1990 гг.): действующие лица, места и практики поминовения // Евреи пограничья: Смоленщина. — М., 2018. — С. 237–250.; *Чевеля Я.* Змиевская балка: вопреки. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2013. — 463 с.; *Рождественская / Мещеркина Е. Ю.* Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. — 2017. — № 5. — С. 87–114.

94 *Сагааджеева Д. В.* Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. — 2020. — № 1. — С. 306–318.; *Полян П. М.* Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 3. — С. 30–48.; *Кричко Е. Ф.* Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе // Новое прошлое / The New Past. — 2018. — № 3. — С. 200–210.; *Кричко Е. Ф.* Институционализация памяти о депортациях народов Северного Кавказа в СССР и современной России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 279–303.

95 *Маслюкова М. В.* Общество как актор памяти: монументальные формы мемориализации жертв политических репрессий в Москве // Память и идентичность — П. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива : сб. ст. по материалам всерос. науч. конфер. (Москва, 16–17 мая 2019 г.). — М., 2020. — С. 228–243.; *Шагоян Г. А.* Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. — 2021. — № 2. — С. 73–98.; *Smith K. E.* A Monument for our Times? Commemorating Victims of Repression in Putin's Russia // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. Is. 8. — Pp. 1314–1344.; *Иванова О. В., Юрешева Т. Ю.* Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. — 2021. — № 4. — С. 86–97.

с точки зрения символики, так и в контексте конструирования коллективной идентичности ветеранов⁹⁶.

В бывших казачьих областях на волне возрождения казачества и роста интереса к его культурному наследию появляются новые и восстанавливаются старые памятники казачеству и отдельным его представителям. Такого рода монументы, как часть инфраструктуры коммеморации, рассмотрены в трудах Е. Ф. Кринко⁹⁷, О. В. Рвачевой⁹⁸, А. В. Михалева⁹⁹.

Ряд работ посвящен сакральной составляющей современного монументального ландшафта¹⁰⁰.

Монументальная политика в отдельных регионах трактуется авторами как важная составляющая социокультурного развития и в тесной связи с переосмыслением исторического прошлого и поисками новых конструкций национальной идентичности¹⁰¹.

Специфике постсоветских трансформаций культурно-цивилизационного ландшафта сибирских городов — Омска, Новосибирска, Ишима и др. посвящено исследование В. Г. Рыженко¹⁰². В каждом из них выделены своеобразные «памятные наборы», фигуры и места памяти, относящиеся к официальной политике памяти, а также инициированные «снизу».

«Монументализация» Крыма после присоединения к России рассмотрена Д. Г. Чубуковой. Она определяет «государственные власти России и

96 *Дашилова Н. Ю.* Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 гг.) // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа.* — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 262–28; *Стрельникова А. В.* Коллективная память в городском пространстве: места памяти об афганской войне // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* — 2011. — № 6. — С. 118–125; *Наумов С. С., Рыженко В. Г.* Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // *Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф.* (Брянск, 17–18 мая 2019 г.). — Омск, 2019. — С. 430–438.

97 *Кринко Е. Ф.* Историко-культурное наследие казачества Юга России: практики мемориализации // *Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности* : сб. науч. ст. — Краснодар : Паралелум, 2015. — С. 126–136.

98 *Рвачева О. В.* Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* — 2015. — № 5. — С. 318–323; *Рвачева О. В.* Возродить память о казаках: политика памяти коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы.* — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 304–321.

99 *Михалев А. В.* Часовые фронтира: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы.* — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 322–335.

100 *Соловцова М. Н.* Скульптурные памятники Петру и Февронии как факторы культуры современной России // *Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф.* (Киров, 19–22 апр. 2016 г.). — М.: Старая Вятка, 2016. — С. 241–245; *Соловцова М. Н., Гирфанова О. В.* Отражение памяти о культурных истоках в скульптурных памятниках Кириллу и Мефодию // *Общество. Наука. Инновации (НИК-2017)* : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 01–29 апр. 2017 г.). — Киров : Бятский гос. ун-т, 2017. — С. 3098–3104; *Полегаев С. Г.* Воплощение образа святых Бориса и Глеба в монументальной скульптуре // *Педагогическое регионоведение.* — 2018. — № 1. — С. 39–45; *Котломанов А. О.* Монументальность новой русской скульптуры. Эпизод 1: Памятник князю Владимиру // *Вестник СПбГУ. Искусствоведение.* — 2017. — Т. 7. — Вып. 3. — С. 342–359. — DOI: 10.21638/11701/srbu15.2017.305; *Соколов Р. А., Костыря М. А.* Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики.* — 2021. — № 1. — С. 95–123; *Маркова О. Н.* Религиозная семантика в современном монументальном ландшафте: общероссийский и региональный аспекты // *Наследие веков.* — 2021. — № 4. — DOI: 10.36343/SB.2021.28.4.006.

101 *Прасолов Д. Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // *Неприкосновенный запас.* — 2017. — № 2. — С. 67–82.

102 *Рыженко В. Г.* Новые Фигуры и Места памяти — показатель трансформаций культурного пространства сибирских городов в постсоветской России // *Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка*: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Новокузнецк, 25–26 окт. 2018 г.). — Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Арт-экспресс, 2018. — С. 7–16.

Крыма вкупе с примыкающими к ним меценатами и активистами» как «уловного обобщенного актора, выступающего в роли социального конструктора, выстраивающего новую российскую идентичность через установку различных памятников»¹⁰³. О. Б. Подвинцев анализирует монументальные символы в связи с политическим противостоянием в Крыму¹⁰⁴.

«Войны памятников» широко обсуждаются учеными в контексте «войн памяти». В. Г. Кокоулин на основе дискуссий по поводу памятников Ивану IV, Николаю II, И. В. Сталину, А. В. Колчаку и др., приходит к выводу, что данные войны являются частью политической борьбы в обществе, ведущейся в символическом пространстве, и свидетельствуют о размытости исторического сознания современных россиян ввиду частых изменений оценочных суждений в учебной литературе, потока псевдоисторических сочинений, влияния массовой культуры, транслирующей проамериканские «глобальные» ценности¹⁰⁵.

Типология «конфликтов в сфере монументальной пропаганды» на рубеже тысячелетий представлена А. В. Макаркиным¹⁰⁶. Первый тип конфликтов он связывает с различными трактовками отечественной истории XX в. Его проявлением является неприятие новых памятников российским монархам, руководителям Белого движения. Второй тип обусловлен «непростыми многонациональными отношениями». В качестве иллюстрации приведены вынужденные перемещения памятников военачальнику царя Федора Ивановича М. Нагому в Уфе и князю Святославу, попирающего поверженного хазарского воина (на щите которого первоначально была изображена Звезда Давида), в Белгородской области. Этот список можно продолжить современными монументальными конфликтами на Северном Кавказе. Третий тип конфликтов связан с претензиями к личным качествам персоны мемориализации. Избранный автором пример памятника шансонье М. Кругу в Твери дополним столчными примерами последних лет — памятниками архитектору К. Алабяну, первому президенту Узбекистана И. Каримову. Четвертый тип конфликтов связан с художественным обликом монумента.

Продолжается исследование такого вида монументального увековечения, как мемориальная доска¹⁰⁷. Заметим, что установка мемориальных досок, имеющая место чаще, чем возведение памятников, подчас вызывает бурные дискуссии (например, мемориальные доски А. В. Колчаку и М. С. Урицкому в Санкт-Петербурге, В. О. Капшелю в Ульяновске, В. Г. Науменко в Славян-

103 Чубукова Д. Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2019. — № 4. — С. 115.

104 Подвинцев О. Б. Постсоветская «война памятников» в Крыму: до и после присоединения к России // Вестник Пермского научного центра. — 2016. — № 5. — С. 18–24.

105 Кокоулин В. Г. «Война памятников» и «война памяти» в постсоветской России // Пятые Ядрищевские чтения: материалы V всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 30–31 окт. 2019 г.). — Омск, 2019. — С. 35.

106 Макаркин А. В. Памятники современной России // Pro et Contra. — 2010. — № 1–2. — С. 127–138.

107 Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Искусство и зритель: сб. ст. — СПб., 2013. — С. 45–67.; Быкова Е. В. Модульный мемориальный текст как монументальная пропаганда // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. — 2011. — Вып. 131. — С. 131–137; Карикаш В. И., Дьячкова Л. Г. Мемориальная доска как особый вид монументального памятника в пространстве региональной скульптуры // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. — 2016. — Т. 3. — С. 49–53.

ске-на-Кубани и др.). Кроме того, до сих пор подавляющая часть досок фиксирует события, связанные с революционным прошлым, что тоже подвергается критике. Мемориальные доски на местах массовых захоронений репрессированных в Карелии и на Соловках в ракурсе изучения исторической памяти о репрессиях советского времени рассмотрены А. М. Лютыньским¹⁰⁸.

Монументальная политика в России и на постсоветском пространстве трактуется с точки зрения борьбы политиков за главные памятники (их сохранение, снесение, перенесение) с целью обеспечения собственной легитимности и влияния: превращение памятников из символов СССР в символы новых независимых государств, «присвоение общего прошлого» посредством установки новых памятников, роли памятников как символического капитала в трансформации национальной идентичности¹⁰⁹. Анализ монументальных практик, предпринятый М. А. Липман, позволил ей сделать вывод о том, что современная монументальная политика является важным инструментом нациестроительства¹¹⁰.

Монументальные памятники — как прошедших эпох, так и современные — составляют неотъемлемую часть городского пространства, являются объектами туристического показа и, нередко, символами города. В этом отношении интересно предпринятое А. И. Шипициным исследование городской скульптуры Волгограда в контексте брендинга территории¹¹¹. На основе доминирующих тем и сюжетов памятников автор выделил основные тенденции в развитии предметной среды города.

Памятники Перми как «манифесты» локальной идентичности рассмотрены В. В. Абашевым. Выделены две «конкурирующие монументальные риторики»: «индустриально-милитарная» и «риторика Перми Великой»¹¹². Вариант реализации геокультурного брендинга Перми, актуализирующего тему «космического» наследия советской эпохи, закрепившегося в визуально-эстетической среде города, в том числе монументальной скульптуре, предлагают С. А. и Ю. В. Диановы¹¹³.

108 *Лютыньский А. М.* Мемориальные надписи в память о репрессиях: Соловецкие острова и урочище Сандармох // *Laboratorium*. — 2018. — № 2. — С. 149–156.

109 *Gamboni D.* The Fall of the “Communist Monuments” // *The Destruction of Art: Iconoclasm and Vandalism since the French Revolution*. New Haven, 1997. — Рр. 51–90.; *Абрамян Л.* Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // *Acta slavnica japonica*. Sapporo, 2003. — Т. 20. — С. 25–49; *Forest B., Johnson J.* *Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92. № 3. — Рр. 524–547; *Федулин А. А., Багдасарян В. Э.* Монументальная скульптура и борьба идеологий: история и актуальные вызовы // *Современные проблемы сервиса и туризма*. — 2013. — № 4. — С. 11–17.; *Михалёв А. В.* Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // *Диаспоры*. — 2009. — № 2. — С. 208–232.; *Сызранов А. В.* «Воины памяти»: споры вокруг памятника Ивану Грозному в Астрахани // *История и историческая память*. — 2020. — № 20. — С. 131–137.

110 *Липман М. А.* Пантеон национальных героев как элемент символической политики // *Colta.ru*. — URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/24756-mariya-lipman-panteon-natsionalnyh-geroev-simvolicheskaya-politika> (дата обращения: 25.12.2020).

111 *Шипицин А. И.* Городская скульптура и культурный код Волгограда в контексте брендинга территории // *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. — 2016. — № 4. — С. 89–97.

112 *Абашев В. В.* Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // *Лабиринт*. — 2015. — № 1. — С. 66–79.

113 *Дианов С. А., Дианова Ю. В.* Геокультурный брендинг современного города: «Пермь космическая» // *Наследие веков*. — 2021. — № 2. — С. 13–23. — DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.001.

Москва с точки зрения сохранения памяти об истории отечественной науки и ее выдающихся творцах представлена в книге венгерских ученых и популяризаторов науки И. и М. Харгиттай¹¹⁴. Подробно описаны здания и сооружения, где производились научные знания, скульптуры, мемориальные доски, надгробия. История появления памятников соотносится с политикой памяти, событиями в общественно-политической и научной жизни.

Интеграции монументальной скульптуры в современную городскую среду Москвы с точки зрения идеологических, художественно-эстетических и стилевых оснований посвящена диссертация И. Ж. Алфаких. Автор констатирует утрату прежде привилегированной позиции монументального искусства в условиях конкуренции с объектами стрит-арта и уличной рекламой. Российская монументальная скульптура в целом и московская в частности показаны как компоненты многоуровневого коммуникативного пространства¹¹⁵.

Антрополог И. В. Утехин обращает внимание на особенность «новой генерации» памятников, которые создаются, в отличие от старых, с расчетом не на визуальное впечатление, а на интерактивность, «провоцируют зрителей совершить с ними какое-либо действие»¹¹⁶.

Заявленная тема является предметом не только академического интереса; она широко востребована в обществе. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся дебаты в массмедиа, которые часто соприкасаются с обсуждением проблем патриотического воспитания, современной культурной политики, отношением к советскому наследию на постсоветском пространстве.

114 *Харгиттай И., Харгиттай М.* Наука в Москве: мемориалы исследовательской империи = Science in Moscow. Memorials of a research empire. — Тамбов : Нобелистика, 2021. — 485 с.

115 *Алфаких И. Ж.* Монументальная скульптура конца XX — начала XXI в. в архитектуре и дизайне городской среды Москвы: истоки, традиции, ревизи, новации : дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 2018. — 237 с.

116 *Утехин И. В.* Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. — М. : Strelka Press, 2014. — 37 с.

РАЗДЕЛ 2

СКЛАДЫВАНИЕ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРЕ И ОКРАИНАХ

Традиция возведения объектов, имеющих яркие аттрактивные качества, в честь каких-либо значимых событий существовала в Русском государстве еще в «доимперские» времена. Это были почти исключительно культовые объекты: храмы, часовни (включая надгробные), поклонные кресты. Хрестоматийные примеры таких монументов — собор Василия Блаженного и Казанский собор, Всесвятская церковь в Москве, храм Покрова на Нерли и храм Вознесения в Коломенском, ансамбль Большой Лавры в Суздале, храм Дмитрия Солунского в Великом Новгороде и Ильинский храм в Нижнем Новгороде. Храмы-памятники строились и позже, большее их число относится ко второй половине XIX — началу XX вв., например, построенные в память значительных событий собор Христа Спасителя в Москве, Владимирский кафедральный собор в Херсонесе, Богоявленский собор в Санкт-Петербурге, Кронштадтский Морской собор, Екатерининский собор в Екатеринодаре, храм Христа Спасителя в Борках Харьковской губернии.

Монументы же некультового назначения — монументальные скульптурные композиции, триумфальные арки и колонны, надгробные сооружения, здания-монументы, мемориалы, градостроительные фрагменты и даже, по мнению некоторых исследователей, целые города¹¹⁷ — входили в практики памятования постепенно, с петровских времен, начиная с аллегии Ништадтского мира — скульптурной композиции Пьетро Баратта «Мир и изобилие» (1722), установленной в Летнем саду Санкт-Петербурга в 1722 г.¹¹⁸

Начатки последовательной монументальной политики в полном понимании этого явления проявились уже в екатерининский «золотой век», отмеченный яркими победами русского оружия. Раньше, в годы царствования Елизаветы Петровны, по ее указанию был создан памятник Петру Великому, но он не занял тогда места в пространстве столицы (установлен лишь в 1800 г.). 1770-е же годы отмечены созданием памятников в Царском Селе — Кагульского (Румянцевского) обелиска, Морейской, Крымской и Чесменской колонн, памятника Екатерине Второй на городской площади в Твери, памятников в усадьбах высших вельмож. В 1782 г. был создан один из главных символов империи и ее столицы — знаменитый Медный всадник, памятник

¹¹⁷ См.: *Кириченко Е. И.* Запечатленная история России. Монументы XVIII — начала XX в. Кн. 2: Архитектурные ансамбли и скульптурный памятник. — М.: Жираф, 2001. — С. 3–119.

¹¹⁸ *Неверов О. Я.* Новые материалы к истории скульптурного убранства Летнего сада // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология: ежегодник. 1986. — М.: Наука, 1987. — С. 297–311.

Петру Великому с характерной, подчеркивавшей преэминентность имперских устремлений, надписью: «Петру Первому — Екатерина Вторая». Последним монументом этой эпохи стал памятник А. В. Суворову в Санкт-Петербурге, созданный уже после смерти императрицы, в 1799–1801 гг.

XIX в., ставший для России веком расцвета монументальной скульптуры, «официальных» стилей в архитектуре» и утверждения в искусстве идей государственности, был и временем становления собственно государственной монументальной политики и распространения традиции воздвижения монументов за пределами столиц и центральных губерний империи. История создания и обстоятельства бытования «главных» монументов государства, таких как памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве (1818 г.), столп-часовня («монумент 1-го класса») на месте батареи Раевского на Бородинском поле (1839 г.), Александровская колонна (Александрийский столп) на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге (1834 г.), Триумфальные ворота на площади Тверской заставы в Москве (1834 г.), памятники «Тысячелетие России» в Великом Новгороде (1862 г.), императрице Екатерине II (1873 г.) в Санкт-Петербурге, как и целый ряд монументов, сооруженных в обеих столицах и крупных городах империи в последней четверти XIX — начале XX вв., широко известны и детально описаны в литературе¹¹⁹. В рамках истории монументальной политики они предстают образцами и объектами сравнения с монументами, возводившимися в провинции. Особенно актуальным, позволяющим проводить параллели с современностью, нам представляется рассмотрение наиболее характерных, выявляющих одновременно общероссийские тенденции и региональные особенности, проявлений монументальной политики государства на периферии империи, в частности, на Северном Кавказе, где в полной мере проявился «культурный фронт».

В целях установления основных тенденций и характеристик процессов формирования «монументального ландшафта» этой российской окраины, фиксации закономерностей, региональных и локальных особенностей, был выявлен ряд наиболее характерных мемориальных объектов, имеющих качества монументов и являющихся прямым или косвенным результатом проводившейся государственным учреждением и деятелями политики увековечения исторических событий, личностей, то есть объектов, служивших задачам формирования исторического сознания общества. Применительно к каждому из этих объектов был проведен анализ обстоятельств происхождения и бытования, первоначального идейно-художественного содержания и его

¹¹⁹ Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник: Фотопутеводитель / сост. и текст Е. Винокуровой; Специальная фотосъемка В. Цоффки. — М.: Планета, 1991. — 192 с.; *Вестник Н. Н. Сады Невского проспекта*. — СПб: Профилен, 2008. — 204 с.; Всеобщая история искусств: В 6 т. / Академия художеств СССР; Институт теории и истории изобразительных искусств. — М.: Искусство, 1956–1966. — Т. IV: Искусство XVII–XVIII вв. / под общей редакцией Ю. Д. Колпинского и Е. И. Ротенберга. — М., 1963. — LXXXVIII с.; *Михайлов К. П.* Москва, которую мы потеряли. — М.: Эксмо, 2010. — 496 с.; Памятник Тысячелетию России: Альбом / авт.-сост. А. Я. Басыров. — Л.: Лениздат, 1983. — 64 с.; *Смирнов В. Г.* Россия в бронзе: Памятник Тысячелетию России и его герои. — Новгород: Русская провинция, 1993. — 240 с.; *Сокол К. Г.* Монументальные памятники Российской империи: каталог. — М.; Ульяновск: Вагнус Плюс, Ульяновский Дом печати, 2006. — 429 с.; *Кириченко Е. И.* Запечатленная история России. Монументы XVIII — начала XX в. Кн. 2: Архитектурные ансамбли и скульптурный памятник. — М.: Жираф, 2001. — 384 с.

трансформаций. Стоит оговориться, что само явление монументальной политики может быть соотнесено исключительно с «русским» этапом дореволюционной истории Северного Кавказа, когда, имея общеимперскую направленность, она полностью игнорировала традиционные практики памятования коренных народов.

Начало формированию северокавказского монументального ландшафта было положено сооружением триумфальной арки в Екатеринограде (ныне станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии) — единственного мемориального объекта, относящегося к XVIII в. Точное время возведения монумента не установлено, но можно уверенно утверждать, что сооружен он был по инициативе генерал-поручика П. С. Потемкина в бытность его генерал-губернатором Кавказского наместничества (1785–1792 гг.), не раньше 1786 г., когда административный центр Кавказского наместничества — Екатерининская станица при одноименной крепости Азово-Моздокской линии — была обращена в город Екатериноград, и не позже 1790 г., когда центр наместничества был перенесен в Георгиевск¹²⁰. В дореволюционном труде «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» сообщалось, что у «триумфальных ворот» был «весьма величественный вид: громадный карниз, имеющий вид свода, покоится на прочных столбах, сложенных из тесанных каменных плит и украшенных еще целым рядом других меньших и круглых колонок». Здесь же упоминалось предание об изначально помещавшейся на арке (предположительно в верхней, аттиковой, части северо-восточного фасада) надписи «Дорога в Грузию», означавшей, что именно отсюда начинался северный (до Владикавказа) отрезок Военно-Грузинской дороги, и приводилась поздняя (относящаяся к середине XIX и сохранявшаяся еще в начале XX столетия) надпись: «Построены попечением Генерал-губернатора Потемкина в царствование Екатерины II. Возобновлены Главнокомандующим и Наместником Кавказского края М. С. Воронцовым в 1847 г.»¹²¹ Ввиду отсутствия прямых документальных свидетельств можно лишь предполагать, что сооружение триумфальной арки было приурочено к подписанию Георгиевского трактата, означавшего переход Грузии под протекторат Российской империи, и, как следствие, основанию главного на тот момент города в Кавказском наместничестве. Так или иначе, екатериноградская триумфальная арка является не только первым, но и одним из наиболее значительных проявлений монументальной политики имперской администрации на Северном Кавказе. Арка, сохранившаяся с некоторыми утратами облика, ныне имеет статус объекта культурного наследия федерального значения.

В 1802 г. в столице черноморских казаков Екатеринодаре (ныне Краснодар) был освящен завершённый строительством главный храм войска — мо-

¹²⁰ Бондарь В. В. Екатериноград // Отечественная история : энциклопедия : в 5 т. / редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) и др. — М. : Большая Рос. энциклопедия, 1996. — Т. 2 : Д — К. — С. 132.

¹²¹ Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-лейтенанта Потто. — Тифлис, 1906. — Вып. 1. — С. 56–57.

нументальный деревянный Воскресенский собор, выдержанный в формах «казацкого барокко» и имевший очевидное сходство с храмами Дона и Украины: Воскресенским собором в Черкасске, собором Медведовского монастыря в Поднепровье, церковью Покрова в Ромнах, построенной последним запорожским атаманом Петром Калнышевским, и особенно — со Свято-Троицким собором в городе Новомосковске (Самаре) Екатеринославской губернии.¹²² Войсковой храм черноморцев, «преогромная деревянная церковь, — как писал в Святейший Синод присланный в войско инспектор генерал Кираев, — архитектурой подобная той, какова была в старой Запорожской Сечи»¹²³, был составлен пятью трехъярусными восьмигранными, уменьшавшимися кверху столпами-башнями, соединенными в уровне первого яруса, и таким же столпом, в котором помещалась колокольня, что давало в плане латинский крест; нижние ярусы столпов отделялись высокими заломами, на сводах верхнего яруса были поставлены железные луковичные главки, венчавшиеся крестами; сами столпы были сложены из сосновых бревен и снаружи ошалеваны по горизонтали досками. Располагался собор в центре площади Екатеринодарской крепости. Его размеры и облик, отличавшийся от архитектурных форм распространенного в империи условного «синодального стиля», должны были воплощать идею «Новой Сечи» на берегах Кубани и символизировать верность казаков традициям, и одновременно подчеркивать автономность войска в вопросах внутреннего устройства, относительную свободу от имперской власти на основании Жалованной грамоты императрицы Екатерины Великой от 30 июня 1792 г. Как писал известный историк казачества Ф. А. Щербина: «Черноморцы хотели разом и помянуть старину, и удивить людей. За религиозными нуждами ярко выступало своего рода тщеславие. Главарям войска нужно было создать что-либо особенное, выдающееся»¹²⁴.

В 1879 г. Воскресенский собор был разобран «за ветхостью», поскольку изначально сооружался без фундамента. К тому времени он уже утратил статус главного храма казачьего войска (с 1860 г. — Кубанского) после освящения в 1872 г. нового Александро-Невского собора, построенного уже среди городских кварталов. Память о святине черноморцев — старом деревянном соборе — воплотилась в возведенной в 1892 г. на его месте, в бывшей крепости, небольшой Воскресенской церкви, которая позже, в 1930-х годах, была разрушена¹²⁵. Ныне на месте обоих утраченных Воскресенских храмов стоит памятный знак.

В 1820-х гг. была сооружена триумфальная арка в Дербенте. Она именовалась «Ермоловскими воротами» и находилась на одноименной улице.

¹²² Бондарь В. В. Украинское барокко в православной храмовой архитектуре Юга России // Вопросы культурологии. — 2015. — № 7. — С. 90–91.

¹²³ Цит. по: Щербина Ф. А., История Кубанского казачьего войска : В 2-х т. — Екатеринодар : тип. Кубан. обл. правл., 1913. — Т. 1. — С. 590.

¹²⁴ Щербина Ф. А., История Кубанского казачьего войска : В 2-х т. — Екатеринодар : тип. Кубан. обл. правл., 1913. — Т. 1. — С. 589–590.

¹²⁵ Бондарь В. В., Маркова О. Н. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа). — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 26–27, 32–34, 53–54.

Можно лишь предполагать, что свое название арка получила в честь командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова. Судя по сохранившимся изображениям, в частности почтовой карточке начала XX в.¹²⁶, Ермоловские ворота представляли собой высокую ордерную арку с полуциркульным проемом, в верхней части которого помещалась образующая нишу, сжатая стрельчатая («восточная») арка по колоннам со стилизованными капителями, имитирующая арки крепости Нарын-Кала (доарабской цитадели в Дербентской крепости); на карнизном поясе были ритмично размещены массивные стилизованные машикули, придающие всему сооружению, поставленному по оси улицы, также именованной Ермоловской, вид крепостных ворот¹²⁷. Такой облик триумфальной арки — сочетание классицистической основы с отдельными мотивами переднеазиатской архитектуры — явно символизировал идею утверждения России на Кавказе и нерушимость границ империи. В немногочисленных публикациях об этом монументе сообщается, что он был демонтирован в 1929 г.¹²⁸

Третья по времени триумфальная арка на Северном Кавказе, названная «Тифлисскими воротами», была сооружена в 1841 г. в Ставрополе, куда ранее из Георгиевска были переведены все областные присутственные места, «у въезда по Тифлисскому тракту», при сторожевом poste. Как и в случае с екатериноградской аркой, событие, которому посвящен монумент, точно не установлено. Ф. Ф. Торнау в «Воспоминаниях о Кавказе и Грузии» охарактеризовал это сооружение как «...высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся в чистом поле и поэтому ничего не запиравшие», и сообщал: «Никому не удавалось разрешить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота. Между тем нельзя было без них вообразить Ставрополь»¹²⁹. По мнению известного ставропольского дореволюционного исследователя Г. Н. Прозрителева, ворота были воздвигнуты «в память Отечественной войны 1812 года и свое название получили оттого, что отсюда шел тракт на Тифлис, так как проезда через западную часть в то время не было». Пространственный контекст объекта он характеризует так: «С верхней площадки можно видеть весь город, вид которого производит прекрасное впечатление. Раскидывающийся живописно по возвышенности и покатолям Ставрополь представляет богатую картину, могущую удовлетворить самого разборчивого художника. При хорошей погоде вся эта картина делается еще более восхитительной, так как венчается величественным Эльбрусом»¹³⁰.

126 Дербент. — Derbente. № 2. Ермоловские ворота [Почтовая карточка]. — М.: Изд. Контрагентства Суворин и К°, 1913.

127 Далгат Э. М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. — Махачкала: Мавраев, 2015. — С. 32–33.

128 Триумфальная арка // Дагестанская правда. — URL: <http://dagpravda.ru/arhiv/derbentu-2000-let/triumfalnaya-arka-2/> (дата обращения: 02.06.2021).

129 Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. — 1869. — Т. 79. — № 1. — С. 10.

130 Прозрителев Г. Н. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям // Опыльные: Русские писатели открывают Кавказ: Антология: в 3 т. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. — Т. 3. — С. 565.

В 1851 г. Тифлиссские ворота были полностью перестроены, и известные дореволюционные изображения монумента зафиксировали его новый облик: классицистическая трехчастная арка с мощным разорванным антаблементом и помещавшимся над срединной частью, выше аттиковой стенки, вторым объемом второго яруса с ордерной аркадой, имитирующим крепостную стену с бойницами. В 1930-х гг. это монументальное сооружение, в числе прочих, оторицавшихся советской властью атрибутов царской России, было разрушено, однако в общественном сознании ее образ, нашедший отражение во множестве источников, и значение главного символа «ворот Кавказа» — губернско-го города Ставрополя — сохранялись на протяжении десятилетий, и в 1998 г. Тифлиссские ворота были воссозданы в историческом месте в подлинных размерах и архитектурных формах 1851 г.¹³¹ На сегодняшний день воссозданный монумент, хоть и находится в измененном, относительно утраченного монумента, пространственном контексте и не имеет былого значения высотной и композиционной доминанты в пространстве города, в полной мере выполняет культурную функцию «места памяти».

Позже список северокавказских триумфальных арок пополнился еще двумя, сооруженными в 1888 г. во Владикавказе и Екатеринодаре в честь посещения Кавказа царской семьей. Оба монумента были решены в формах «русского национального стиля», который император Александр III предпочитал прочим. Владикавказские триумфальные ворота, располагавшиеся на Привокзальной площади, были симметричными, состояли из трех подвесных арок по квадратным колоннам; большую центральную арку, с гирькой посередине, фланкировали малые арки, также с гирьками. Над арками возвышались трехлопастные с килевидными завершениями прясла. Каждое из прясел, по обоим фасадам, венчалось металлическими двуглавыми орлами — гербами империи, в поле же центрального прясла, также с обеих сторон, помещался герб Владикавказа.

Известный кавказский историк В. В. Потто акцентировал именно геральдическую составляющую монумента: «При самом въезде в город, в нескольких десятках сажен от вокзала железной дороги, поднялись легкие, красивые триумфальные ворота, украшенные гербами Владикавказа. Этот герб, помимо красивого рисунка, имеет еще свое особое символическое значение... Кто умеет читать геральдику, тот прочтет по этим знакам: "Державная власть владеет Кавказом"»¹³².

Екатеринодарские «Царские ворота», именовавшиеся также «Александровской аркой», были построены тоже на пути от вокзала к центру города, чтобы императорский кортеж не мог миновать этот «подарок», поднесенный

131 Беликов Г. А. Старый Ставрополь. — Издание второе. — Ставрополь, 2009. — С. 88–89; *Метелкина О.* Ворота, без которых нельзя представить Ставрополь // Вечерний Ставрополь. — 30.07.2018. — URL: <http://vechorka.ru/article/vorota-bez-kotoryh-nelzya-predstavit-stavropol/>. (дата обращения: 30.03.2020).

132 Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года / сост. по поручению главноначальствующего генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова полковником Потто. — Тифлис : Тип. окружного штаба военного округа, 1889. — С. 16.

купеческим обществом. Архитектор В. А. Филиппов решил арку в «старо-московских» мотивах: центральная арка опиралась на две массивные пяты, возвышавшиеся над аркой и завершенные четырьмя шатровыми шпилями, увенчанными золочеными двуглавыми орлами. Над большой центральной аркой и фланкировавшими ее малыми помещались высокие «теремные» крыши с чешуйчатой металлической кровлей и высокими гребнями. На щеках центральной арки в больших кокошниках были установлены киоты с иконами: со стороны вокзала — образ Св. князя Александра Невского, со стороны города — Св. Екатерины великомученицы (покровительницы Екатеринодара). Под образами располагались бетонные памятные доски с надписями. Долгое время «Царские ворота» были одной из главных достопримечательностей кубанской столицы: под центральной аркой проезжал каждый, направлявшийся с железнодорожной станции в город. В 1928 г., на сороковом году своего существования, Александровская арка была снесена, в 2008 г. воссоздана в подлинном облике, но в другом месте — на бульваре главной улицы Краснодара¹³³.

В отличие от большинства монументов, воздвигавшихся в пределах населенных мест, мемориальный комплекс, сооруженный в 1881 г. казаками Майкопского отдела Кубанского казачьего войска, находился вне селитебных территорий — на плато Мамрюк-Огой на Северо-Западном Кавказе, близ станции Царской (ныне Новосвободная). Такое расположение обеспечивало мемориалу, включавшему часовню-памятник и погрудное скульптурное изображение императора Александра II, доминантное положение в окружающем ландшафте. Открытие часовни и бюста было приурочено к двадцатилетию посещения этой местности Александром II на завершающем этапе Кавказской войны. Часовня высотой около 20 метров из тесаного известняка имела крестово-купольную композицию и экстерьер, решенный в русском национальном стиле, — с высоким шатровым куполом и луковичной главкой. Бюст императора, обращенный лицом на восток, на чугунном постаменте, располагался к западу от часовни, в центре круглой площадки, обнесенной оградой из поставленных дулами вниз и соединенных цепями орудий — пушек и фальконетов, а также ружейных стволов и штыков — реликвий Кавказской войны. На северном фасе постамента помещалась надпись: «16 сентября 1861 г. Государь Император здесь окончательно утвердил предложенную систему покорения Западного Кавказа», на южном — «В 1864 г. Высочайший приказ исполнен: Кавказ покорен»¹³⁴.

В 1920-е гг., во время кампании по уничтожению памятников царствовавшим особам, памятник императору Александру II и окружавшая его ограда были демонтированы, часовня подверглась разграблению. До настоящего времени сохранились лишь ее развалины, приобретшие в 2016 г. статус вы-

¹³³ Никишова М. Г., Сивсареко С. Н. Александровская триумфальная арка. — Краснодар : Платонов, 2008.

¹³⁴ Ставропольская губерния и Кубанская область (обзор городов, сел, станиц и хуторов). Справочник по Ставропольской епархии / сост. Н. Т. Михайлов. — Екатеринодар, 1910. — С. 359; Православная церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX вв.): сб. документов (К 2000-летию христианства). — Краснодар, 2001. — С. 97.

явленного объекта культурного наследия. Идейное содержание этого рунированного памятника — символа ключевого события войны на Северо-Западном Кавказе: встречи Александра II с представителями адыгских обществ для решения вопроса о принятии ими подданства Российской империи¹³⁵, на сегодняшний момент, как и прежде, неоднозначно оценивается обществом. Для ревнителей имперской государственности это знак «утверждения России на Кавказе», для горцев же развалины монумента служат напоминанием о том, что после неудавшихся переговоров российского императора с горскими старейшинами был воплощен жестокий план генерала Евдокимова — вытеснение коренных обитателей этих мест на равнину и насильственная депортация непокорных горцев в Османскую империю¹³⁶.

В ряду храмов-памятников Северного Кавказа, соорудившихся в ознаменование значительных событий российской истории, особое место занимает Екатерининский Семипрестольный кафедральный собор в столице Кубанской области Екатеринодаре. Это монументальное храмовое здание строилось по проекту архитектора И. К. Мальгерба на «доброхотные» пожертвования «в память исторического события 17-го октября 1888 г. — счастливого избавления Царской Семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда на станции Борки»¹³⁷. В изданной в 1913 г. книге «Семипрестольный храм Св. Екатерины в Екатеринодаре» отмечалось особое значение собора именно как «памятника выдающегося исторического события» и выражалась надежда на то, что «задуманный в больших размерах и с подобающим особенным великолепием» храм «явится одним из наилучших украшений города Екатеринодара и послужит гордостью всего населения...»¹³⁸. Собор строился почти 14 лет: закладка его состоялась в апреле 1900 г., а главный придел был освящен в марте 1914 г. Примечательно, что, как прочие крупные храмы, возведенные в честь избавления представителей августейшей семьи от гибели, в частности храм Христа Спасителя в Борках (архитектор Р. Р. Марфельд, 1894 г.), Богоявленский собор на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге (реплика проекта Марфельда, архитектор В. А. Косяков, 1899 г., сооружен в «память спасения цесаревича Николая Александровича после ранения в голову саблей японским фанатиком в 1891 г.»), Екатерининский собор был решен в приемах византийского стиля. В архитектурном отношении он представляет собой реплику Вознесенского собора в Новочеркасске, построенного по проекту донского архитектора академика А. А. Яценко в формах византийских и древнерусских крестовых храмов, имеющих в основе «освященное пятиглавие». Но проект Мальгерба — не слепое копирование, а развитие творческого замысла и основных идей стиля применительно к конкретной пространственной ситуации.

135 *Трепавлов В.* Царские путешествия на Кавказ // Родина. — 2015. — № 10. — С. 106.

136 *Эгадзе С. С.* Покорение Западного Кавказа и окончание кавказской войны. — Майкоп : Меоты, 1993. — С. 76; *Кудаева С. Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. — Майкоп : Магарин О. Г., 2014. — С. 161–170.

137 Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар, б/г. Пар. 1. — С. 3.

138 Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар, б/г. Пар. 1. — С. 89–90.

Екатерининская площадь в Екатеринодаре, окруженная одно-, двухэтажной застройкой, была значительно меньше площади Ермака в донской столице, где располагался Вознесенский храм, на тот момент третий по величине в Российской империи (после храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Петербурге). Мальгерб переработал проект академика Ященко, пропорционально уменьшив размеры храма, несколько усложнив пространственную структуру и добавив новые композиционные и пластические элементы, отразившие местные исторические особенности храмовой архитектуры¹³⁹.

Краснодарский Екатерининский собор на сегодняшний день является кафедральным храмом Кубанской митрополии и имеет охранный статус объекта культурного наследия регионального значения.

К числу характерных проявлений монументальной политики властей на Северном Кавказе относится целый ряд памятников, связанных с историей кубанского казачества. В отличие от Войска Донского, в столице которого Новочеркасске монумент — статуя атамана М. И. Платова, созданная по проекту известного скульптора П. К. Клодта, была установлена перед Атаманским дворцом еще в 1853 г. (примечательно, что памятник атаману Ермаку Тимофеевичу был воздвигнут в Тобольске еще в 1839 г.), на Кубани ни в «войсковом городе» Екатеринодаре, ни в станицах, никаких имевших отношение к казачеству монументальных сооружений, за исключением храмов, не было вплоть до последних лет XIX в. Ситуация изменилась лишь в период празднования двухсотлетия Кубанского казачьего войска в 1896 г. Инициатива сооружения памятника этому событию, относящаяся к 1891 г., исходила от Кубанского войскового офицерского собрания, причем изначальным поводом послужило приближавшееся столетие переселения черноморских казаков на Кубань (в 1892 г.). Показательно, что Военное министерство Российской империи рекомендовало войсковому начальству отметить не столетие водворения на Кубани черноморцев, а 200-летний юбилей войска в 1896 г., ведя отсчет старшинства Кубанского казачьего войска от старейшей его составляющей — Хоперского казачьего полка, известного с 1696 г.¹⁴⁰ Примечателен и тот факт, что кроме этой рекомендации, ни военное министерство, ни какие-либо другие ведомства или учреждения империи в создании памятника участия не приняли. Средства на возведение памятника были выделены Екатеринодарской городской думой из городских сумм¹⁴¹. Ко времени юбилея сооружение памятника еще не было завершено, поэтому его торжественное открытие состоялось 7 мая 1897 г.¹⁴²

139 *Бондарь В. В.* Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины — памятник архитектуры византийского стиля // *Наследие веков.* — 2015. — № 3. — С. 131–136. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf. (дата обращения: 04.11.2021).

140 *Шахова Г. С.* Краснодарская улица Красная: книга об истории главной улицы Краснодара. — Краснодар: Краснодарские известия, 1997. — С. 99.

141 *Бардадым В. П.* Зодчие Екатеринодара. — Краснодар: Сов. Кубань, 1995. — С. 24.

142 *Екатеринодар — Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]: Материалы к летописи.* — Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1993. — С. 212–213.

Построенный по проекту областного архитектора В. А. Филиппова у северной оконечности улицы Красной в начале Ростовского бульвара, этот монумент представлял собой замыкавший перспективу главной улицы города четырнадцатиметровый двухъярусный четырехгранный обелиск на массивном основании, с фасадами, ориентированными по сторонам света. В нишах фасадов помещались чугунные доски с текстами, обозначающими посвящение памятника двухсотлетию юбилею Кубанского казачьего войска. Венчался обелиск золоченым ядром, на котором помещался государственный герб¹⁴³.

В 1920-х гг., в ходе кампании по уничтожению публичных символов самодержавия, монумент был поврежден — лишился венчающего обелиск двуглавого орла на шаре, в 1930-х гг. он был уничтожен полностью¹⁴⁴. В 1999 г. обелиск в честь двухсотлетия Кубанского казачьего войска был воссоздан по проекту скульптора А. А. Аполлонова на историческом месте¹⁴⁵.

Памятники в честь 200-летия Кубанского казачьего войска были сооружены и в отдельных станицах — Бескоробной, Вознесенской, Лабинской (ныне г. Лабинск) и селе Армавир (ныне город Армавир) «иждивением народа», без казенных средств. До наших дней сохранился с утратами, в том числе подлинности места, лишь первый из названных монументов¹⁴⁶. Позже, в 1912 г. в Лабинской был установлен еще один монумент — памятник казакам, погибшим на Кавказской войне и русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Примечательно, что двухъярусный обелиск, на плитах которого перечислялись все казаки-лабинцы, «за Веру, Царя и Отечество павшие», венчался бюстом Александра II — «в память о Высочайшем посещении станицы» императором осенью 1861 г.¹⁴⁷

Выдающимся южнороссийским образцом монументальной скульптуры и эталонным «официальным» монументом явился памятник императрице Екатерине Великой, воздвигнутый в Екатеринодаре в 1907 г. скульптором Б. В. Эдуардсом по проекту М. О. Микешина. Он располагался близ бывшей крепости, на Атаманской площади, к которой примыкали Дворец наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области и мо-

143 Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-лейтенанта Потто. — Тифлис, 1909. — Вып. 2. — С. 1–5.

144 *Бардадым В. П.* Зодчие Екатеринодара. — Краснодар : Сов. Кубань, 1995. — С. 25.

145 Екатеринодар — Краснодар : Фотоальбом / фото И. Платонов, К. Достов, А. Рябухин; автор текста М. Никишова. — 2-е изд. — Краснодар, 2015. — С. 114.

146 *Иванова Е. А., Масалов В. А.* Судьба памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска в станице Бескоробной // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 4. — С. 79–81.; *Казанков В. И.* О чем помнит памятник 200-летию Кубанского казачьего войска в станице Бескоробной // Кубанское казачье войско. — URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/history/historic-monuments/o-chyem-pomnit-pamyatnik-200-letiyu-kubanskogo-казачьего-voyska-v-stanitse-beskorobnoy/> (дата обращения: 22.09.2021); *Китторов С. Н.* Лики старого Армавира. Кубанское селение на почтовой открытке начала XX в. [Краснодар]: Платонов, 2010. — С. 43.; *Китторов С. Н.* Трансформация пространственной среды и планировочной структуры Армавира во второй половине XIX — начале XX в. // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. — Вып. 10. — Армавир : Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2018. — С. 72–184; *Ратушняк Т. В.* Как праздновало Кубанское казачье войско свое 200-летие // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. — 1997. — № 1. — С. 34–37; *Якубов В. В.* Исторические очерки о станице Лабинской // 170 лет Лабинску. Исторические очерки. 1841–2011 / В. В. Якубов, Т. М. Гальцова, Ю. Б. Кисленко и др. — Краснодар : Кубань-Книга, 2011. — С. 69.

147 *Якубов В. В.* Исторические очерки о станице Лабинской // 170 лет Лабинску. Исторические очерки. 1841–2011 / В. В. Якубов, Т. М. Гальцова, Ю. Б. Кисленко и др. — Краснодар : Кубань-Книга, 2011. — С. 69–71.

нументальное здание Кубанского окружного суда. Идейно-художественный замысел памятника, создание которого, по предложению выдающегося кубанского исследователя и собирателя старины Е. Д. Фелицына, поддержанному областным правлением и жителями Екатеринодара и кубанских станиц, было приурочено к 100-летию переселения черноморских казаков на Кубань, вплоть до деталей отражает историю Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск и участие в их судьбе Екатерины Великой и светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. Академик Микешин, приступая к работе над эскизом памятника, определял его значение как «эпопею славы основательнице Кубанского казачества и его главного города, а также и славы самого казачества», в которой намеревался увековечить как на «исторической скрижали всю историческую доблесть казачества и всех выдающихся деятелей и героев»¹⁴⁸.

Скульптурная композиция была построена в несколько ярусов: на круглом гранитном основании, лежащем на мощном цоколе, помещался постамент в виде архитектурно обработанной трехгранной гранитной призмы, на которой была установлена обращенная на север бронзовая статуя императрицы с державой и скипетром в руках; от ее ног по грани призмы ниспадала стилизованная металлическая Жалованная грамота Черноморскому войску 1792 г.; по обеим сторонам от грамоты, у постамента, располагались фигуры князя Потемкина и создателей и деятелей Черноморского войска — С. И. Белого, З. А. Чепеги и А. А. Головатого; замыкали этот ярус памятника две группы: слепого кобзаря с мальчиком-поводырем (по некоторым данным, Микешин здесь изобразил своего старшего друга, опального украинского поэта Т. Г. Шевченко, и себя), и войсковых регалий — знамен, «войсковых значков», булав, труб, литавр, и т. п. В разных частях памятника были размещены надписи: имена всех атаманов Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьих войск, перечень основных сражений с указанием дат, текст песни, сочиненной А. А. Головатым и др. В этом произведении Микешина торжественные «эмблемы власти», знаки военной истории и воинской доблести гармонично сочетались с образами былой «козацкой воли» времен Запорожской Сечи.

Торжественно открытый 6 мая 1907 г. монумент приобрел значение одной из главных достопримечательностей столицы Кубани и, вместе со сквером, служил композиционной доминантой главной улицы города — Красной.

В 1920 г. на основании декрета Совнаркома «О памятниках республики» памятник Екатерине II был демонтирован. В конце 1920–1930-х гг. на гранях его постамента были помещены скульптурные портреты Маркса, Энгельса и Ленина, а сверху поставлен небольшой обелиск; в послевоенные годы барельефы были убраны, а место обелиска заняла непропорционально низкая статуя — фигура Я. М. Свердлова. Позже постамент был снят, и на цоколе соо-

148 *Хорошенко Е. В.* Екатеринодар. Возрождение шедевра. — М.: Русский мир, 2010. — С. 54.

ружен «памятник дружбы народов» в виде цилиндра со шпилем, который был демонтирован в 1960-х гг., и на этом месте разбита клумба¹⁴⁹.

В 2006 г. монумент был воссоздан по проекту скульптора А. А. Аполлонова, изменив свое положение относительно оригинала: ныне он обращен лицевой частью к западу.

Екатеринодарский памятник императрице был последним творением академика М. О. Микешина и, наряду с другими монументами начала XX столетия, предвещал последний в истории империи этап проявления государственной монументальной политики, который К. Г. Сокол назвал «Лавиной памятников»¹⁵⁰. В 1909–1916 гг. в русле мероприятий по увековечению значительных событий российской истории, приуроченных к юбилеям (двухсотлетие Полтавской и столетие Бородинской битв, пятидесятилетие отмены крепостного права, трехсотлетие Дома Романовых, юбилей городов), было воздвигнуто более сотни монументов. Например, общее число памятников, установленных на Бородинском поле, достигло 36. Показателен и другой пример: к юбилею освобождения крестьян только на территории Санкт-Петербурга и Петербургской губернии появилось 13 памятников Царю-Освободителю Александру Второму. «Все они были изготовлены на заводе Э. Э. Новицкого. Четыре из них — в Гдовском уезде, один — в Лужском (Городенская волость), два — в Петергофском (Ковашевская и Ропшинская волости), один — в Ямбургском (Ратчинская волость), два — в Петербургском (Московская и Парголовская волости). Кроме того, два памятника и один бюст завод Новицкого изготовил для Петербурга»¹⁵¹. Такой размах кампании по увековечению одной из главных вех российской истории и личности государя посредством установки памятников свидетельствует о выраженном векторе государственной монументальной политики как инструмента формирования исторической памяти граждан страны.

В этот период на просторах Российской империи были сооружены памятники Петру Великому в Риге (1910 г.), Ревеле (ныне Таллин, 1910 г.), Санкт-Петербурге («Царь-плотник», 1910 г.) и Архангельске (1914 г.); Александру II в Киеве (1911 г.), Саратове (1911 г.) и Юзовке (ныне Донецк, 1916 г.); Александру III в Киеве (1909 г.).

Воплощенным образцом имперской монументальной политики этого периода на Юге России служит грандиозный памятник черноморским казакам-первопоселенцам, открытый в 1911 г. в станице Таманской Кубанской области¹⁵². Этот созданный скульптором А. И. Адамсоном по рисунку екатеринодарского художника П. С. Косолапа и при участии архитектора А. И.

149 *Хорошенко Е. В.* Екатеринодар. Возрождение шедевра. — М.: Русский мир, 2010. — С. 126–142; 170–171.

150 *Сокол К. Г.* Монументы империи. — М.: Грантъ, 2001. — С. 7.

151 *Глезеров С. Е.* Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям. Заметки наблюдателя. — М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2013. — С. 44.

152 *Орлов П. П.* Описание торжеств в станице Таманской по поводу открытия 5 октября 1911 г. памятника, сооруженного Кубанским казачьим войском первым запорожцам, прибывшим 25 августа 1792 г. к берегам Тамани и высадившимся здесь. — Екатеринодар: Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, 1912. — 202 с.; *Соколов В.* Тамань в прошлом и настоящем. — Керчь: тип. А. Г. Комисара, 1914.

фон Гогена монумент посвящался 100-летию высадки черноморцев в Тамани (25 августа 1792 г.) и представлял собой бронзовую фигуру казака-запорожца (черноморское войско формировалось большей частью из бывших запорожских казаков), держащего знамя и стоящего на «скале» — высоком, сложенном из крупных гранитных блоков постаменте. На лицевой стороне постамент помешается надпись: «Первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 г. под командой полковника Саввы Белого. Сооружен в 1911 г. благодарными их потомками, казаками Кубанского казачьего войска по мысли Таманского станичного общества в память столетия со времени высадки», ниже надписи — заглубленная литая чугунная плита с рельефным изображением сцены высадки казаков на таманский берег, под плитой небольшая бронзовая табличка с надписью: «Сооружен в благополучное царствование Государя императора и самодержца Всероссийского Николая II и освящен 5 октября 1911 г. при Войсковом наказном атамане генерал-адъютанте И. И. Воронцове-Дашкове, наказном атамане генерал-лейтенанте М. П. Бабыче, строительным комитетом в составе председателя, начальника войскового штаба, генерал-майора А. И. Кияшко, и членов: подьесаула В. И. Толстопята, надворных советников В. Я. Демяника и И. П. Высочина, коллежского асессора Л. А. Руденко, дворянина И. Е. Белого, священ. о. С. Л. Колышкина, инженера-архитектора И. К. Мальгерба, урядников станицы Таманской Е.И. Булаха и М. Г. Самойленко, члена секр. К. П. Гаденко»¹⁵³. Таманский «запорожец», созданный на средства, собранные по подписке среди казаков, был, видимо, последним значительным монументом дореволюционного периода на Северном Кавказе. Он не был разрушен во времена гражданского противостояния и «борьбы с памятниками», уцелел в годы Великой Отечественной войны.

Завершая обзор наиболее характерных монументов, сооруженных на северокавказской окраине Российской империи, констатируем, что все они служили инструментами публичной демонстрации утверждения нового государственно-административного устройства и российских государственных символов, мемориализации событий «покорения Кавказа» и причастности к этим и иным событиям лиц императорской фамилии и/или иных представителей государственной власти. История их создания, как и позднее воссоздание утраченных оригиналов, в полной мере отражает общие черты государственной монументальной политики, региональные ее особенности, степень влияния центральной власти и местных общественных инициатив на процессы создания монументов и связанных с ними традициями памятования, смену отношения властей и общества к официальным символам и, в частности, монументам, в соответствии со сменой общественно-политических систем в стране.

В целом, несмотря на окраинное положение Северного Кавказа, хронология возникновения монументов в этом крае в дореволюционное время

¹⁵³ Соколов В. Тамань в прошлом и настоящем. — Керчь : тип. А.Г. Комисара, 1914.

полностью соответствует истории монументов и монументальной политики в Российской империи и ее периодизации, предложенной К. Г. Соколом. Возведенная в екатерининскую эпоху екатериноградская триумфальная арка была особым явлением, порожденным, очевидно, инициативой генерал-поручика П. С. Потемкина и непродолжительным высоким административным статусом Екатеринограда. Следующая же триумфальная арка, ставропольская, прямо соотносится со временем некоего упорядочения монументальной политики, когда была предпринята попытка реализации составленной в 1835 г. по указанию императора Николая I программы сооружения памятников (преимущественно посвященных победе над Наполеоном), разделенных на три класса¹⁵⁴.

В последующие годы, вплоть до падения Российской империи, практика сооружения монументов на Северном Кавказе, символизирующих и прославляющих государственную власть, прославляющих царствующий дом и видных деятелей империи, увековечивающих значительные события отечественной истории, расширялась, достигнув пика в предреволюционные годы. При этом не было единого закона, определявшего монументальную политику, как не было и какого-либо органа власти или учреждения, ведавшего вопросами возведения и содержания монументов. Существовала лишь хорошо прослеживаемая общая идея увековечения событий и личностей, причастных к «утверждению» Российской империи на Кавказе в ходе его военно-казачьей колонизации, а позже, в мирное время — идеи демонстрации верноподданнических чувств населения и достижений хозяйственного и культурного освоения края. Показательно, что как в столицах, так и на северокавказской окраине страны инициатива создания памятников в большинстве случаев исходила, преимущественно, от общественных объединений — городских, купеческих, мещанских, станичных обществ и т. д., реже — от государственных и общественных деятелей, и реализовывалась на средства, собиравшиеся по подписке, на «доброхотные пожертвования», «кружечные сборы» и т. п., но идейно-художественное содержание монументов подвергалось в большинстве случаев цензуре и корректировалось властями. При этом многие монументальные сооружения выступали объектами локальных, отличных от общеимперских, практик сохранения и трансляции культурной памяти даже в начале XX столетия, что дает основание считать, что целостный «монументальный ландшафт» Российской империи, несмотря на относительное обилие, широкую географию и формальное и содержательное разнообразие монументов, в дореволюционное время не сложился.

154 Сокол К. Г. Монументы империи. — М. : Грантъ, 2001. — С. 11.

РАЗДЕЛ 3

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СССР

Важным этапом в трансформации дореволюционного монументального ландшафта стала Февральская революция. Она, как любое социальное потрясение, несла в себе разрушительную силу. Деструктивная энергия масс нацеливалась, прежде всего, на то, что напоминало о самодержавном прошлом России: дворцы с их интерьером и произведениями искусства, памятники царям, их скульптурные изображения в официальных учреждениях, даже короны над двуглавыми орлами. По всей России имели место случаи вандализма. Например, в Крыму вскоре были разрушены памятник-фонтан в честь 300-летия Дома Романовых в Бахчисарае, под угрозой оказался и ханский Бахчисарайский дворец; в Феодосии была снята с пьедестала скульптура Александра III; в с. Саки уничтожен памятник Александру II.

Памятники Екатерине II сняли с пьедестала в Нахичевани-на-Дону и Екатеринославе, монумент Столыпину — в Киеве. В Ставрополе был поврежден памятник Александру II. Во Владимире монумент этому же монарху, возведенный к 300-летию династии Романовых по проекту А. М. Опекушина, был сброшен с постамента (здесь же в мае 1917 г. злоумышленники «обезглавили» памятник А. С. Пушкину). Угроза сноса нависла над памятником Екатерине II работы М. Микешина в Екатеринодаре; в апреле 1917 г. Кубанский областной исполком призвал не сносить монумент как ценное произведение искусства¹⁵⁵. На этом этапе памятник «выжил».

Уцелевшие монументы царям во время революционных празднеств закрывали тематическими декоративными композициями. Данная практика сохранилась и в советское время.

Вновь созданные государственные структуры, а также научные общества призывали предотвратить уничтожение культурных ценностей. В разосланном в провинцию воззвании от 27 марта 1917 г. Московского Археологического общества «Всем ученым обществам и учреждениям, всем просвещенным людям» предлагалось «избрать из своей среды представителей в Комитеты общественных организаций, <...> дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать памятники прошлого»¹⁵⁶. Реагируя на призыв, председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич заявлял: «Необходимо теперь, когда страсти так возбуждены, обратиться ко всему населению губернии с особым воззванием, в котором все жители

155 ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

156 ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 88. Л. 20.

Тавриды приглашались бы к бережному отношению к памятникам древности, старины и искусства»¹⁵⁷.

Совещание деятелей искусства и науки, посвященное вопросу об организации ведомства искусств, состоялось 7 марта 1917 г. в помещении Института истории искусств. Его результатом стало создание комиссии по музейному делу и охране памятников под председательством известного археолога М. И. Ростовцева. Членами комиссии подчеркивалась, с одной стороны, роль государства в деле охраны памятников, с другой — научный авторитет специалистов, роль «соответственных обществ», «научных и художественных кругов», поднимались вопросы, связанные с централизацией музейного дела, охраной памятников, ограничением на вывоз культурных ценностей, то есть то, что позже традиционно считалось прерогативой советской власти¹⁵⁸.

В июле и августе 1917 г. МВД Временного правительства составило и разослало всем губернским и областным комиссарам циркуляры об охране художественных ценностей. В них отмечалось, что ввиду имеющихся случаев порчи и уничтожения, необходимо сдать в местные архивные комиссии предметы, представляющие художественное или историко-археологическое значение. В случае отсутствия губернской комиссии рекомендовалось привлечь к охране ценностей местные художественно-просветительские учреждения¹⁵⁹.

Своеобразием отличалась работа в области охраны памятников в среде отдельных народов бывшей Российской империи. На Украине инициативная группа из числа деятелей науки и культуры разработала проект Центрального комитета охраны памятников старины и искусства. В апреле 1917 г. по решению Центральной рады комитет был основан. Его члены обратились к украинским гражданам с призывом не вывозить за рубеж исторические ценности, поручили губернским управлениям концентрировать в музеях предметы старины и искусства, связанные с историей украинского народа, беречь от повреждений, разграбления и разрушения исторические и архитектурные памятники. Во второй половине 1917 г. представители комитета провели обследование памятников в Киеве, Чернигове, Переяславе и других городах¹⁶⁰. На Украинском национальном съезде (6–8 апреля 1917 г.) членами Крестьянского союза было внесено предложение о возведении памятника Т. Г. Шевченко напротив университета — на месте памятника Николаю I¹⁶¹.

Лидеры и участники крымскотатарского движения рассматривали охрану памятников национальной культуры как важную составляющую

157 *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. — С. 423.

158 *Анапьев В. Г.* П. П. Вейнер и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 50–56. — DOI: 10.17223/15617793/405/6.

159 ГАРО. Ф. 136. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–3.

160 *Нестуля О. О.* Охорона пам'яток України за доби Центральної Ради // Український історичний журнал. — 1993. — № 10. — С. 104–117.; *Розовик Д. Ф.* Українське культурне відродження в роки національно-демократичної революції (1917–1920). — Київ, 2002. — 309 с.

161 Українська центральна рада. Документи і матеріали. У 2 т. / В. А. Смолій (відп. ред.). — Київ : Наук. думка, 1996. — Т. 1. — С. 53.

развития национального самосознания. Временный крымскотатарский (мусульманский) исполнительный комитет взял под свое управление Бахчисарайский дворец. «Было бы грешно с нашей стороны... бросать на произвол судьбы те памятники в виде построек, старинных книг, художественно-промышленных изделий, монет, утвари, оружия и проч. памятники, в которых таится все будущее счастье татарского народа, весь его дух, традиции и вся его история», — подчеркивал в докладе на заседании исполкома директор дворца художник и археолог У. А. Боданинский¹⁶². Обращалось внимание и на другие ценные исторические памятники татар — в Евпатории, Карасубазаре.

Приход к власти большевиков, начало Гражданской войны, с одной стороны, оттеснили проблемы, связанные с охраной памятников истории и культуры, с другой — еще больше актуализировали работу в этом направлении. В данный период, сопровождавшийся постоянным военным противоборством, неразберихой в экономике, памятники являлись предметом повышенного интереса со стороны властных структур. Их рассматривали, прежде всего, как инструмент пропаганды.

Советские идеологи директивным путем занялись созданием пантеона героев, начиная с античных борцов против рабства и заканчивая деятелями современного международного рабочего движения и российскими большевиками. Важным направлением в закреплении его в сознании масс стал *ленинский план монументальной пропаганды*. «Мобилизовать художественные силы, — указывалось в декрете Совнаркома РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики», — и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие идеи Российской социалистической революции». При этом отмечалось, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»¹⁶³. В качестве экспертов выступали члены «Особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения», художественной коллегии Москвы и Петрограда. 17 июля 1918 г. Совнаркомом был утвержден документ «О постановке в Москве памятников великим людям», конкретизировавший реализацию плана монументальной пропаганды в столице.

Кроме установки памятников, в первые революционные годы широко практиковались, особенно в столицах, мемориальные доски. В Москве одними из первых появились доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов» С. Т. Конёнкова на стене Спасской башни Московского Кремля рядом с местом захоронения павших за революцию, «Похороны героя Парижской коммуны

¹⁶² Зарубин А. Г. Из истории Бахчисарайского дворца-музея // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь : Таврия, 1994. — С. 211; Ефимов А. В. Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь : Таврия, 1994. — С. 221.

¹⁶³ Декреты Советской власти. — М. : Политиздат, 1959. — Т. 2. — С.95.

Домбровского» Л. В. Блезе-Манизер на здании Реввоенсовета на Арбатской площади.

Выбор цитат для агитационных досок и памятников осуществлялся под пристальным вниманием наркома просвещения А. В. Луначарского¹⁶⁴. В «Известиях ВНИК» 20 июля 1918 г. за его подписью даже было напечатана информация о конкурсе на лучшие надписи и изречения для монументов.

Новые памятники, как отмечал историк искусства В. Полевой, должны были сделать изобразительно наглядными идеи социализма, визуализировать их, воплотить идеи в образах героев, новых и непривычных для массового представления. Монументальное искусство Октябрьской революции утверждало новые политические и художественные идеи. Не случайно в списке лиц, которым по решению советского правительства сооружались памятники, наряду с революционерами от Спартака и Степана Разина до К. Маркса и Ф. Энгельса, значились имена художников, писателей, музыкантов от Андрея Рублева до Поля Сезанна¹⁶⁵. Американский историк В. Е. Боннел обращает внимание на то, что именно в процессе разработки плана монументальной пропаганды большевики попытались идентифицировать и увековечить отдельных персонажей. При этом В. И. Ленин был против возведения памятников действующим большевистским лидерам, в том числе и себе; в список внесли только убитых в 1918 г. М. Урицкого и В. Володарского¹⁶⁶.

Современные исследователи рассматривают данный план как новаторский опыт организации монументального конкурса¹⁶⁷, с точки зрения преемственности по отношению к традиции возведения памятников в императорской столице Санкт-Петербурге¹⁶⁸. Искусствовед М. М. Силина отмечает, что «опыт составления списков лиц, реализация государственной программы заказа скульпторам произведений и принятие других административных мер в 1870–1910-х гг. во Франции были ближайшими историческими прецедентами для советской России»¹⁶⁹.

Далеко не все памятники имперского периода подлежали уничтожению. Если в Москве — новой столице — этот процесс был «запущен» в полную силу (снос памятников Александру II, Александру III, генералу Скобелеву, великому князю Сергею Александровичу), то в Петрограде снимали в основном новые, не ставшие еще привычными для горожан монументы. Обелиск к

164 Силина М. М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х гг. — М.: БуксМАрт, 2014. — С. 46.

165 Полевой В. М. Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. — М.: Сов. художник, 1989. — С. 141.

166 Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. — Berkeley: University of California Press, 1997. — Pp. 138–139.

167 Калужина О. В. Декрет о памятниках республики и его реализация как новационный опыт организации монументального конкурса // Три века под знаком новизны. Отечественное искусство 1700–2000-е: сб. статей межд. научной конференции (Москва, 22 июня 2016 г.). — Барнаул, 2017. — С. 95–101.

168 Семешко С. В., Стергайская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. — 2018. — № 2. — С. 37–47.

169 Силина М. М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х гг. — М.: БуксМАрт, 2014. — С. 40.

300-летию Дома Романовых в Александровском саду стал обелиском «Революционным мыслителям». Имена российских монархов были заменены именами философов, утопистов и революционеров: Маркса, Энгельса, Либкнехта, Лассалья, Бебеля, Кампанеллы, Мелье и др.

Исследователь ранней советской культуры из ФРГ Ш. Плаггенборг обратил внимание на негативное отношение к памятникам части населения не только по политическим мотивам, но и эстетическим соображениям: «люди находили отталкивающими их формы, не понимая авангардистских экспериментов в стиле кубизма». По мнению этого автора, «незнакомые или неузнаваемые благодаря авангардизму скульпторов лица не могли способствовать популяризации режима». Главным посылом ленинского плана выступало стремление «замаскировать» отсутствие собственной истории революционно-го движения с помощью «сконструированной преемственности»¹⁷⁰.

Проявлением «триумфального шествия советской власти» стало, в том числе, снесение или «перепрофилирование» памятников в регионах. Так, к 1 мая 1918 г. на постаменте упомянутого ранее памятника Александру II во Владимире была установлена гипсовая статуя Свободы. В Саратове в 1918 г. были открыты памятники Н. Г. Чернышевскому (на постаменте снесенного памятника Александру II) и А. Н. Радищеву работы местного скульптора П. Дундука, которому помогали студенты художественного училища¹⁷¹.

Для производства памятников использовали непрочные материалы, главным образом гипс, что обусловило их недолговечность. Аннотированные списки памятников, возведенных в первые революционные годы по плану монументальной пропаганды, говорят и о том, что значительная часть проектов так и не была реализована; отдельные скульптуры разваливались уже в стенах мастерских¹⁷². Лишь немногочисленные монументы тех лет из гранита сохранились до наших дней, например, «Мысль» и памятник Ф. М. Достоевскому С. Д. Меркурова (они были созданы еще до Первой мировой войны и выкуплены Наркомпросом), открытые в 1918 г. на Цветном бульваре. Первый был позже перенесен на Поварскую улицу, а затем на Новодевичье кладбище на могилу скульптора, второй — в сквер Мариинской больницы. Уцелело еще одно «детиче» Меркурова — гранитный памятник Марксу, изготовленный для Симбирска (архитектор В. А. Щуко). Впоследствии, для закрепления революционных идей «навечно», наиболее значимые памятники изготавливались из гранита и бронзы. Памятники А. И. Герцену и Н. П. Огареву (скульптор Н. А. Андреев, архитектор В. Д. Кокорин), изготовленные из бетона с мраморной крошкой, и в наши дни стоят на Моховой перед старым зданием МГУ. Десятилетия спустя образы саратовских гипсовых скульптур стали основой

¹⁷⁰ Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. — СПб.: Журнал «Нева», 2000. — С. 276–277.

¹⁷¹ Павлюченков А. С. Памятники революционной России. — М.: Сов. Россия, 1986. — С. 65–66.

¹⁷² Павлюченков А. С. Памятники революционной России. — М.: Сов. Россия, 1986. — С. 90–96.

сделанных из долговечных материалов памятников Н. Г. Чернышевскому и А. Н. Радищеву, ныне являющихся «визитными карточками» города.

Искусствовед Я. Г. Шклярская отмечает «контрастирующий с подразумеваемым торжеством идей» образ «замкнутого, трагически одинокого пророка» в памятниках Марксу и Тимирязеву С. Д. Мекрурова, Дантону и Гоголю Н. А. Андреева и полагает, что «отрешенность и застылость этих памятников-оракулов прижились и стали пугающими в колоссальных идолах сталинского тоталитаризма 1930-х». Для увековечения новых идей использовались и «абстрактные» формы архитектуры; лучшим примером подобного монумента была модель «Башни III Интернационала» В. Е. Татлина, под влиянием которой были созданы и другие памятники, в частности, гипсовый бюст К. Маркса в Киеве работы И. М. Чайкова¹⁷³.

Специфически складывалась ситуация в центрах гражданского противостояния, где власть в течение нескольких лет переходила из рук в руки. В качестве примера рассмотрим казачьи регионы Юга России. Непродолжительный первый период советской власти не был отмечен монументальными инициативами. В период «двоевластия» казачьи правительства и структуры «белых» развернули активную пропаганду с целью героизации борьбы с большевиками. Образы ее лидеров (особенно погибших и умерших) широко тиражировались в прессе, в плакатах, оперативно отражались в местной топонимике, присваивались различным учреждениям. Общественные организации, инициативные группы собирали средства на постройку памятников Л. Г. Корнилову, М. В. Алексею, Е. А. Волошинову.

В сентябрьском 1918 г. «Воззвании к населению Донского края» атамана П. Н. Краснова говорилось о необходимости «увековечить память тех, кто спас нас от позорного рабства большевизма». Донское правительство объявило конкурс проектов памятника героям Дона на центральной площади в Новочеркасске, сбор средств на его строительство¹⁷⁴. Предписывалось также увековечить памятниками «места особо памятных боев, покрывших славою Донское оружие», изыскав деньги «по особой подписке в округах». Через год, уже при новом атамане А. П. Богаевском, было произведено освящение территории под постройку памятника на месте мученической кончины его брата — М. П. Богаевского в Балабановской роще близ Нахичевани.

На Кубани главным символом борьбы с большевизмом как для «добровольцев», так и для казаков стал Л. Г. Корнилов, погибший вблизи Екатеринодара. Почти сразу после освобождения города от «красных» на уровне Кубанского краевого правительства регулярно поднимался вопрос об увековечивании памяти генерала Корнилова путем обустройства места его гибели, превращения прилегающей территории в памятное место. Был объявлен конкурс на создание проекта часовни на военном кладбище Екатеринодара в па-

¹⁷³ Шклярская Я. Г. Народ и памятник // Искусство. — 2012. — № 3. — С. 41.

¹⁷⁴ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). — СПб.: Нестор, 1998. — С. 134.

мять воинов Добровольческой армии; эскиз известного столичного архитектора А. А. Оля, жившего тогда на Юге, был опубликован в ростовском журнале «Орфей» (1919, № 1, с. 71). Коллега А. А. Оля — А. А. Юнгер в жизнеописании, составленном в 1919 г. для поступления на работу в Кубанский политехнический институт, указывал, что «проектировал памятник борцам за свободу для города Екатеринодара». Еще один столичный архитектор — С. С. Кричинский в июле 1919 г. представил эскизы проекта памятника-храма на могиле генерала Корнилова «в русском стиле XVIII в.», «похожего на храм в Филях под Москвой», который планировалось возвести после окончания Гражданской войны «путем всероссийской подписки»; в ближайшее время было решено ограничиться часовней¹⁷⁵. Обозначенные монументальные проекты, в отличие от большевистских, остались на бумаге ввиду исхода Гражданской войны.

На Украине в период правления Центральной рады посредством сношения монумента на Арсенальной площади полтавскому полковнику И. Искре и генеральному судье В. Кочубею, которые сообщили Петру I о предательстве Мазепы (памятник поставили в рамках празднования 200-летия Полтавской битвы), власти пытались искоренить память о совместной борьбе русских и украинцев против шведов. На постаменте установили гипсовый памятник И. Мазепе; вскоре после падения Рады его снесли. Советская власть в 1923 г. использовала тот же постамент для сооружения памятника рабочим завода «Арсенал», сохранившегося до наших дней.

Украинские власти, включая руководство советской Украины 1918–1920 гг., в качестве главного национального героя единодушно признали Тараса Шевченко. Только для одних он воплощал дух украинской нации, а для других был выразителем дум и чаяний низов украинского общества, борющихся за освобождение от гнета эксплуататоров. Вопрос о памятнике Шевченко (который обсуждался еще в начале 1910-х гг., был проведен конкурс, но проект не реализовался из-за позиции царского правительства) актуализировался. В городке Ромны на Полтавщине по инициативе местной «Просвитель» и общественности в 1918 г. возвели бетонный памятник Шевченко по проекту известного скульптора И. П. Кавалеридзе¹⁷⁶; в 1982 г. он был заменен бронзовой копией. В марте 1919 г. в советском Киеве, только что освобожденном от войск Директории, праздновалось 105-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко. Его имя было присвоено Первому драматическому театру УССР. 1 мая состоялось открытие памятника Шевченко работы Ф. П. Балавенского (победившего в упомянутом выше конкурсе). Данный памятник был разбит в период власти Добровольческой армии, руководство которой негативно относилось к идее национального возрождения Украины.

¹⁷⁵ Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 171–183. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.13.

¹⁷⁶ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). СПб.: Нестор, 1998. С. 138.

В краткие советские периоды в Киеве и Харькове были возведены памятники К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, К. Либкнехту, Р. Люксембург; многие из них были уничтожены сменившим Советами режимами. Создавались многофигурные монументы, монументальные росписи на тему социалистических завоеваний. Активно формировался героический образ борющегося против угнетателей народа. Он нашел отражение в знаменитой росписи фресками помещения и лестничных маршей четырех четырехэтажных корпусов Луцких казарм в Киеве (весна — лето 1919 г.), к которой привлекли около двух сотен киевских и столичных художников.

Во временно советском Крыму в рамках исполнения ленинского декрета «О памятниках республики» началась «зачистка» старого монументального ландшафта. 1 мая 1919 г. в Симферополе демонтировали памятник Екатерине II. «Фигуры императрицы, Г. А. Потемкина, В. М. Долгорукова, бюсты А. В. Суворова, Я. И. Булгакова были брошены во дворе духовной семинарии, подвергались порче от сырости и невежественного с ними обращения за отсутствием надзора». Пострадал также Долгоруковский обелиск, лишившись мраморных барельефов¹⁷⁷. Во врангелевском Крыму в октябре 1920 по инициативе смотрителя Бахчисарайского дворца-музея статского советника С. А. Плаксина началось восстановление памятника 300-летия Романовых. Был восстановлен и памятник Екатерине II¹⁷⁸.

На территориях бывшей Российской империи, получивших независимость (в Польше, прибалтийских государствах) выборочно уничтожались памятники российским монархам и военачальникам; особенно пострадали монументы, находившиеся на городских площадях. В Финляндии, напротив, сохранялись и сохраняются до сих пор памятники имперского периода; памятник Александру II в форме финского гвардейского офицера работы финских скульпторов В. Рунеберга и Й. Таканена находится, как и раньше, перед Кафедральным собором, на главной площади Хельсинки.

Окончательное установление советской власти в российских регионах дало старт формированию нового монументального ландшафта. На центральных площадях взамен старых устанавливались памятники победителям и их идейным предшественникам. Например, в Екатеринодаре демонтировали памятник Екатерине II. В октябре 1920 г. секция изобразительных искусств Кубано-Черноморского облоно обсуждала вопрос «о постановке нового памятника, взамен памятника Екатерине»¹⁷⁹. В январе 1921 г. в газете «Красное знамя» за подписью председателя Кубано-Черноморского исполкома Я. В. Полуяна был анонсирован «конкурс на проект памятника великой Российской Революции». Среди первых двух условий конкурса — использование «существующего пьедестала бывшего памятника Екатерине II» и

¹⁷⁷ См.: Андросов С. А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 3–4. — С. 126–138.

¹⁷⁸ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — 2-е изд. — Симферополь : АнтиквА, 2008. — С. 114.

¹⁷⁹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 200. Л. 137.

«стиль памятника должен быть по возможности согласован со стилем пьедестала»¹⁸⁰. В итоге на постаменте демонтированного памятника Екатерине II в Краснодаре был установлен трехгранный обелиск с барельефами вождей марксизма-ленинизма (после войны на этом же постаменте вместо разрушенного обелиска была поставлена фигура Я. М. Свердлова, в честь которого переименовали сквер, позже разбита клумба, а в 2006 г. восстановлен памятник Екатерине II).

В Новочеркасске, наряду с культовыми сооружениями, пострадали и светские памятники — Екатерине II и М. И. Платову. Место М. И. Платова на постаменте заняла статуя В. И. Ленина¹⁸¹.

В городском саду Симферополя по решению властей был снят с поста-мента памятник Екатерине II. Из цемента, гипса и арматуры срочно были со-оружены бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, символический проле-тарий, разбивающий оковы земного шара¹⁸².

В это же время началось увековечение памяти «красных» героев и жертв Гражданской войны. Например, еще в марте 1920 г. во время траурного митинга в честь погибших при освобождении Геленджика партизан был за-ложен памятник на берегу Геленджикской бухты. В 1923 г. здесь был открыт сохранившийся до нашего времени монумент в виде усеченной пирамиды с именами погибших и словами: «Слава и память борцам, павшим за власть Со-ветов в 1918–1920 гг. в Геленджикском районе»¹⁸³. В Астрахани в 1921 г. был установлен памятник-маяк по проекту архитектора А. В. Николаева в честь моряков Волго-Каспийской военной флотилии, погибших при защите города в марте 1919 г. Памятник украшали изображения «гидры империализма» и убивающего ее моряка, а на его постаменте были установлены орудия, снятые с кораблей флотилии¹⁸⁴.

В населенных пунктах появилось множество индивидуальных захоро-нений и братских могил красноармейцев, погибших за власть Советов. Над ними возводились обелиски, пирамиды. Отдельные образцы монументаль-ного искусства выполнялись профессиональными и непрофессиональными скульпторами. Памятники нередко располагались на территории кладбищ.

Увековечивались отдельные события Гражданской войны. На Юге это был поход Таманской армии (август — сентябрь 1918 г.) из района Таманско-го полуострова в сторону Туапсе (вдоль Черноморского побережья) и далее вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги для соединения с главными

180 Конкурс на проект памятника великой Российской Революции // Красное знамя. 1921. 27 янв. — С. 3.

181 *Кричко Е. Ф.* Историко-культурное наследие казачества Юга России: практика мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности : сб. ст. — Краснодар : Парабелум, 2015. — С. 127.

182 *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — 2-е изд. — Симферополь : АнтикВА, 2008. — С. 673, 506.

183 В последующие десятилетия сотрудники музея Геленджика провели работу по выявлению похороненных в братской могиле 90 борцов за советскую власть.

184 *Krinko E. F.* The memorialization of the events and participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia // Русская старина. — 2017. — № 8. — С. 156.

силами. В 1923 г. по проекту архитектора и художника А. А. Юнгера (еще недавно увековечивавшего «белых») с участием художника С. К. Крамского был возведен монумент бойцам Таманской армии в станице Славянской — 15-метровый обелиск, окруженный восемью артиллерийскими орудиями времен Русско-японской войны. На открытии присутствовали участники Таманского похода, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. И. Микоян. Это первый в ряду памятных стел и обелисков, позже появившихся по всему пути легендарного «железного потока» — в Темрюке, на Агойском перевале у Туапсе, в Новороссийске, Геленджике¹⁸⁵.

В различных регионах РСФСР, а также в Армении и Грузии появляются бюсты В. И. Ленину. В связи с 50-летием со дня рождения В. И. Ленина скульптурный памятник появился в Казани в сквере, названном именем вождя. Гранитную стелу с надписью: «Пусть знают угнетенные всего мира, что на этом месте пуля капиталистической контрреволюции пыталась прервать жизнь и работу вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина» установили на месте ранения вождя в Москве в 1922 г. Смерть Ленина дала старт скульптурной лениниане в столицах и провинции. Постановлением 2 съезда Советов СССР о сооружении памятников В. И. Ленину от 26 января 1924 г. памятники должны были быть установлены в Москве и столицах других союзных республик — Харькове, Тифлисе, Минске и в городах Ленинграда и Ташкенте¹⁸⁶.

Контроля художественной продукции, посвященной вождю, в первое время не было. Бюсты, изготовленные в разных концах страны, в большинстве своем не выдерживали критики. По предложению члена ЦК ВКП(б) Л. Б. Красина 24 апреля 1924 г. ЦИК издал декрет, запрещающий воспроизведение, продажу и опубликование во всех средствах массовой информации портретных изображений Ленина, в том числе барельефов и бюстов, без особого разрешения, которое был полномочен дать любой из членов специального подкомитета Комиссии по увековечению или тройки в составе В. М. Молотова, А. С. Енукидзе и Л. Б. Красина¹⁸⁷.

Отделения комиссии открывались в Ленинграде, на Украине, в Закавказье¹⁸⁸. В состав комиссий должен был входить хотя бы один человек, лично знавший Ленина или хотя бы видевший его. Он выступал в качестве консультанта для скульпторов и художников.

Специально созданная Комиссия при Академии художеств распределяла заказы на выполнение памятников. Известному монументалисту М. Я. Харламову, лично видевшему вождя в 1917 и 1919 гг., лепившему, стоя у гроба, его посмертный портрет, было поручено изготовление первого в Ленингра-

185 См.: *Морозова О. М.* Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам // *Наследие веков.* — 2020. — № 3. — С. 29–39. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002/

186 *Культура в нормативных актах советской власти. 1923–1927* / сост. К. Е. Рыбак. — М.: Юстициформ, 2010. — С. 156–157.

187 *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М.: Академический проект, 1997. — 285 с.

188 *Художественная жизнь Советской России 1917–1932: события факты, комментарии* : сб. матер. и документов. — М.: Галарт, 2010. — С. 191–192.

де памятника В. И. Ленину перед Невским заводом, рабочие которого собрали для этого достаточное количество денег. Открытие состоялось в 1926 г. Тогда же появился, построенный также на народные деньги, знаменитый памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала (скульптор С. Евсеев, архитекторы В. Щуко и В. Гельфрейх), заложенный еще в апреле 1924 г.

В Краснодаре память о В. И. Ленине была оперативно увековечена установкой гипсового (позже замененного на чугунный) бюста работы К. А. Дитриха; он появился перед зданием Кубано-Черноморского обкома партии 27 января 1924 г. Одним из первых в СССР монументов вождю революции стал созданный этим же скульптором в 1925 г. памятник на пересечении улиц Ставропольской и Горской (площадь вокруг памятника получила имя Ленина; ныне Вишняковский сквер). Трехгранный пьедестал декорирован многофигурным горельефом с изображением рабочих и казаков, раскрытой книги, поддерживаемой мальчиком и девочкой, серпа и молота. Основание символизирует обломки самодержавия.

К раннему периоду скульптурной ленинианы также относится имеющая статус объекта культурного наследия федерального значения скульптурная композиция в Новороссийском морском порту (скульпторы В. В. Козлов, Л. А. Дитрих, К. А. Дитрих, архитектор О. К. Доманский, 1925–1926 гг.). Вождь изображен в распахнутом пиджаке, с поднятой вверх правой рукой, стоящим на высоком цилиндрическом пьедестале. У подножия монумента расположены десять горельефных изображений борцов за Советскую власть и мирных «строителей социализма»¹⁸⁹.

В Армавире памятник Ленину работы скульптора В. В. Козлова был открыт в 1926 г. на центральной площади, вскоре переименованной в площадь В. И. Ленина. Памятники Ленину этого же скульптора имелись в Таганроге (на постаменте памятника Петру I), Челябинске, Владикавказе, Ленинграде (перед Смольным).

Элементы (в основном постаменты) памятников вождю революции в советских республиках были нередко национально «окрашены». Яркий пример — монумент в Ашхабаде (1927 г.) на постаменте, облицованном поливной майоликой в форме узоров туркменских ковров¹⁹⁰.

К началу 1930-х гг. изображение вождя было канонизировано на примере официально принятых нескольких образцов. Памятники В. И. Ленину становились идеологической доминантой городов. Приведем ранее не публиковавшийся фрагмент переписки Сочинского горсовета с известным скульптором, профессором Б. Д. Королевым по поводу сооружения памятника Ленину в центре Сочи в 1934 г. (проект которого так и не реализовался). В ответ на предложение сочинских властей скульптор, к тому времени

189 *Маркова О. Н.* Страницы скульптурной «Ленинианы»: памятник В. И. Ленину в Новороссийском морском порту // *Наследие веков.* — 2017. — № 2. — С. 62–68. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Markova.pdf (дата обращения: 23.03. 2020).

190 *Толстой В. П.* У истоков советского монументального искусства. — М.: Изобразительное искусство, 1983. — С. 48.

уже зарекомендовавший себя такими сооружениями, как памятник борцам революции в Саратове и Н. Э. Бауману в Москве, отмечал следующее: «Практика последних лет показала, что нельзя составлять проект только одного памятника вне связи с оформлением всей площади. И потому разрешение вопроса о месте строительства памятника, его размеры, архитектура, актуальность должны быть запроектированы одновременно и в общем комплексе со скульптурно-архитектурным оформлением всей площади, окружающими ее улицу и архитектурой прилегающих домов, обработкой лестниц, пандусов и т. п. Только тогда памятник будет играть актуальную роль, будет служить средоточием для военных парадов и демонстраций, иметь агитационно-воспитательное значение и являться действительно центром и ценным художественным украшением всего города». Неслучайно под номером один в списке будущих работ значилось «составление генерального плана площади с графиком движения демонстраций»¹⁹¹.

Как справедливо отмечает М. М. Силина, «инициативы по коммеморации Ленина привели к формированию настоящей художественной индустрии, включавшей в себя коммерческие организации по созданию скульптур, производившие миллионы копий образов Ленина, и впечатляющий комплекс коммеморативных ритуалов...»¹⁹².

В 1920-е гг. монументально увековечили память об умерших соратниках В. И. Ленина — Ф. Э. Дзержинском, М. В. Фрунзе, Я. М. Свердлове (последних двух «на века» запечатлел М. Я. Харламов, соответственно, в Шуе и Свердловске); в 1930-е — о С. М. Кирове, Г. К. Орджоникидзе, «буревестнике революции» М. Горьком и др.

К 10-летию Октября на государственном уровне разрабатывалась программа выявления, учета и охраны памятников историко-революционного движения. Комиссией по празднованию 10-летия Октябрьской революции при Президиуме ЦИК СССР и Музеем Революции СССР были разработаны методические указания и план сбора сведений о памятниках Октябрьской революции, Гражданской войны, социалистического строительства¹⁹³. Тема эта обсуждалась на IV Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами (январь 1927 г.). Наряду с рекомендацией создания в регионах музеев революции, в экспозициях которых местная история должна быть «увязана с общероссийской, а затем со всесоюзной», совещание «признало необходимым широкий систематический учет памятников революционного движения, проводимый органами музейного управления НКП под руководством Истпарта»¹⁹⁴.

191 АОАС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 202. Л. 8.

192 Силина М. М. Владимир Ленин и советская мемориальная индустрия // Центр экспериментальной музеологии. — URL: http://redmuseum.church/lenin_commemoration (дата обращения: 22.04. 2020).

193 Лопатина Е. Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 — середине 1930-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 4. — С. 27.

194 Четвертое совещание Истпартотделов при ЦК ВКП(б) (4–8 января 1927 г.) // Историк-марксист. — 1927. — № 3. — С. 246–248.

Помимо Октябрьской революции и Гражданской войны распространённым объектом мемориализации стала предтеча Октября — Первая русская революция. 9 января (Кровавое воскресенье), отдельные события 1905–1907 гг. находили отражение в топонимике и монументальной скульптуре (лидером в этом отношении являлся и является Краснопресненский район Москвы). Именно там в 1920 г. на деньги, собранные рабочими Красной Пресни, появился гранитный обелиск с вырубленной надписью: «Героям Декабрьского восстания декабря 1905 г.». К 20-летию юбилею в Саратове на «Площади 1905 г.» был возведён монумент «Борцам революции» (скульптор Б. Д. Королев, победивший несколько десятков коллег, представивших свои проекты). На второй сессии ЦИК РСФСР в октябре 1924 г. А. В. Луначарский говорил, что саратовский памятник является мировой революционно-художественной редкостью по идейному содержанию и по всем его особенностям¹⁹⁵. К 25-летию Декабрьского вооружённого восстания и Первой русской революции на площади Свободы в Нижнем Новгороде появился памятник (архитектор А. А. Яковлев-старший), посвящённый героям и жертвам революции. Памятник жертвам 9 января 1905 г. (скульптор М. Г. Манизер) возвели в Ленинграде в 1931 г.

Тиражирование революционных сюжетов и наиболее востребованных государственной идеологией персонажей, всего, что формировало «типовую визуальную среду соцреализма: уличной скульптуры, оформления парков культуры и отдыха» и т. д., происходило во многом в рамках появившегося в 1928 г. кооператива «Всекохудожник» — Всероссийского кооперативного союза работников изобразительных искусств (ликвидирован в 1953 г.)¹⁹⁶.

С конца 1920-х гг. монументально увековечивается И. В. Сталин. За первым памятником к 50-летию вождя (скульптор М. Я. Харламов) последовали десятки и сотни скульптур в парках, на площадях, территориях учебных заведений, лечебных учреждений и пр.

Проводя параллели между мемориализацией В. И. Ленина и И. В. Сталина, Н. Тумаркин полагает, что «развитие сталинского культа было необычайно сложным и многоаспектным, однако едва ли не главнейшим признаком его формирования стало красноречивое помещение фигуры Сталина непосредственно рядом с идеализированной фигурой Ленина»¹⁹⁷. Многократно тиражировался практически получивший статус эталонного памятник «Ленин и Сталин в Горках» украинских скульпторов Е. И. Белостоцкого, Г. Л. Пивоварова, Э. М. Фридмана. Это же можно сказать о памятниках работы С. Д. Меркурова на главной площади Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и у входа в Канал имени Москвы со стороны Ивановского водохранилища

195 Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1928–1941 гг. // Молодой ученый. — 2016. — № 7. — С. 547.

196 Яковлевская Г. А. «Всекохудожник» в тисках советской экономики // Культурологические записки. — Вып. 14: Художник между властью и рынком. — М.: ГИИ, 2013. — С. 143–165.

197 Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М.: Академический проект, 1997. — 285 с.

(Московского моря). Памятники Сталину наряду с памятниками Ленину также соответствовали сложившемуся канону.

В начале 1930-х гг. в СССР предпринимаются попытки восстановления системы государственного контроля над объектами культурного наследия. Вопросы охраны памятников в 1932 г. вернулись в сферу компетенции и полномочий преемника ранее упраздненного управления Наркомпроса РСФСР Главнауки — сектора науки НКП. 10 июля 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР учреждается Комитет по охране исторических памятников во главе с наркомом просвещения А. С. Бубновым¹⁹⁸.

В августе 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР был образован Междуведомственный комитет по охране памятников революции, искусства и культуры, в функции которого входило наблюдение за выполнением правительственных постановлений по вопросам охраны памятников, составление на основании материалов, разработанных Наркомпросом РСФСР списков памятников, подлежащих государственной охране, утверждение проектов использования памятников по предложениям сектора науки Наркомпроса РСФСР и т. д.¹⁹⁹ 1 февраля 1933 г. было принято постановление ВЦИК РСФСР «По вопросу об участии Исполкомов и Советов, а также отделов народного образования в деле охраны памятников революции, искусства и культуры»: осуществление контрольно-наблюдательных функций и ответственность за исполнение постановлений правительства в сфере охраны памятников было возложено в АССР на народных комиссаров по просвещению; в краях, областях и городах — на заведующих отделами (управлениями) народного образования.

В 1936 г. возник Комитет по делам искусств при правительстве СССР. На него возложили руководство «всеми делами искусств», в том числе художественно-живописных и скульптурных. В обязанности Комитета входили, в частности, рассмотрение и утверждение проектов памятников. Руководил Комитетом до 1938 г. П. М. Керженцев — видный государственный и общественный деятель, экономист, журналист, переводчик.

Памятники с 1930-х гг. выполняли важную роль в ландшафте публичной рекреации. Как верно отмечает Я. Г. Шклярская, «парковая скульптура, пребывавшая в забвении с 1917 года, возродилась в виде монументальной пропаганды выходного дня. Парки, населенные прекрасными юношами и девушками, давали гражданам, прогуливающимся по аллеям, возможность чувствовать себя почти что эллинами. “Камерная пропаганда” распространилась по пионерским лагерям и дворам в виде фонтанчиков и скульптур размером меньше натуры. То были не герои, а идеальные двойники советских людей»²⁰⁰.

¹⁹⁸ Хайрутдинов Р. Р., Персова С. Г. Попытки воссоздания местных органов охраны памятников в ТАССР в предвоенный период // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 4–2. — С. 36.

¹⁹⁹ Культура в нормативных актах советской власти. 1930–1937 / сост. К. Е. Рыбак. — М.: Юстициформ, 2011. — С. 245–246.
²⁰⁰ Шклярская Я. Г. Народ и памятник // Искусство. — 2012. — № 3. — С. 43.

В связи с переходом к политике «государственного патриотизма» с середины 1930-х гг. власть повернулась лицом к известным персонажам дореволюционной истории: «народность и патриотизм, как ключевые культурные доминанты, вызывали к жизни новых героев»²⁰¹. Это касалось глав государства, военачальников, деятелей литературы и искусства (прежде всего демократического направления, пострадавших от старого режима, те, в чьем творчестве можно было разглядеть предвосхищение социалистического будущего России).

Апогеем нового курса стали масштабные мероприятия в честь 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина в 1937 г.²⁰², 125-летия со дня рождения Лермонтова в 1939 г. Первый юбилей нашел отражение в монументах в разных городах страны (в то же время запланированный памятник в Ленинграде на Биржевой, переименованной в Пушкинскую, площади так и не появился из-за отсутствия достойных проектов, предложенных конкурсной комиссией). Московский памятник А. М. Опекушина 1880 г. «сопроводили» откорректированной надписью. Вместо двустийших, цензурированных в царское время, были выбиты четверостишия с применением современной орфографии («И долго буду тем любезен я народу...»).

Осознав эффективность памятников как мобилизационных символов, власть, в условиях нарастания опасности войны, инициировала восстановление исторически значимых сооружений и памятников. Прежде всего, это касалось мест великих сражений — Полтавской и Бородинской битв и их героев. Своеобразной границей, за пределами которой ни один герой эпохи царизма не мог получить амнистию в довоенный период, стал 1856 г. — год окончания Крымской войны²⁰³.

В середине 1930-х гг. появляются значимые для всей страны столичные пространства — Московский метрополитен и Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ), для оформления которых была использована «вся мощь государственной индустрии по производству объектов монументального искусства, организации и централизации в области художественной жизни, все наработки декоративного оформления социалистических городов»²⁰⁴. Оформление ВСХВ должно было визуализировать успехи страны победившего социализма, главным образом в сфере экономики и культуры. Скульптурные композиции и мозаичные панно метрополитена воплощали образы советского государства, нового советского человека во всех его ипостасях²⁰⁵.

201 Кознова И. Е., Никольский С. А. Прошлое в политике и культуре советской России // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 43. — С. 52–69; Личак Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2010. — № 19. — С. 202–208.

202 См.: Платт Д. Б. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 352 с.

203 Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). — СПб.: Академический проект, 2009. — 415 с.

204 Силва М. М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х гг. — М.: БуксМАрт, 2014. — С. 135.

205 См.: Киру К. В. Визуальный миф в идеологическом нарративе: репрезентация в советском монументальном искусстве // Вестник культуры и искусств. — 2017. — № 3. — С. 113–118.

16 июня 1940 г. было принято постановление СНК РСФСР «О порядке сооружения памятников в РСФСР», где указывалось, что памятники в рабочих поселках и сельских поселениях могут быть установлены только на основании постановления исполкома краевого, областного советов депутатов трудящихся и СНК АССР. Наркомфин РСФСР должен был отпускать средства на сооружение памятников только после утверждения проектов и смет Управлением по делам искусств при СНК РСФСР или Комитетом по делам искусств при СНК СССР. На проектирование памятников предусматривались отдельные суммы. Предписывалось привести в надлежащий порядок места захоронений погибших участников Гражданской войны. Управлению по делам искусств при СНК РСФСР совместно с Наркомфином РСФСР и Госпланом поручалось разработать инструкцию о порядке сооружения памятников и условия их проектирования²⁰⁶.

Начало Великой Отечественной войны приостановило реализацию многих монументальных проектов, запланированных на уровне совнаркомов РСФСР и союзных республик. На повестке дня в качестве первоочередной задачи стало монументальное увековечение войны и ее героев. Соответствующие мероприятия разрабатывались и реализовывались на общесоюзном и частично на региональном уровне еще в 1941–1942 гг.

19 декабря 1941 г. исполком Ленинградского совета депутатов трудящихся вынес решение «О развертывании работ по монументальной пропаганде». В апреле 1942 г. дирекция Академии художеств обратилась в Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и Политуправление РККА с предложением начать работу по проектированию памятников Великой Отечественной войны. 23 июня 1942 г. в Президиуме Верховного Совета СССР был рассмотрен вопрос «О сооружении памятников партизанам Великой Отечественной войны» и принято решение в недельный срок внести предложения по персоналиям и местам установки памятников. В итоге в тематический план Академии на 1943 г. было включены следующие пункты: «разработка основных положений по проектированию и принципам размещения монументов и памятников, посвященных Великой Отечественной войне, ее героям и событиям; организация проектирования массовых типовых памятников». В НИИ общественных и промышленных сооружений реализация темы «Монументы Великой Отечественной войны» предполагала систематизацию и обобщение «исторического и современного материалов СССР и за рубежом по мемориальным сооружениям» и создание проектов памятников — надгробий (индивидуальных и для братских могил), памятников событиям на полях сражений, пантеонов и пр.²⁰⁷

На Всесоюзной художественной выставке «Героический фронт и тыл» в Государственной Третьяковской галерее (21 ноября 1943 г.) были представ-

206 Культура в нормативных актах советской власти. 1938–1969. / сост. К. Е. Рыбак. — М.: Юстициформ, 2011. — С. 43–44.

207 *Малинина Т. Г.* Тема памяти в архитектурном проектировании и художественной критике военных лет // Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [материалы, документы, статьи, комментарии] / авт.-сост. Т. Г. Малинина, Е. В. Огаркова. — М.: ГАЛАРТ, 2011. — С. 186–202.

лены проекты мемориальных ансамблей и памятников погибшим. Многие из них демонстрировали связанные с идеологическими послаблениями военных лет творческие трансформации сложившегося в СССР мемориального жанра, приемы, к которым обращались авторы для обеспечения эмоционального зрительского восприятия. Начинается проектирование монументов жертвам фашистов; как правильно отмечает В. Г. Басс, вскоре эта тема «окажется за пределами круга основных сюжетов»²⁰⁸.

В целом для военных лет характерно тесное взаимодействие основных акторов монументальной политики — партийных, советских (прежде всего Комитета по делам архитектуры при СНК), военных организаций и творческих союзов. Многочисленные всесоюзные конкурсы проектов под эгидой Союза архитекторов СССР выкристаллизовывали художественный образ будущих памятников, запечатлевших борьбу советского народа против фашистских захватчиков. Наряду с проектами, предназначенными для немедленного осуществления, разрабатывались проекты на ближайшую и относительно далекую перспективу.

Уже в годы войны на территориях, освобожденных от фашистов, начали формироваться мемориальные пространства. Проиллюстрируем это на примере Краснодарского края, большая часть которого была ареной ожесточенных сражений.

16 мая 1943 г. в краевом центре, на том месте, где до начала 1920-х гг. стоял памятник Екатерине II, с перезахоронения братьев-партизан, Героев Советского Союза Г. и Е. Игнатовых в регионе началось монументальное увековечение героев Великой Отечественной войны. Через несколько месяцев рядом поставили памятник герою освобождения Кубани полковнику М. Ф. Лабынцеву. В итоге сквер на несколько лет превратился в место почетных захоронений.

В Новороссийске на Приморском бульваре 16 сентября 1943 г. появилась братская могила офицеров, погибших при штурме города. Через два месяца это место, переименованное в площадь Героев, стало (и остается до сих пор) одним из главных мемориальных центров города. 27 сентября 1943 г. была создана комиссия, которой поручалось установить «место погребения всех убитых бойцов и офицеров Красной Армии и Флота», соорудить деревянные памятники²⁰⁹.

В Майкопе первыми памятниками героям войны и жертвам фашизма стали огороженная забором братская могила с деревянным двухметровым обелиском на территории нефтебазы (1943 г.), памятник — параллелепипед переменного сечения со звездой наверху на центральной площади города, напротив облисполкома (1945 г.)²¹⁰.

208 См.: Басс В. Г. «Величайший и любимейший эпос нашего века»: проекты советских военных монументов 1941–1945 гг. // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 1. — С. 70.

209 Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3-х кн. Кн. 2. Ч. 1: 1943 год / сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. — Краснодар: Советская Кубань, 2003. — С. 555.

210 НАРА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 66. Л. 9, 9 об.

24 сентября 1944 г. в Армавире состоялось торжественное, с участием «первых лиц» города и руководителей партизанского движения, перезахоронение 27-ми партизан и заложен памятник на месте их погребения²¹¹. Ныне на этом месте — городском парке 30-летия Победы — создан мемориальный историко-культурный комплекс, который включает пять обелисков, отражающих перипетии отечественной истории XX в.

3 ноября 1943 г. решением Краснодарского крайисполкома была создана государственная инспекция по охране памятников истории, искусства и природы Краснодарского края при краевом отделе по делам искусств «в целях охраны памятников истории, искусства и природы Краснодарского края и сосредоточения в одном органе всех вопросов изучения, использования и восстановления памятников. Под номером один стояла задача «учета памятников Отечественной войны и увековечения героев»²¹².

Первые итоги монументального увековечения текущих событий в Краснодарском крае подвел в конце декабря 1944 г. собственный корреспондент «Известий» Н. Морозов. Он констатировал, что после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков сделано немало: «В небольшом сквере в Краснодаре сооружен памятник партизанам братьям Игнатовым... На могилу, убрannую заботливыми руками краснодарцев, приходят сотни людей... В том же сквере поставлен памятник герою освобождения Кубани полковнику Михаилу Федоровичу Лабынцеву. Колхозники Тимашевского станичного совета своими силами поставили памятник на братской могиле бойцов, освободивших землю колхоза от врага». В то же время автор отмечал «недопустимое отношение к могилам» в станице Абинской, в Крымском, Темрюкском и некоторых других районах. Отдельно описана ситуация в Новороссийске, на Малой земле, откуда силами десанта под командованием Цезаря Куникова началась подготовка к штурму Новороссийска: «И странно, что Новороссийский горсовет не проявляет никакого внимания к этому историческому месту. Многие приезжающие в Новороссийск хотят побывать на Малой земле, чтобы ознакомиться с искусно проведенной военной операцией. Но там они наталкиваются на полное запустение. Неизвестно куда исчезли таблички, указывающие место высадки десанта. Могилы героев-моряков, павших смертью храбрых, поросли травой»²¹³.

В прессе 1943–1945 гг. и последующих лет постоянно акцентировалась необходимость приведения в порядок воинских могил. Многие захоронения находились на территориях придомовых участков, санаториев, зарастали бурьяном, надмогильные холмики разрушались, отсутствовали ограды, таблицы на могилах отваливались, надписи стирались. На братских кладбищах имел место выпас скота. Актуальным было перемещение останков из индивидуальных могил в братские. Многие первые памятники, увековечивавшие события

211 АООА. Ф. Р-145. Оп. 2. Д. 117. Л. 59.

212 ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 55. Л. 48–49.

213 Морозов Н. Оберегать могилы героев Отечественной войны // Известия. 1944. 29 дек. — С. 2.

и героев Великой Отечественной, впоследствии подверглись изменениям, были перенесены на кладбищенские территории.

После окончания войны процесс ее монументального увековечения перешел в новую фазу. «Как выразить языком искусства, как высечь из камня, отлить из бронзы и стали и сохранить векам образ нашей Победы, величайшей из побед? Грядущие поколения будут судить о наших титанических временах не только по документальным свидетельствам и архивам, но и по песням и музыке, живописи и скульптуре. В граните и бронзе должен звучать в веках пафос нашей эпохи, озаренной гением величайшего из великих — Сталина», — писал в первом после Победы выпуске газеты «Советское искусство» скульптор С. Д. Меркуров²¹⁴.

29 мая 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О проектировании и сооружении бюстов дважды Героев Советского Союза, памятников и монументов» (в 1955 г. оно было изменено в части утверждения проектов).

Комитет по делам архитектуры рассматривал типовые проекты памятников для военных кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Красной Армии и партизан Великой Отечественной войны. В журналах «Архитектура и строительство», «Архитектура и строительство Ленинграда» обсуждались пути увековечения подвига народа. Популярной темой были парки Победы как одна из доступных форм увековечения памяти павших. Уже в первые послевоенные десятилетия появились многочисленные памятники, увековечивавшие отдельные сражения, героев и жертв войны²¹⁵.

Параллельно шло восстановление советских памятников, разрушенных фашистами. Облисполкомы запрашивали средства и отчитывались об их расходовании (например, Ростовский облисполком в 1945 г. вел переписку с Совнаркомом РСФСР по поводу восстановления памятника С. М. Кирову в Ростове-на-Дону и памятника В. И. Ленину в г. Шахты²¹⁶). Причем первый, установленный в 1939 г. (скульптор З. М. Виленский, архитектор В. В. Баринов), жители Ростова спасли от разрушения, зарыв его в землю, поэтому понадобились лишь реставрационные работы. Второй памятник, возведенный в 1936 г. (скульпторы М. Ф. Листопад и С. Н. Попов), серьезно пострадал во время оккупации: немцы взорвали фигуру Ленина. В итоге на постамент была водружена новая скульптура работы С. Н. Попова и Г. А. Шульца.

В 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР (от 14.10.1948 г. № 3898) «О мерах улучшения охраны памятников культуры». В нем не шла речь о сооружении новых памятников и сносе старых, однако интерес представляет имеющаяся в документе классификация исторических памятников Страны Советов, дающая представление об их многообразии:

214 Меркуров С. Д. Памятник // Советское искусство. 1945. 10 мая. — С. 3.

215 См.: Еремеева А. Н. Память о Великой Отечественной войне «в граните и бронзе» // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы всерос. науч. конфер., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ростов-на-Дону, 10–11 сент. 2020 г.). — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. — С. 544–549.

216 ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 1334, 2694.

«сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционным движением, гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим строительством; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории техники, военного дела, хозяйства и быта»²¹⁷.

Данное постановление актуализировало и «больной» вопрос о воинских захоронениях. Например, на заседании Краснодарского крайисполкома 5 мая 1949 г. в докладе начальника отдела культурно-просветительной работы, обобщающем результаты проверки, указывалось, что «в ряде городов и районов края братские и индивидуальные могилы воинов, погибших в период Отечественной и гражданской войн... содержатся в неудовлетворительном состоянии... в Геленджике на городском кладбище участок с погребениями воинов Советской Армии не огорожен, таблички с именами погибших утеряны». Было принято решение «создать при исполкомах комиссии по выявлению и учету памятников Великой Отечественной войны...»²¹⁸.

Послевоенная реконструкция городов часто приводила к изменению их монументального ландшафта. Формировались пространства для новых памятников, старые реконструировались или переносились. Сохранившиеся в Государственном архиве Краснодарского края документы дают возможность реконструировать такого рода процессы в Краснодаре.

Письмо 1950 г. главного архитектора г. Краснодара заместителю председателя горисполкома по поводу переноса и реконструкции упомянутого выше памятника Я. М. Свердлову (ввиду того, что через дорогу в реконструированное здание переехал крайком партии, и перед ним планировалось возведение памятника В. И. Ленину) проливает свет на отдельные моменты монументальной политики и практики. «Монумент не отвечает необходимым требованиям как по технике исполнения, так и по своим художественным качествам и материалу, из которого он изготовлен»²¹⁹. Существующий постамент в стиле «елизаветинского барокко», оставшийся без изменения от памятника Екатерины второй, должен быть полностью изменен..., т. к. для композиции на заданную тему он не пригоден. Этот вопрос может быть решен только при наличии средств, ...для чего необходимо Горисполкому через Крайисполком войти с ходатайством в Совет Министров Союза... Сооружение такого класса памятника возможно только после того, как изготовленные проект и макеты памятника будут утверждены в Комитете по делам искусств при Совете Министров Союза»²²⁰. Параллельно велась переписка по поводу возведения

217 О мерах улучшения охраны памятников культуры. Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 г. № 3898. — URL: <http://art-con.ru/node/354> (дата обращения: 22.03.2019).

218 ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 417. Л. 38.

219 Памятник работы А. П. Сало и И. П. Шмагуна был выполнен из бетона и покрашен под бронзу.

220 ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 182. Л. 79.

памятника В. И. Ленину. Представитель отдела памятников дирекции художественных выставок и панорам Комитета по делам искусств Совета Министров СССР²²¹, вероятно, озабоченный будущим соседством двух памятников и возможностью полноценного обозрения памятника вождю, оповещал городское руководство о необходимости не только тщательных обмеров площади перед крайкомом, но и части сквера Свердлова, «расположенного через улицу И. В. Сталина до памятника Свердлова, включая его и глубже его на 10 метров» («...на съемке показать места расположения деревьев в сквере Свердлова. А также сделайте обмер нижней части (круглой) памятника Свердлову»)²²².

В итоге через несколько лет бюст Я. М. Свердлову появился в новом сквере его имени. На прежнем месте пьедестал и памятник были демонтированы; находившиеся вокруг них захоронения времен Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет перенесли на кладбище. Мемориальное пространство превратилось в клумбу; отсюда открывался вид на новый памятник В. И. Ленину работы П. В. Сабся.

Формировался советский монументальный ландшафт Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики (оперативно возведенные накануне войны памятники, например, многофигурный памятник сталинской Конституции, монумент Дружбы народов с 20-метровым обелиском во Львове, статуя В. И. Ленина в Гродно были разобраны сразу после отступления советских войск летом 1941 г.²²³), а также Калининградской области. Памятники В. И. Ленину (самый известный из которых — работы С. Д. Меркурова перед Оперным театром Львова), скульптуры «Ленин и Сталин в Горках», монументы советским воинам визуализировали новый статус территорий²²⁴.

На волне пропаганды отечественных приоритетов в науке, в соответствии с государственным курсом на борьбу с низкопоклонством перед Западом, была расширена, по сравнению с довоенной, практика установки памятников и мемориальных досок ученым. Так, в ознаменовании 50-летия изобретения радио А. С. Поповым был принят план увековечения ученого «в граните и в бронзе», в топонимике; 7 мая 1945 г. учрежден государственный праздник День радио. К 100-летию И. П. Павлова (1849–1936) — знаменитого на весь мир физиолога, нобелевского лауреата, к тому же лояльно относившегося к большевикам, был установлен памятник на его родине в Рязани (скульптор М. Г. Манизер), появилась мемориальная доска в Ростове-на-Дону и др. За пять лет до столетия И. В. Мичурина (1855–1935), ставшего одним из символов в борьбе с генетикой на государственном уровне, памятник работы

221 Комиссия образована в 1940 г. на базе передвижной Всесоюзной художественной выставки «Индустрия социализма» (1939), приуроченной к открытию XVIII съезда партии.

222 ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 182. Л. 97–98.

223 *Дмитриев А. Н.* Бронзовый гость без вышиванки, или Бывший Ленин в восемнадцатом году // Неприкосновенный запас. — 2018. — № 2. — С. 203–224.

224 *Деметьев И. О.* Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 40–61. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003; *Костяшов Ю. В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX — начало XXI в.). // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 62–72. — DOI:10.36343/SB.2020.23.3.004.

М. Г. Манизера был открыт на центральной площади Мичуринска Тамбовской области (1950 г.), в 1952 г. бюст ученому работы этого же скульптора (наряду с бюстами И. П. Павлова, Н. Е. Жуковского, В. В. Докучаева, Д. И. Менделеева и др.) появился на аллее у главного входа в МГУ, а в 1954 г. на месте бетонного монумента 1939 г. на ВДНХ возвели бронзовую скульптуру И. В. Мичурина на гранитном постаменте (скульптор Д. С. Жилов).

Монументальным воплощением научной политики тех лет стал парный памятник И. В. Сталину и Т. Д. Лысенко (ни раньше, ни позже ученые в паре с руководителями страны не изображались), копии которого были установлены в нескольких провинциальных городах, в том числе в центральных парках Ставрополя и Гродно.

Решения о возведении памятников, которые должны были приниматься исключительно Советом Министров СССР (после утверждения проектов Министерством культуры СССР), нередко принимались краевыми/областными исполкомами по инициативе регионального партийного руководства. Это приводило к практике авторских повторений, перерасходу средств (в случае изготовления из бронзы и гранита), избыточным гонорарам скульпторов, чьи работы неконтролируемо тиражировались. Кроме того, как отмечает Г. А. Янковская, художественные произведения, в том числе скульптуры с изображениями Ленина, Сталина, других лидеров партии и государства, «выполнялись на очень низком профессиональном уровне, что было очевидно многим: обычному зрителю, специалисту и представителю экспертных комиссий и советов»²²⁵.

Неслучайно в записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в сооружении памятников и монументов общественным и политическим деятелям от 26 мая 1953 г. на имя Н. С. Хрущева предлагалось «запретить местным партийным и советским органам самовольно осуществлять установку памятников из долговременных материалов (бронзы, гранита); сооружение памятников производить только с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР по проектам, утвержденным Министерством культуры СССР»²²⁶.

Общественно-политические процессы и преобразования в экономической сфере, начавшиеся в стране после доклада Н. С. Хрущева «О культе личности его последствиях», прозвучавшего в 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, и принятого затем постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», не могли не отразиться на идеологической парадигме государства, определенные трансформации которой, в частности, проявились в его монументальной политике и соответствующих практиках.

Одним из внешних проявлений объявленной борьбы с культом личности явилось снятие существующих памятников Сталину вскоре после его

²²⁵ Янковская Г. А. «Всекохудожник» в тисках советской экономики // Культурологические записки. — Вып. 14: Художник между властью и рынком. — М.: ГИИ, 2013. — С. 158.

²²⁶ Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в сооружении памятников и монументов общественным и политическим деятелям. — URL: http://www.hrono.info/dokum/195_dok/19530526pam.html.

смерти в 1953 г. и запрет на возведение или затянувшаяся на долгие годы реализация предполагавшихся к открытию памятников и монументов, так или иначе связанных с именем генералиссимуса и с его политикой в области монументального искусства. В ряду «пострадавших» таким образом памятников была, например, выполненная для Москвы скульптура полковника М. И. Кутузова работы Н. В. Томского, указ об установке которой был подписан лично Сталиным в 1945 г., — воплотить проект удалось лишь в 1973 г.²²⁷

В тесной связи с переформатированием официальной монументальной пропаганды находилась и борьба со всякого рода «излишествами», особенно набравшая обороты после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»; в число запрещенных попали дорогостоящие материалы архитектурного декора и скульптуры — гранит, мрамор, бронза и т. д. Так, «уже в 1953 г. в записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в сооружении памятников и монументов общественным и политическим деятелям секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву было доложено о том, что в обход утверждения проектов Министерством культуры СССР местные Советы сооружали большое количество памятников из долговременных материалов», здесь же указывалось на то, что «значительная часть таких монументов были дорогостоящими копиями», в то время как «каждый монумент должен быть оригинальным и возводиться с учетом особенностей места сооружения», а «тиражирование памятников было названо делом случая и частной инициативы скульптора, погоней за наживой, порочной практикой, которая наносит вред самой идее монументальной пропаганды»²²⁸. Одновременно усилились действия власти по централизации деятельности в области монументальной коммеморации. Как результат, полностью или частично нереализованными оказались многие оригинальные архитектурные проекты и объекты монументального искусства, сооружение множества монументов растянулось на долгие годы и десятилетия.

В частности, в 1957 г. в городе Майкопе, столице Адыгейской автономной области Краснодарского края (ныне Республика Адыгея), не состоялось намечавшееся открытие монумента «Дружба» по случаю празднования 400-летия присоединения Адыгеи к России и 40-летия Октябрьской революции, притом что «управлением главного архитектора Майкопа был разработан соответствующий проект, утвержденный решением исполнительного комитета Майкопского городского совета депутатов трудящихся от 14 января 1957 г. (протокол № 1)»²²⁹. Открытие памятника состоялось лишь в 1968 г. и совсем по иному проекту (скульптор М. Г. Манизер, архитектор И. Е. Рожин).

227 *Максименков Л.* Приключения Кутузова в СССР // Огонёк. — 2012. — № 37. — С. 48.

228 *Котова Е. С.* Монументальная скульптура Ленинграда в период оттепели // Общество: философия, история, культура. — 2018. — № 8. — С. 144–148.

229 *Бондарь В. В.* Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2020. — № 3. — С. 26–34.

В том же 1957 г. в городе Краснодаре на кургане, расположенном в северной оконечности главной улицы краевого центра, «в торжественной обстановке при большом стечении народа при участии героев Гражданской войны был заложен памятник воинам, погибшим в первые годы советской власти»²³⁰, однако построен памятник не был, а в 1967 г. на этом месте был реализован другой проект — монумент к 50-летию Советской власти, получившей наименование «Аврора» (скульптор И. П. Шмагун, архитектор Е. Г. Лашук).

Почти на два десятилетия растянулось сооружение монумента героическим защитникам Ленинграда: от объявления в 1957 г. всесоюзного конкурса на разработку проекта до открытия монумента (скульптор М. К. Аникушин, архитекторы В. А. Каменский, С. Б. Сперанский) в 1975 г.²³¹

Очевидно, что список таких историй может быть продолжен — после громких заявлений на XX съезде партийная власть находилась в поиске собственных форм монументальной пропаганды, пыталась выстроить идеологическую основу, соответствующую вновь возникшим условиям, и одновременно найти баланс между экономией средств и стремлением к высоким идейно-художественным качествам монументальных объектов. Для этого ей необходимо было получить полный контроль над монументальными практиками. Поэтому власть всячески пресекала случаи несанкционированной установки монументов. Иллюстрацией к этому могут служить, например, материалы управления культуры Ленинградского исполкома конца 1950-х — начала 1960-х гг.: «В справке ленинградского Управления культуры 1959 г. осуждался факт сооружения памятников отдельными ведомствами (заводами Ленинграда и управлением шоссейных дорог) или райисполкомами без резолюции Управления культуры, без утверждения проектов Советом по скульптуре. Особо подчеркивалась недопустимость практики установки неоригинальных памятников, которые в целях удешевления строительства возводили в бетоне, что еще более ухудшало внешний вид памятника. Отмечалось также, что появление несогласованных памятников низкого художественного качества не украшало город и лишь приводило к расходованию государственных средств. В пример приводились памятники Ленину при заводах. Управление культуры для исправления подобного положения дел считало необходимым упорядочить систему сооружения новых памятников, установив четкий централизованный контроль за художественным качеством всех будущих ленинградских монументов, и обеспечить систематическое ежегодное финансирование работ по сооружению новых памятников»²³².

Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 18 сентября 1961 г. об экономии средств на сооружение монументов ответственным лицам было предложено «временно воздержаться от про-

230 Шахова Г. С. Краснодарская улица Красная. История города в рассказах об улицах, площадях, скверах. — Краснодар : Краснодарские известия, 2005. — С. 141.

231 Басс В. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. — 2019. — № 6. — С. 61–84.

232 Котова Е. С. Монументальная скульптура Ленинграда в период оттепели // Общество: философия, история, культура. — 2018. — № 8. — С. 146.

ектирования и сооружения новых памятников, пересмотрев все ранее принятые решения»²³³. А 28 сентября 1961 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление № 905 «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников», которым оставляли за собой право выдавать разрешение на сооружение памятников. При этом всем партийным и исполнительным органам власти предписывалось «пересмотреть ранее принятые постановления о сооружении памятников, имея в виду сокращение их количества»²³⁴.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС, состоявшемся с 17 по 31 октября, была принята Третья программа КПСС, поставившая цель — построение коммунистического общества. В общем ряду идеологических и общекультурных задач были обозначены, в частности, такие: «формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма»; «трудовое воспитание», когда «труд на благо общества» рассматривается как «священная обязанность каждого человека»; расширение «сферы действия морального фактора» при соответственном «уменьшении значения административного регулирования взаимоотношений между людьми», выразившееся в принятии «Морального кодекса строителя коммунизма»; «развитие пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма»; «всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности», что понималось как «воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»; пропаганда преимуществ социализма над капитализмом; «повышение воспитательной роли литературы и искусства»; «развитие международных культурных связей». Литература и искусство, в том числе монументальное, призваны были «служить источником радости и вдохновения», средством «идейного обогащения и нравственного воспитания» граждан. Единственно возможным художественным методом оставался по-прежнему социалистический реализм, но теперь уже более обращенный не столько к классическому наследию, сколько в коммунистическое будущее. Социалистический реализм позиционировался как «смелое новаторство в художественном изображении жизни» в сочетании «с использованием и развитием всех прогрессивных традиций мировой культуры», как «широкий простор для проявления личной творческой инициативы, высокого мастерства, многообразия творческих форм, стилей и жанров»²³⁵.

Документ, устанавливающий общие правила практической деятельности в сфере монументальной пропаганды, был принят в 1966 г. Им стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 481 от 24 июня 1966 г.

233 Цит. по: Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // Carelica. — 2015. — № 1. — С. 8–24.

234 Басс В. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. — 2019. — № 6. — С. 69.

235 Программа КПСС. Принятая XXII съездом КПСС, состоявшемся 17–31 октября 1961 г. — URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm. (дата обращения: 07.01.2019).

«О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов»²³⁶. Указанным постановлением регулировался процесс создания памятников и монументов, «имеющих общегосударственный характер, особо важных по теме и требующих значительных материальных затрат»; «надгробных памятников, памятников-бюстов, обелисков и других памятников», не имеющих общегосударственного значения; бюстов дважды Героев Советского Союза и Социалистического Труда.

Возведение памятника и монумента общегосударственного значения осуществлялось по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР; не имеющих такого статуса — по решению ЦК компартий союзных республик и Советов министров республик; бюстов дважды Героев Советского Союза и (или) Социалистического Труда — по указам Президиума Верховного Совета СССР.

Главными критериями для установки монументального объекта были его «общественная значимость» и «высокий идейно-художественный уровень», соответствие которым контролировали Министерство культуры СССР и министерства культуры союзных республик.

Весь процесс сооружения памятников и монументов в стране строго регламентировался. Первым этапом был сбор предложений по предполагаемым к возведению объектам общегосударственного, республиканского или местного (краевого, областного) значения, которые могли направить как учреждения и предприятия, так и творческие и общественные организации, и просто физические лица. После рассмотрения предложений на заседаниях городских, областных и краевых советов они направлялись в республиканское Министерство культуры, которое определяло категорию монументального объекта и в зависимости от принятого решения передавало предложение со своей рекомендацией в соответствующую инстанцию (Министерство культуры СССР, ЦК КПСС, Совет Министров СССР) для принятия решения.

Проектирование памятника и монумента могло быть выполнено как на конкурсной основе, так и в заказном порядке. Для контроля за всеми стадиями проектирования и приемки готовых работ был создан специальный экспертный совет по монументальной скульптуре при Министерстве культуры СССР, в который вошли заслужившие профессиональное признание скульпторы и ученые-искусствоведы. Производственные работы выполняли скульптурный комбинат Художественного фонда СССР (включая его отделения по стране), ленинградский завод «Монументскульптура», Мытищинский завод художественного литья, литейные мастерские ДОК-3 Мосгорисполкома²³⁷.

К установке памятников, имеющих значение для конкретного поселения (городского или сельского) или района, требования хотя и меньшие, но также предъявлялись: во-первых, для создания памятника необходимо было

²³⁶ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 481 от 24 июня 1966 г. «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов». — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6427.htm (дата обращения: 11.12.2019).

²³⁷ Воронцов Н. С. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство, 1984. — С. 38.

соответствующее решение местного Совета, а контроль за качеством проекта, соответствием облика памятника идейно-художественным критериям и непосредственно за производством работ возлагался на отдел культуры и службу главного городского или районного архитектора.

Таким образом, формирование монументального ландшафта страны было полностью сосредоточено в руках государства — партийные и правительственные органы определяли общее направление монументальной пропаганды, а министерства культуры и их ведомства обеспечивали идейно-художественный уровень объектов монументального искусства. Установленный порядок сооружения монументов сохранялся до конца существования СССР.

Первоочередное внимание со стороны властей уделялось памятникам общегосударственного значения с бюджетным финансированием. Так, уже 21 января 1967 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление № 58 «О плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение». Показателен приложенный к постановлению перечень монументальных объектов, отчетливо характеризующий заданную монументальной пропагандой тематическую направленность и демонстрирующий ее соответствие социалистической традиции планирования — открытие большинства официальных памятников приурочивалось к юбилейным датам. В числе 54 обозначенных в этом перечне монументов имелось 23 памятника В. И. Ленину, 10 монументов были связаны с темой революционной борьбы и гражданской войны, 5 монументов посвящались 50-летию Советской власти, 4 — деятелям революции, по 2 монумента, посвященных Великой Отечественной войне и дружбе народов, 3 памятника русским писателям. В этом ряду находился и памятник, посвященный историческому событию далекого прошлого, но при этом явно ассоциированный с недавней победой в Великой Отечественной войне, — монумент в память Ледового побоища (в Псковской области).²³⁸

Большей частью план был реализован в течение 1960–1970-х гг. Однако по некоторым позициям его исполнение затянулось на десятилетия. В частности, так произошло с монументом в память о Ледовом побоище 1242 г. Проект монумента (скульптор И. И. Козловский, архитектор П. С. Бутенко; позже монумент дорабатывали скульптор А. И. Козловский и архитектор Р. С. Кириллова) был представлен в 1968 г. на Всесоюзный конкурс, организованный Министерством культуры СССР, и в целом одобрен Всесоюзным художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре, рекомендовавшим его дальнейшую разработку, а завершен и открыт лишь в 1993 г. То есть на его реализацию потребовалось 25 лет. В течение 1969 г. проект рассматривался в псковских областных партийных и советских организациях, обсуждался общественностью в печати, вновь проходил согласова-

²³⁸ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 января 1967 г. № 58 «О плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901813392> (дата обращения: 12.01.2020).

ния в областном исполкоме, затем был повторно вынесен на рассмотрение в республиканский и союзный Совет, после чего был включен в план 12-й пятилетки (1986–1990 гг.). Архитектурное решение разрабатывалось более 10 лет — одобрение художественно-экспертного совета было получено в 1981 г. Чтобы определить место размещения монумента, также требовалось положительное решение правительственной комиссии Совета Министров РСФСР, областных партийных и советских организаций и, наконец, секретариата ЦК КПСС. Столь длительная история создания монумента, с одной стороны, свидетельствует о тщательном, осознанном подходе к сооружению произведений монументального искусства и поисках максимальной идейно-художественной выразительности, а с другой — о чрезмерной бюрократизации процесса монументальной коммеморации и наличии определенных трудностей с финансированием дорогостоящих проектов²³⁹.

В целом переход в 1960-е гг. государственной идеологии на качественно иной уровень во многом способствовал общему оживлению искусства, в том числе монументального. Анализируя развитие монументальной скульптуры 1960–1970-х гг., известный советский и российский искусствовед Н. В. Воронов, в частности, писал: «В этот период прошли дискуссии по вопросам развития монументального искусства. Данной теме были посвящены международные конференции, сессии Академии художеств СССР и Пленумы Союзов художников и архитекторов СССР и республик. Состоялись выставки скульптуры на открытом воздухе в Риге, Москве и других городах, сопровождавшиеся широкими обсуждениями и симпозиумами. Было опубликовано немало книг, статей брошюр, посвященных вопросам развития современной советской скульптуры, в частности, монументальной»²⁴⁰. Именно этот период характеризуется наибольшим количеством установленных по всей стране памятников и монументов и по праву считается расцветом советского монументального искусства.

Процесс активного формирования монументального ландшафта 1960–1970-х гг. сопровождался появлением новых типов и композиционных форм монументальных объектов, развитием их тематики в соответствии с заданными идеологическими установками. Определенное влияние на этот процесс оказали в числе прочего изменения советской архитектурной парадигмы в сторону стандартизации и удешевления строительства. В начавшуюся эпоху типового проектирования монументалисты задались поиском выразительных возможностей наиболее доступного строительного материала — бетона, качества которого сыграли не последнюю роль в образовании новых стилевых направлений, определивших общий, узнаваемый характер монументальной пластики 1960–1980-х гг., сочетающий в себе традицию и новаторство.

239 Монумент в честь Ледового побоища. — URL: <https://culture.pskov.ru/ru/objects/object/225> (дата обращения: 14.02.2020).

240 Воронов Н. В. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство, 1984. — С. 14.

В этой связи исключительный интерес представляет собой знаменитый памятник К. Марксу скульптора Л. Е. Кербеля, открытый в Москве в 1961 г. и получивший признание одного «из первых “стилеобразующих” произведений, которые определили принципиальные особенности новой складывающейся концепции городского памятника»²⁴¹. Монумент весом в 160 тонн, высеченный из монолитной глыбы серого гранита, сохраняя портретные черты конкретного человека, был обращен в символ устойчивости и незыблемости. Фигура Маркса стала олицетворением монолитной «глыбы», на которой зиждутся непоколебимые, единые и твердые идеи социализма. Еще один важный момент заключался в использовании градостроительного ансамблевого подхода к организации пространства, где помещался монумент, с созданием наиболее благоприятных условий его визуального восприятия²⁴². В дальнейшем этот метод получил развитие и в числе прочего определил своеобразие монументального ландшафта 1960–1980-х гг.

Таким образом, памятник Марксу был примером нового взгляда на портретную скульптуру, которая занимала традиционно солидную нишу в тематике, определенной монументальной политикой. Выбор героев, заслуживших монументальное увековечие, находился в полном соответствии с идеологическими задачами государства. Главное место в портретной скульптуре оставалось за памятниками В. И. Ленину — провозглашенная борьба с «культом личности» не распространялась на личность «вождя мирового пролетариата». Вместе с тем отличительной чертой времени стало расширение круга лиц, заслуживших право на «материальную» мемориализацию — и это были не только известные деятели революции или герои Великой Отечественной войны, но и поэты, писатели, ученые, просветители, представители национальных культур и т. д. Список имен был достаточно широк и постоянно пополнялся. Наряду с сооружением памятников личностям, историческая роль которых оценивалась в общегосударственном масштабе, увековечивалась память и тех, кто был особенно значим в границах локальной территории. В качестве примера можно привести открытый в Махачкале в 1971 г. по проекту скульптора Х. Н. Аскар-Сарыджа и архитектора Г. Ганиева памятник Махачу Дахадаеву — борцу за Советскую власть, первому военному комиссару Дагестана, члену областного революционного военного комитета, по имени которого была названа столица республики (бывший Порт-Петровск)²⁴³.

Примечательно, что в подготовленном Министерством культуры СССР в 1988 г. «Плане монументальной пропаганды до 2010 года», представленном на обсуждение «в ряд проектных и научно-исследовательских институтов, <...> список лиц, которым надлежит поставить памятник» во многом совпадал с ленинским. Его вскоре кардинально изменили, но уверенность в пропаганд-

241 *Воронов Н. С.* Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство, 1984. — С. 107.

242 *Замишкин А. И.* Лев Ефимович Кербель. — М.: Сов. художник, 1967; *Воронов Н. С.* Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство, 1984. — С. 104–108.

243 Памятники монументального искусства Махачкалы. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/987897.html> (дата обращения: 03.10.2016).

ной (так в тексте. — *Авт.*) функции монументальной скульптуры оставалась непоколебимой»²⁴⁴.

Отдельной задачей государственной монументальной политики являлось развитие и укрепление межнациональных связей через искусство. Это выражалось, с одной стороны, в установке памятников выдающимся личностям непосредственно на их родине: в этом ряду, например, памятник М. Джалилю в Казани (1966 г., скульптор В. Е. Цигаль, архитектор Л. Г. Голубовский), памятник Н. Пиросмани в Тбилиси (1975 г., скульптор Э. Д. Амашукели, архитектор Н. М. Мгалоблишвили), памятник Ш. Б. Ногмову — «выдающемуся деятелю кабардинской культуры и верному поборнику адыго-русской дружбы»²⁴⁵ — в Майкопе (1972 г., скульптор А. А. Шикоян, архитектор Е. Г. Николенко) и др. Вместе с тем скульптурные портреты сооружались далеко за пределами родных мест их героев, в том числе на территориях других национальных республик и даже государств. Здесь можно упомянуть памятник русскому поэту А. С. Пушкину в Киеве (1962 г., скульптор А. А. Ковалев, архитектор В. Г. Гнездилов) и памятник украинскому поэту Т. Г. Шевченко в Москве (1962 г., скульпторы Ю. Л. Синькевич, А. С. Фуженко, М. Я. Грицюк, архитекторы А. С. Сницарев, Ю. А. Чеканюк), памятник Г. Димитрову в Краснодаре (1982 г., скульптор Л. Н. Балтоян, архитектор Е. И. Кутырев) и др.

Важно отметить, что для того чтобы получить разрешение властей на сооружение памятника в том или ином месте (это относилось и к реалистической портретной скульптуре, и к монументам-символам) нужно было представить аргументированное, подтвержденное соответствующими фактами обоснование, быть оправданным с точки зрения истории, иметь какую-либо связь с территорией размещения. Например, в 1967 г. в адыгейском ауле Шовгеновском был торжественно открыт памятник-бюст Герою Советского Союза Х. Б. Андрухаеву (скульптор К. К. Сидашенко). Хусен Андрухаев родился этом ауле, но героически погиб в 1942 г. при защите высоты у села Дьяково на Украине, где был установлен такой же памятник, как и на его родине. Как результат, два одинаковых памятника увековечивали подвиг героя и одновременно символизировали «боевое братство, нерушимую дружбу советских людей»²⁴⁶, обретая тем самым более широкий, символический смысл.

Символизм в монументальном искусстве 1960–1980-х гг. стал одним из наиболее ярких проявлений государственной идеологии того времени. Многочисленные памятники-символы призваны были наполнить пространство страны материальными знаками наиболее ценных для государства явлений, традиций, личностных моральных качеств, исторических событий, видов общественно-полезной деятельности и т. д. Это были монументальные произведения, отразившие идеи большой и малой Родины, дружбы между народами,

²⁴⁴ Шклярская Я. Г. Народ и памятник // Искусство. — 2012. — № 3. — С. 46.

²⁴⁵ Аутев П. У. Талантливый просветитель (Памятник Ш. Б. Ногмову в г. Майкопе) // В граните и бронзе (Очерки о памятниках Кубани) / сост.: Н. Т. Ганенко, В. Ф. Латкин. — Краснодар: Кн. изд-во, 1975. — С. 46.

²⁴⁶ Голанов В. Прописан навечно... (Памятник Х. Б. Андрухаеву в ауле Шовгеновском) // В граните и бронзе (Очерки о памятниках Кубани) / сост.: Н. Т. Ганенко, В. Ф. Латкин. — Краснодар: Кн. изд-во, 1975. — С. 111.

созидательного труда, революционной романтики, проявленного в войне героизма советского народа, исключительности тех или иных свершений (полет человека в космос, воздвигание целины и т. д.), а также служившие идентификаторами территорий (въезды в города, пограничные знаки).

Произведения монументального искусства, наделенные символическим содержанием, обладали собственной пространственно-визуальной спецификой, возникновению которой в числе прочего способствовали и государственный заказ на памятники определенного рода, и включение советского искусства в мировые художественные процессы, и относительная, обретенная в начале 1960-х свобода в выборе художественных приемов, и свойства используемых материалов.

Схожие по тематике и художественному воплощению памятники-символы образовали своеобразные типологические группы (памятники Революции, Дружбы, Труда и др.), самая многочисленная из которых была посвящена памяти о Великой Отечественной войне и включала памятники, мемориалы и мемориальные комплексы (в их числе такие крупные, как «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде, 1959–1967 гг.; «Брестская крепость-герой» в Белоруссии, 1971 г.; «Малая земля» в Новороссийске, 1982 г. и др.). Здесь направление официальной идеологии совпало с всенародным движением по монументальному увековечиванию памяти павших. По всей стране были сооружены тысячи мемориальных монументальных объектов и по государственным заказам (как правило, к юбилейным датам) и по инициативе снизу, на собранные населением средства.

В систему монументальной мемориализации включались реальные личности, события и предметы (подлинные орудия, техника, сооружения) войны, а также идеи Героизма, Мужества, Скорби, Орудия Победы и т. д. Монументальные мемориальные памятники включались в постоянно действующий социокультурный оборот как объекты экскурсионного показа и центры проведения обрядов и ритуалов советского образца (возложение цветов к Вечному огню молодоженами, принятие присяги военными и призывниками, прием в пионеры и т. д.). По сути, сохранение памяти о Великой Отечественной войне в течение нескольких десятилетий являлось одним из наиболее успешно реализованных направлений советской монументальной политики²⁴⁷.

В отличие от военных монументов, памятники, посвященные Трудю, Трудовой Славе, были исключительно продуктами монументальной пропаганды и решали задачу зримого отражения известного, поставленного на второе место по значимости, принципа «Морального кодекса строителя коммунизма» — «добросовестный труд на благо общества...». В большинстве своем «основой их является изображение мужской фигуры с какими-либо профес-

²⁴⁷ Костяшов Ю. В. Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX — начало XXI в.) // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 62–72. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004.; Гончаров А. В., Кроков А. В. Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 73–82. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005.

сиональными атрибутами»²⁴⁸, что, очевидно, должно было героизировать рабочий класс, олицетворять его преобразующую роль и тем самым вызывать ассоциативную связь с революционным прошлым страны. Один из таких памятников, первоначально задуманный для размещения в районе московского аэропорта Внуково, был установлен в Краснодаре в 1967 г. при въезде в город с востока, со стороны аэропорта, и получил название «Человек-Созидатель» (скульптор О. А. Коломойцев). Восемнадцатиметровая скульптура, представляющая собой полуобнаженную фигуру труженика, опирающегося на молот, «выполненная из бетона с гранитной крошкой, лаконичная и репрезентативная... несла в себе внутреннюю энергию строителя нового мира, уверенного в своей грандиозной цели»²⁴⁹.

Что касается темы революции и Гражданской войны, то посвященные этой теме памятники занимали особую нишу в советской монументальной пропаганде второй половины XX столетия.

С одной стороны, провозглашенная в период «оттепели» идея «возврата к идеалам революции», тема Октябрьской революции, революционного движения в целом и гражданской войны «оказалась одной из наиболее востребованных в исторических исследованиях... При этом особое внимание уделялось событиям на местах. По сути, уже устоявшийся миф об Октябрьской революции нуждался в развитии не вглубь, авширь, так как основные его элементы, связанные с представлением о всемирно-историческом значении Октября, роли Ленина как вождя, закономерности победы большевиков, разделении истории на время до и после революции уже достаточно прочно были внедрены в массовое сознание»²⁵⁰. Это обусловило наполнение монументального ландшафта страны памятниками реальным историческим лицам в местах, где так или иначе была проявлена их роль «борцов за Советскую власть».

Вместе с тем наиболее яркие образцы монументального искусства, касающиеся этой тематики, были решены в символических формах. Очевидно, что в силу своего разрушительного начала революция и последовавшая за ней братоубийственная гражданская война — одна из самых трагических и полностью не изжитых страниц в истории страны — не имели шанса в правдивости стать объединяющей нацию идеей. Поэтому искусство, в том числе монументальное, призвано было сместить акценты с объективизации взглядов на неоднозначное прошлое страны в сторону его мифологизации и идеализации, сформировать представление о революции и гражданской войне как «романтической по своему духу эпохе»²⁵¹, наполненной энергией рождения нового мира, размахом свершений, устремленностью в будущее и т. д. Все это должно было оказывать «правильное» воздействие в первую очередь на молодую

248 Воронов Н. В. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство, 1984. — С. 77.

249 Краснодар в камне и бронзе / [авт.-сост. И. И. Ващенко и др.]. — Краснодар: Традиция, 2017. — С. 97.

250 Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // Carelica. — 2015. — № 1. — С. 8–24.

251 Воронов Н. С. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство. — С. 19.

часть населения страны. Тема революционной романтики вошла во все виды советского искусства: от поэзии, музыки и кинематографа до монументальных видов художественного творчества.

Примечательно, что эмоциональное воздействие лучших произведений, символизирующих революционный романтизм, было столь велико, что это находило отражение в стилистике их описаний спустя десятилетия. Одно из них, в частности, было посвящено упомянутому выше краснодарскому монументу «Аврора»: «Настоящим “монументальным гимном” эпохе, сложенным краснодарскими мастерами под ударами молота из блестящего серого металла, стала четырнадцатиметровая статуя богини утренней зари Авроры... в красноармейской шинели, с винтовкой за плечами и сверкающей пятиконечной звездой в поднятой руке. Составив часть архитектурно-скульптурного ансамбля, созданного по проекту сочинского архитектора Е. А. Сердюкова, она выросла в год 50-летия Советской власти (1967) на заросшей травой древнем кургане, завершавшем до этого момента перспективу главной улицы города — Красной и являвшемся самой высокой точкой Краснодара, <...> издалека привлекала восторженные взгляды краснодарцев и гостей города...»²⁵².

Отмеченное в приведенном описании качество монумента «Аврора» как «части архитектурно-скульптурного ансамбля» отражает в целом возросшую в исследуемый период градостроительную роль монументального искусства, в котором архитектурной составляющей придавалось не меньшее значение, нежели собственно скульптурной: «признак ансамблевости — один из ведущих в концепции монументальной пластики 60–70-х гг.»²⁵³

С наступлением «эпохи типового строительства» воспитательная роль вновь формируемых общественных пространств многократно возросла, при этом необходимость комплексного подхода к сооружению монументальных объектов в пространстве населенных мест была закреплена государственными нормами градостроительства, касающимися при этом не только городов, но и сельских поселений. Так, согласно правилам застройки сельских населенных пунктов РСФСР, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 6 мая 1970 г. № 280, «строительство памятников, обелисков, монументов и мемориальных сооружений... в сельских населенных пунктах, <...> все виды строительства, проводимые в непосредственной близости к памятникам культуры, памятным местам и местам боевой славы»²⁵⁴, могли осуществляться лишь в установленном порядке.

Соответственно значению общественных пространств предъявлялись особые требования к их организации и идейно-художественной выразительности, достигаемыми средствами архитектуры и монумент-

²⁵² Воронов Н. С. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство. — С. 92, 97.

²⁵³ Воронов Н. С. Советская монументальная скульптура 1960–1980. — М.: Искусство. — С. 44.

²⁵⁴ Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР (извлечение) // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М.: Сов. Россия, 1973. — С. 182.

тального искусства: скульптуры, рельефа, мозаики и других направлений монументально-декоративного искусства (особенно в 1970–1980-е гг.). На республиканском уровне контроль за соблюдением таких требований и координация монументальной деятельности возлагались на художественно-экспертные советы по монументальной скульптуре и такие специально уполномоченные органы, как, например, междуведомственная комиссия по монументально-декоративному искусству при Министерстве культуры РСФСР, образованная в 1973 г. «в целях повышения идейно-художественного уровня произведений монументально-декоративного искусства и улучшения художественного оформления городов и других населенных пунктов в РСФСР»²⁵⁵. Перед комиссией ставились такие задачи, как «подготовка предложений по плановой организации монументальной пропаганды в РСФСР, развитие монументально-декоративного искусства и его творческо-производственной базы; координация работы министерств, ведомств, местных органов государственного управления и общественных организаций РСФСР по улучшению художественного оформления городов и других населенных пунктов РСФСР на основе комплексного проектирования архитектуры и монументального искусства; подготовка заключений по предложениям Советов министров автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, Московского и Ленинградского горисполкомов об улучшении архитектурно-художественного облика городов, генеральные планы которых утверждаются Советом Министров РСФСР; подготовка заключений по проектам крупных монументально-декоративных произведений и архитектурно-художественных комплексов и ансамблей, утверждаемым Советом Министров РСФСР; рассмотрение и утверждение проектов монументально-декоративных произведений и архитектурно-художественных комплексов и ансамблей по поручению Министерства культуры РСФСР совместно с Госстроем РСФСР; оказание помощи комиссиям по монументально-декоративному искусству при Советах министров автономных республик, крайисполкомах, облисполкомах, Московском и Ленинградском горисполкомах в их работе»²⁵⁶.

Требование к соблюдению принципа «синтеза архитектуры и монументального искусства» в градостроительстве сохранялось вплоть до окончания советской эпохи²⁵⁷, как следствие, роль градостроительного акцента или градостроительной доминанты, возлагаемая на монумент или монументальный ансамбль, определялась еще на стадии проектирования. Благодаря такому подходу, несмотря на утрату идеологической функции и даже иногда отдельных первоначальных черт (как, например, в случае

255 Постановление Совета Министров РСФСР от 11 апреля 1973 г. № 191 «Об утверждении положения о междуведомственной комиссии по монументально-декоративному искусству при Министерстве культуры РСФСР». — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8008.htm (дата обращения: 28.10.2020).

256 Постановление Совета Министров РСФСР от 11 апреля 1973 г. № 191 «Об утверждении положения о междуведомственной комиссии по монументально-декоративному искусству при Министерстве культуры РСФСР». — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8008.htm (дата обращения: 28.10.2020).

257 Постановление от 25 декабря 1987 г. № 513 Совета Министров РСФСР «О дальнейшем развитии архитектуры и градостроительства в РСФСР». — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14477.htm (дата обращения: 28.10.2020).

с монументом «Дружба» в Майкопе²⁵⁸), памятники монументального искусства 1960–1980-х гг. до сих пор сохраняют свое художественно-эстетическое и градостроительное значение.

Как особое направление монументальной политики следует отметить деятельность по выявлению, сохранению и популяризации культурного наследия страны. 1960–1980-е гг. были отмечены массовым пополнением корпуса подлинных недвижимых памятников истории и культуры, формирующих историко-культурный ландшафт страны в его разнообразии, и включением в этот процесс широкой общественности через создание в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Члены общества участвовали «в выявлении, изучении и охране всех видов памятников истории и культуры»²⁵⁹.

Значение недвижимого культурного, в том числе монументального наследия в идеологической системе государства было закреплено принятием в 1976 г. Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а затем соответствующих республиканских законов и подзаконных актов, в ряду которых Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1978 г.), Постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865 «Об утверждении «Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» (документ с изменениями от 29 декабря 1989 г. является действующим); Приказ Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203 «Об утверждении «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» (инструкция действовала до 25 июня 2020 г.) и другие. Научно-методическим обеспечением практической деятельности стали подготовленные специалистами практические инструкции и методические указания по сохранению недвижимого культурного наследия, в том числе «Методические указания об использовании памятников истории и культуры как градоформирующих факторов при разработке генеральных планов и проектов детальной планировки городов» (1986 г.). В целом можно согласиться с существующим мнением, что «период с 1965 по 1985 гг. считается одним из наиболее благоприятных в процессе сохранения историко-культурного наследия страны»²⁶⁰.

В целом монументальная пропаганда стала важной составляющей политики памяти после революции 1917 г. Уже в рамках Гражданской войны и советским (ленинским план монументальной пропаганды) и антисоветски-

258 *Бондарь В. В.* Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 3. – С. 26–34.

259 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Утвержден Постановлением Совета Министров РСФСР от 6 июля 1966 г. № 589 // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. – М. : Сов. Россия, 1973. – С. 157.

260 *Савичкарь И. Г.* Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х гг. (по материалам Челябинской области) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. – Челябинск, 2014. – С. 16.

ми режимами были сделаны попытки создания пантеона героев, отвечавшего актуальным идеологическим задачам. Памятники визуализировали их. Параллельно шел процесс существенной корректировки монументального ландшафта дореволюционной России.

Окончательное установление советской власти по всей стране привело к созданию в городах и населенных пунктах новых монументальных пространств-доминант, связанных с увековечением классиков марксизма-ленинизма, деятелей революционного движения, героев и жертв Гражданской войны; данные пространства служили местом для митингов, парадов, различных коммеморативных акций. Особое значение придавалось мемориализации вождя революции. Тиражирование образов В. И. Ленина превратилась со временем в настоящую художественную индустрию. В конце 1920-х гг. стартовала монументальная «сталиниана». В целом памятники, увековечивавшие революцию, Гражданскую войну, социалистическое строительство, уже в 1920–1930-е гг. были в фокусе повышенного внимания государственных органов.

С середины 1930-х гг. в связи с переходом к политике «государственно-патриотизма» актуализировалась роль известных персонажей дореволюционной истории, чьи заслуги могли способствовать сплочению нации, мобилизации общества перед лицом военной опасности.

Монументальные приоритеты нашли отражение в оформлении общественно важных столичных ансамблей, прежде всего Московского метрополитена и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Монументальное увековечение героев и жертв Великой Отечественной войны началось еще до ее окончания и вскоре стало стержневой задачей монументальной политики.

Несмотря на кажущуюся жесткую вертикаль и соответствующие постановления, монументальные инициативы в регионах не всегда согласовывались с центральными органами, что приводило к практике авторских повторений, перерасходу средств, избыточным гонорарам скульпторов, низкому профессиональному уровню исполнения работ. Попытки переломить данные тенденции имели место впоследствии.

На основании результатов анализа сложных процессов формирования, масштаба и разнообразия форм монументальной политики СССР периода середины 1950-х — 1980-х гг. представляется обоснованным выделить такие ее качества, как исключительная направленность на реализацию задач государственной идеологии; формирование и развитие научной базы монументальной пропаганды, позволяющей выстраивать эффективные механизмы решения поставленных государством задач; тотальная регламентация практик монументального искусства на всех уровнях с привлечением к этому процессу органов власти всех уровней, научных, просветительских и специализированных художественных организаций; предъявляемые к сооружаемым объектам монументального искусства требования соответствия государственной идеологии.

логии, исторической обоснованности и высокого эстетического уровня; развитие комплексного ансамблевого подхода к созданию монументальных объектов на основе принципа синтеза архитектуры и монументального искусства; поощрение поиска новых выразительных средств в современном монументальном искусстве; выявление и сохранение значимых с точки зрения истории и культуры монументальных памятников прошлого; чрезмерная бюрократизация процесса монументальной коммеморации; обусловленная идеологией намеренная мифологизация и идеализация общих явлений и исторических событий.

Осознание руководством СССР важности монументальной пропаганды объективно способствовало поступательному развитию отечественного монументального искусства. В то же время зарождение внутреннего протестного движения в обществе и постепенное возникновение недоверия к официальной идеологии, покрывающей нелюбимые события и факты в истории государства, способствовало тому, что именно советские памятники вскоре стали «участниками» разнообразных «войн памяти».

РАЗДЕЛ 4

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

4.1. Трансформация монументального ландшафта в контексте социально-политических изменений и политики памяти в современной России

Трансформация монументального ландшафта в последнее тридцатилетие стала следствием известных политических и культурных процессов. Рубеж 1980–1990-х гг. и последующие годы культуролог М. А. Липман назвала третьим периодом иконоборчества (первым считая послереволюционное десятилетие, вторым — время массового сношения памятников И. В. Сталину после его смерти) и определила этот процесс как «низовой, часто стихийный» ввиду «самоустранения государства из символической сферы». Разрушение памятников вождям советского государства «оказалось несравнимо менее масштабным, чем второе иконоборчество, связанное с хрущевской десталинизацией»²⁶¹. По подсчетам В. Калашникова, в 1990–1991 гг. снесли свыше 5000 советских монументов на территории всех республик. Он же отмечает, что «в основном пострадали монументы Ленину и другим советским вождям. Большое символическое значение эти сносы получили именно из-за стихийного характера и расположения монументов. Наиболее важные «места памяти» с точки зрения коллективного сознания располагались в Москве рядом с административно-политическими учреждениями. Именно они и подверглись серьезным изменениям в августе 1991 г.»²⁶²

Свержение с постаментов фигур Ленина и его соратников как реализация посыла «вытеснения советского» доминировало в основном в первой половине 1990-х гг. Большинство памятников сохранилось. Часто скульптуры просто меняли дислокацию, что в принципе не является исключительным объектом в мировой практике. Монументы «кочевали» с центральных площадей на второстепенные по значимости территории, дабы освободить место новым или не диссонировать с появившимися неподалеку.

Классический пример — краснодарский монумент В. И. Ленину работы П. В. Сабса — объект культурного наследия федерального значения, установленный в середине 1950-х гг. перед зданием крайкома КПСС (ныне Законодательное собрание Краснодарского края). В связи с восстановлением

²⁶¹ Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики // Colta.ru. — URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/24756-mariya-lipman-panteon-natsionalnyh-geroev-simvolicheskaya-politika> (дата обращения: 25.12.2020).

²⁶² Калашников В. Мемориальный WinRAR: практики коммеморации в современной России // Spectate. — URL: <https://spectate.ru/memory-culture> (дата обращения: 23.03.2020).

в сквере напротив дореволюционного памятника Екатерине II, фигуру вождя революции демонтировали и установили перед Дворцом культуры железнодорожников в начале улицы Ленина. В этом же городе отреставрированную скульптурную композицию 1950-х «В. И. Ленин говорит с матросом» с заводской территории перенесли в небольшой сквер на той же улице Ленина. Скульптура из-за отсутствия постамента в большей степени воспринимается, особенно молодежью, не как символ революционной эпохи, а как арт-объект, рядом с которым можно сфотографироваться.

В Бишкеке огромную скульптуру Ленина удалили с главной площади и перенесли в сквер за бывшим музеем Ленина, ныне Национальным музеем Кыргызстана. На освободившийся пьедестал сначала водрузили символ свободы Эркиндик — крылатую женщину на шаре с поднятым над головой куполом юрты, а в 2011 г. ее сменил герой национального эпоса Манас²⁶³. В Казахстане большинство советских памятников «смещены на периферию общественных пространств», однако мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне, не меняли локацию²⁶⁴.

Исчезновение памятника Ф. Э. Дзержинскому в 1991 г. с Лубянской площади создало «пустое пространство» с «нестабильным значением», характерное следствие «первоначальной очистки ландшафта» в пространстве бывших социалистических стран²⁶⁵. Лишь через 30 лет власти столицы всерьез озаботились установкой нового (или возвращением старого) памятника.

Так или иначе большинство советских монументов уцелело; многие все еще доминируют в городском ландшафте. В большей мере говорить об «иконоборчестве» можно применительно к неоднократно описанной историками, политологами, журналистами «декоммунизационной» ситуации в странах СНГ, Балтии, бывшего социалистического лагеря²⁶⁶.

Появились специальные пространства, где объединялись памятники советской эпохи — парк «Музеон» в Москве (вместе с другими скульптурами туда и переместили Ф. Э. Дзержинского с Лубянской площади), «Мементо Парк» в Будапеште, парк Груто в 5 километрах от Друскининкай (Литва). Сложившаяся за последние десятилетия практика перемещения советских монументов в отдельное пространство рассматривается не только как идеологическая акция, но и как своеобразный способ освоения советского наследия, представления и интерпретации советской истории, ретроспективы национальной школы монументальной пластики²⁶⁷.

263 Заметим, что с 1981 г. во Фрунзе (Бишкеке) существовал (и существует по сей день) скульптурный комплекс «Манас» перед входом в Национальную филармонию.

264 *Медеуова К.* Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 256–274.

265 *Szerpczyński M.* Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs. — Aldershot : Ashgate, 2008. — 224 p.

266 См.: *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.; *Мелешкина Е. Ю.* Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. — 2018. — № 1. — С. 148–172.

267 См.: *Картеiko Е. К.* «Натурализация» монумента: практика освоения советского наследия в парке Груто (Литва) // Логос. — 2017. — Т. 27. — № 6. — С. 237–256.

Ослабление позиций государства в монументальной политике на рубеже 1980–1990-х гг. было следствием общего курса на демократизацию. Однако уже в 1990-е гг. наметилось стремление регулировать возведение новых сооружений.

Постановлением правительства РФ от 21 августа 1998 г. № 997 был создан экспертно-консультативный совет по монументально-декоративному искусству, в состав которого входили специалисты Российской академии художеств, Российской академии архитектуры и строительных наук и пр. Экспертизу Совета должны были проходить все «крупномасштабные проекты в области монументально-декоративного искусства и дизайна, имеющие большое общественное значение и финансируемые полностью или частично за счет средств федерального бюджета в целях обеспечения высокого художественного уровня и технологического качества»²⁶⁸. Возглавил Совет президент Академии художеств З. К. Церетели, чья скульптура Петра Великого в центре Москвы, установленная в 1997 г., вызвала бурные дискуссии среди профессионалов и горожан. 13 ноября 1998 г. был принят закон г. Москвы «О порядке возведения в городе Москве произведений монументально-декоративного искусства городского значения», позже неоднократно редактировавшийся²⁶⁹.

Аналогичные общероссийскому Совету структуры были созданы в регионах России. Возглавлялись они, как правило, вице-губернаторами; в состав обязательно входили руководители местных учреждений культуры²⁷⁰. Отсутствием чиновников выделялась комиссия по монументальному искусству при Московской городской думе. В отдельных городах возникали комиссии по установке объектов монументального искусства.

Постановление от 21 августа 1998 г. утратило силу 26 июля 2004 г., вскоре после того как было учреждено Федеральное агентство по культуре и кинематографии (Роскультура). 14 октября этого же года было утверждено Положение о художественно-экспертном совете по монументальному искусству при Федеральном агентстве по культуре и кинематографии. Совет, как и его предшественник, являлся консультативным органом, который должен был «информировать руководителя Агентства о положении дел в сфере монументального искусства, обсуждения важнейших проблем развития отечественного монументального искусства, выработки практических рекомендаций, способствующих его развитию, обеспечению высокого художественного уровня создаваемых произведений и рассмотрения конкретных вопросов, связанных с проектированием памятников, монументов, комплексных про-

²⁶⁸ Постановление правительства Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 997 об экспертно-консультативном совете по монументально-декоративному искусству. — URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_310/doc310a672x935.htm. (дата обращения: 23.03.2019).

²⁶⁹ Закон города Москвы «О порядке возведения в городе Москве произведений монументально-декоративного искусства городского значения». — URL: <https://duma.mos.ru/ru/406/page/zakon-goroda-moskvyi-o-poryadke-vozvedeniya-v-gorode-moskve-proizvedeniy-monumentalno-dekorativnogo-iskusstva-gorodskogo-znacheniya> (дата обращения: 22.03.2019).

²⁷⁰ См. напр.: Постановление губернатора Сахалинской области от 08.12.1998 г. № 458 (ред. от 02.04.2003 г.) «Об экспертно-консультативном совете по монументально-декоративному искусству». — URL: <https://zakon-region3.ru/3/197975/> (дата обращения: 22.03.2019).

ектов и отдельных произведений монументально-декоративного искусства, создаваемых на основании указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, предложений федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных, неправительственных и творческих организаций»²⁷¹. Как видим, Совет теперь занимался экспертизой не только произведений монументального искусства, создаваемых на бюджетные деньги. Возглавил Совет известный скульптор А. А. Бичуков — ректор Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова.

Упразднение Роскультуры и передача ее функций Министерству культуры Российской Федерации в мае 2008 г. привела к дальнейшим реорганизациям. Приказом Министерства культуры от 27 апреля 2009 г. № 209 был учрежден художественно-экспертный совет по монументальному искусству — консультативный орган «для обсуждения проблем развития отечественного монументального искусства, выработки практических рекомендаций, способствующих его развитию и рассмотрения конкретных вопросов, связанных с проектированием памятников, монументов, комплексных проектов и отдельных произведений монументально-декоративного искусства, создаваемых на основании Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, решений Администраций субъектов РФ, предложений министерств и ведомств, общественных, неправительственных и творческих организаций»²⁷². Миссия и полномочия Совета, как видим, не изменились. Возглавил Совет тот же А. А. Бичуков.

Вслед за общероссийским Советом в мае 2009 г. при Екатеринбургском художественном фонде по инициативе Российской академии художеств, Уральского отделения Российской академии наук, ведущих вузов возник межрегиональный экспертный совет по монументальному искусству Урала и Западной Сибири, призванный противостоять «диктату заказчика», приводящего «к установке однообразных и часто весьма неудачных “творений”». Учредители констатировали такую особенность формирования монументального ландшафта, как сосредоточение на городской скульптуре, «ставшей альтернативой существовавшему долгое время официальному монументальному искусству, призванному увековечить идеологически значимые образы»²⁷³.

В этом же году было принято постановление правительства Санкт-Петербурга «О порядке взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при установке произведений монументального

271 Об утверждении Положения о художественно-экспертном совете по монументальному искусству при Федеральном агентстве по культуре и кинематографии и состава художественно-экспертного совета по монументальному искусству при Федеральном агентстве по культуре и кинематографии. — URL: https://culture.gov.ru/documents/ob_utverzhenii_polozeniia_o_khud363819/ (дата обращения: 20.04.2019).

272 Об утверждении Положения и состава художественно-экспертного совета по монументальному искусству при Министерстве культуры Российской Федерации. — URL: https://culture.gov.ru/documents/ob_utverzhenii_polozeniia_i_sos354056/ (дата обращения: 20.04.2019).

273 Создан Экспертный Совет по монументальному искусству Урала и Западной Сибири. — URL: <https://www.nakanune.ru/news/2009/10/05/22173423/> (дата обращения: 20.04.2019).

искусства в Санкт-Петербурге». В качестве важного института данного взаимодействия была обозначена Рабочая группа по вопросам монументально-декоративного, художественного и информационно-рекламного оформления, комплексного благоустройства городской среды Санкт-Петербурга при Градостроительном совете при правительстве Санкт-Петербурга²⁷⁴. Данная группа, для краткости именуемая художественной секцией, состояла из активно работающих скульпторов.

Проанализировать деятельность обозначенных выше общероссийских и региональных органов представляется проблематичным из-за отсутствия данных в открытых источниках. Хотя в условиях «монументальной лихорадки» 2010-х гг. информация о заседаниях и решениях экспертных советов по логике должна была регулярно обнародоваться. Вероятно, многие экспертные советы существуют в большей степени «на бумаге». Исключение составляет существующая с 1999 г. комиссия по монументальному искусству при Мосгордуме, которую последовательно возглавляли известные архитекторы С. Г. Петров, Л. Н. Лавренов, И. Н. Воскресенский. Архив повесток заседаний за последние 15 лет представлен на ее официальном сайте и позволяет представить формирование монументального ландшафта столицы в новейшее время, отследить нереализованные по разным причинам проекты²⁷⁵.

В качестве акторов монументальной политики в современной России выступают не только государственные властные структуры — федеральные и региональные, но и многочисленные общественные организации — национальные объединения, воинские братства, городские сообщества, а также отдельные энтузиасты. Такое многообразие, несмотря на попытки координации процесса «сверху», неизбежно приводит к противоречиям, связанным с альтернативными версиями прошлого, которые транслируют памятники.

Значительная часть устанавливаемых памятников поступает от дарителей, и задача компетентных органов — не только подобрать оптимальную локацию, но и обеспечить содержание за счет бюджета.

Беспрецедентным по масштабам стал благотворительный проект «Аллея российской славы», инициированный с целью «возрождения патриотического духа народа российского» предпринимателем М. Л. Сердюковым. Результатом реализации проекта стали больше тысячи установленных в России и за ее пределами памятников — правителям, военачальникам, ученым, деятелям литературы и искусства, православным святым, героям народных сказок, отечественных фильмов и мультфильмов. В СМИ нередко высказываются мнения о сомнительном качестве продукции мастерской Сердюкова, однако проект продолжается. Одной из последних по времени акций является монументальная поддержка указа Президента РФ В. В. Путина «О присво-

274 Итоги заседания Рабочей группы по вопросам монументально-декоративного, художественного и информационно-рекламного оформления, комплексного благоустройства городской среды Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/architecture/news/63426/>. (дата обращения: 20.04.2019).

275 См.: Комиссия по монументальному искусству Московской городской Думы. — URL: <https://duma.mos.ru/ru/submenu/82> (дата обращения: 21.03.2021).

ении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» от 31 мая 2019 г. Так, в аэропорту Анапы был открыт памятник В. К. Коккинаки, Сочи — В. И. Севастьянову, Новосибирска — А. И. Покрышкину, Минеральных Вод — М. Ю. Лермонтову, Челябинска — И. В. Курчатову, Краснодара — Екатерине II и т.д.

Активную деятельность в области формирования монументального ландшафта развернули созданные в 2012 г. общественно-государственные объединения — Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО), особенно второе. Сама их организация стала следствием государственного курса на «противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (соответствующая комиссия при Президенте Российской Федерации существовала в 2009–2012 гг.) и в целом усиления роли государства в символическом пространстве. Оба общества, позиционирующие себя преемниками дореволюционных (императорских РИО и РВИО), фактически выполняют функции институтов памяти, официальных интерпретаторов исторического прошлого нашей страны²⁷⁶.

Официально заявленным направлением деятельности РВИО является «монументальная пропаганда». Термин является отсылкой к советской традиции. Его значение объяснено на официальном сайте Общества как «сохранение и восстановление, включая воссоздание, реконструкцию и реставрацию всех видов и наименований памятников военной истории России, объектов военно-исторического, культурного наследия; увековечивание памяти Героев Отечества и выдающихся исторических деятелей России, направленное на воспитание патриотизма и противодействие попыткам искажения отечественной военной истории»²⁷⁷. В начале 2016 г. в РВИО появился творческий совет по монументальному искусству для обсуждения проектов памятников, воздвигаемых по инициативе Общества. Возглавил совет режиссер А. Кончаловский²⁷⁸. Концепции памятников, инициированных РВИО, представлены на единой платформе творческих конкурсов «Памятное место». Данный проект поддерживается Министерством культуры РФ в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура».

Сотни памятников, большинство из которых увековечивают Великую Отечественную войну, уже установлены РВИО в России и за рубежом. В качестве информационного сопровождения монументальных инициатив можно рассматривать созданные по инициативе Общества информационные дорожные знаки «Маяки памяти» и социальный патриотический интерактивный портал «Местопамяти.рф».

276 *Лавин В. В.* Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI в. // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 74–95.

277 Монументальная пропаганда. — URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/monumentalnaya-propaganda> (дата обращения: 22.06.2020).

278 *Палаткина Д.* Судьбу будущих памятников будет решать творческий совет. — URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/2626/> (дата обращения: 20.07.2019).

Чтобы понять векторы трансформации российского монументального ландшафта необходимо дать характеристики новых (и воссозданных) памятников. Для удобства разделим их на следующие группы: монументы, визуализирующие события и персонажей (1) **досоветской**, (2) **советской** и (3) **постсоветской** эпох. Ограничимся характеристикой первых двух групп.

Как известно, в монументальном ландшафте дореволюционной России доминировали памятники российским правителям. В советское время большинство из них (за исключением столичных монументов, представлявших, по мнению уполномоченных новой властью экспертов, значительную художественную ценность) было демонтировано, а на старых пьедесталах появились новые персонажи. На рубеже 1980–1990-х гг. повсеместно возникали инициативы воссоздания и строительства новых памятников правителям России.

Первыми появились памятники древнерусским князьям, в том числе канонизированным РПЦ. Празднование 1000-летия Крещения Руси, официальная «реабилитация» религии актуализировали скульптурную визуализацию Владимира Святого. Как отмечает А. О. Котломанов, памятники князю появились в Астрахани, Батайске, Белгороде, Владимире, Волоколамске, Кермове, Кропоткине, Новочебоксарске, Саракташе, Севастополе, Смоленске, Туле и т. д. Наиболее распространенный из типологических вариантов — Владимир с крестом в правой руке. Именно установка в Москве в 2016 г. памятника Владимиру, стилистически сориентированного на «Владимира киевского» (1853 г., авторы — П. Клодт, А. Тон, В. Демут-Малиновский), стимулировало жаркую дискуссию о связи прошлого с настоящим, смыслах, которые транслирует монумент, оптимальной локации подобных монументов²⁷⁹. 750-летие Невской битвы и Ледового побоища вызвало появление памятников А. Невскому. Подробней речь о скульптурной визуализации памяти о древнерусских князьях, причисленных РПЦ к лику святых, пойдет в следующем подразделе.

Появились памятники Ивану III, чье имя прочно ассоциируется с созданием централизованного государства: в Нарьян-Маре у Богоявленского кафедрального собора (копия фигуры князя на памятнике «Тысячелетие России»), во Владимирском скиту Свято-Успенской Тихоновой пустыни той же Калужской области (скульптор Н. Анциферов), в Калуге перед зданием областного правительства (скульптор А. Коробцов). Последний монумент занял место памятника В. И. Ленину, перенесенного в соседний сквер.

Установка памятников Ивану IV традиционно сопряжена с жаркой полемикой. В Орле первоначально отведенное для памятника (в честь 450-летия города) пространство перед ТЮЗом было заменено стрелкой слияния Оки и Орлика, где по указанию царя была основана крепость. Памятник изготовлен за счет спонсорских средств Международного фонда славянской письменности и культуры скульпторами А. Следковым, А. Петровым и А. Дмитриевым под авторским надзором О. Молчанова. Протест против установки памятника

²⁷⁹ Котломанов А. О. Монументальность новой русской скульптуры. Эпизод 1: памятник князю Владимиру // Вестник СПбГУ: Искусствоведение. — 2017. — Т. 7. — Вып. 3. — С. 342–359. — DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.305.

воплотился в судебных исках и возведении художником В. Гультяевым «альтернативного» памятника Ивану Грозному в виде кола в Канске Красноярского края. Памятник этому же правителю работы В. Селиванова в Александрове Владимирской области, где находилась резиденция царя Александра слобода, ставшая в годы опричнины фактической столицей, можно отнести к разряду «кочующих монументов». Созданный на пожертвования местных жителей, установленный в 2017 г., он вскоре был демонтирован и отправлен в Москву, на Аллею правителей, а в 2019 г. возвращен на прежнее место.

Из представителей династии Романовых в плане увековечения наиболее популярен Петр I. К уцелевшим памятникам дореволюционного периода (в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Воронеже, Архангельске, Таганроге и др.) добавились монументы в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Азове (Ростовской области), в Керчи и даже в Сочи, не связанном с деятельностью монарха-реформатора. Подача его образа в столице (упомянутый выше памятник З. Церетели) и в Санкт-Петербурге (скульптура работы М. Шемякина на территории Петропавловской крепости) вызвала неоднозначную реакцию населения.

На Юге России и Юге Украины — в Краснодаре, Одессе, Симферополе — появились восстановленные монументы Екатерине II; ведь именно в период ее правления данные территории вошли в состав Российской империи.

С увековечением екатерининского Манифеста о разрешении иностранных поселений на территории России была связана установка памятника работы П. К. Клодта в поволжском Марксе (ранее Екатериненштадт) в 1851 г. Монумент, снесенный в революционные годы, был восстановлен в 2007 г. Восстановленный памятник работы М. Микешина в честь столетия (1883 г.) указа Екатерины II о преобразовании Ирбитской слободы в город и даровании горожанам особых привилегий за помощь в подавлении восстания Пугачева открыли в 2013 г. Большинство такого рода памятников императрице являются точными копиями дореволюционных монументов. Некоторые дореволюционные памятники Екатерине II (например, в Нахичевани-на-Дону, в Екатеринославле) так и не воссозданы. Новые памятники установлены в 2002 г. в Новоржеве Псковской области в честь 225-летия города на бывшей улице Екатерининской (скульптор Владимир Горевои). В Вышнем Волочке Тверской области в 2007 г. рядом с Драматическим театром появился памятник императрице (скульптор Ю. В. Злотя). В 2008 г. появилось два памятника: в Подольске Московской области (Екатерина II в 1781 г. подписала указ о переименовании села Подол в город Подольск) скульптора А. А. Рожникова и в Севастополе (во время праздничных мероприятий, посвященных 225-летию со дня основания города, скульптор С. А. Чиж, архитектор Г. С. Григорьянц). То есть во всех случаях Екатерина II имела отношение к основанию городов, закреплению их разного рода предпочтений.

Аналогичная ситуация — с памятниками правителям XIX в. Речь идет о памятниках Александру I в Таганроге (1998 г.) и Москве (2014 г.); Николаю I

на парадной лестнице Витебского вокзала (2003 г.), в здании Технологического института (2011 г.) в Санкт-Петербурге, в дер. Авдотьино Московской области на территории Николо-Берлюковского мужского монастыря (2015 г.), в Волгограде (2019 г.), в Саратове (2015 г.), в Ставрополе на территории Казанского кафедрального собора (2015 г.); Александру II в Москве (2005 г.), Сочи (2015 г.) и Шахтах (2015 г.); Александру III в Иркутске (2003 г.), Новосибирске (2012 г.) и Ялте (2017 г.), в Полярном (бывшем Александровске) на территории Никольского храма, в Гатчине (2021 г.) и др. И новые, и воссозданные, каких большинство, они часто символизируют не только монарший статус, но и другие «ипостаси» императоров. Так, Николай I представлен основателем вуза, железнодорожных войск, учредителем Кавказской и Черноморской епархии и проч.

Открытие наиболее значимых памятников проходило с участием официальных лиц, включая президента РФ. В текстах выступлений посредством характеристики императоров транслировались актуальные приоритеты государственной политики. Так, презентуя общественности гатчинский памятник Александру III (2021 г.), В. Р. Мединский сослался на приверженность монарха идее собственного пути России, а В. В. Путин подчеркнул «естественное и гармоничное сочетание масштабных технологических, промышленных, государственных преобразований и верности национальным традициям и культуре, своим самобытным истокам»²⁸⁰. В таком случае, как верно отметил антрополог А. Васильев, анализируя наследие Э. Дюркгейма, «коммеморативный ритуал сохраняет свою сакральную сущность, а значит, и социальную роль, в той мере, в какой наблюдающие его люди переживают происходящее как имеющее отношение к реальности», «формирование идентичности обязательно сопровождается манипуляциями с образами “нашего” прошлого, а сформированный мемориальный канон сам начинает активно поддерживать идентичность и препятствовать ее произвольному изменению»²⁸¹.

Фигура Николая II, учитывая итоги его правления, судьбу, причисление к лику святых, изначально (в 1990-е — первом десятилетии 2000-х) монументально увековечивалась в виде бюста на постаменте в основном в прихрамовых территориях и за деньги церкви и прихожан. Подобная тенденция имела место и позже, однако, как справедливо отмечает Е. М. Болтунова, для нее характерно возросшее число памятников, появление памятников за пределами России (в Белоруссии, Сербии, Италии), вариативность образного ряда и значительно более широкий круг заказчиков²⁸². Среди последних стало больше частных лиц. Памятник в Белграде — фигура в полный рост со

280 *Фисенко Е.* «Вот опять я в нашей милой Гатчине»: как создавали памятник Александру III. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2571491> (дата обращения: 22.11.2021).

281 *Васильев А. Г.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 2. — С. 153–154.

282 *Болтунова Е. М.* Формирование постсоветской памяти о Российской империи: образ Николая II в монументальных памятниках 1990–2010-х гг. // Пятнадцатые Романовские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конференции (Екатеринбург — Алапаевск, 16–17 июля 2015 г.). — Екатеринбург : Квадрат, 2015. — С. 59–65.

всеми императорскими регалиями и саблей в руках (скульпторы А. Ковальчук, Г. Правоторов) изготовлен на средства РВИО. Появились парные памятники: с императрицей (Санкт-Петербург), с царем Михаилом Федоровичем (Москва), с князем Львом Голицыным (поселок Новый Свет), с царевичем Алексеем (Новосибирск), с членами семьи (село Аляухово Московской области, село Дивеево Нижегородской области, Екатеринбург). На протяжении 30-ти последних лет в отношении памятников, увековечивавших последнего российского императора, имели место акты вандализма. Большинство памятников Николаю II, используя терминологию К. Г. Сокола, географически мотивировано (в отличие от памятников другим монархам).

Юбилей воцарения Романовых на государственном уровне не отмечался, однако отразился в монументе в центре столицы. Обелиск в Александровском саду, изначально посвященный 300-летию дома Романовых, превращенный в 1918 г. в памятник выдающимся мыслителям и революционерам, обрел прежний статус.

Из других персонажей дореволюционной истории, как и прежде, монументально увековечивались ученые (М. В. Ломоносов, А. С. Попов, Д. И. Менделеев и др.), представители творческой интеллигенции — А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев и др., как правило, в связи с их юбилеями. Появились новые памятники Ф. М. Достоевскому (в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Тобольске, Харькове, Таллине, нескольких городах Германии), ранее увековеченному лишь в упомянутой ранее скульптуре С. Д. Меркурова на улице Достоевского в Москве.

Крупные военачальники дореволюционной эпохи нередко соседствуют друг с другом на тематических монументальных аллеях. Например, Аллея славы в Краснодаре, создание которой было приурочено к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г., начинается памятником А. Суворову, который возвели еще в 2004 г. на месте нахождения одного из укреплений суворовской кордонной линии. Позже появились полководцы и государственные деятели — Г. А. Потемкин, И. В. Гудович, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, Н. Н. Раевский, Ф. Ф. Ушаков, М. Б. Барклай-де-Толли, Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, которые символизируют главным образом военные победы России последней трети XVIII — первой половины XIX в., в том числе покорение Кавказа. Краткие биографические справки (не всегда удачно составленные) поясняют значимость запечатленных персонажей. Подобные аллеи имеются в других городах, на территориях военных учебных заведений, в том числе кадетских корпусов.

Среди государственных деятелей дореволюционной России пальму первенства держит П. А. Столыпин, памятники которому в советское время уничтожались. Монумент в Саратове, приуроченный к 140-летию со дня рождения (2002 г.) и памятники 2011–2012 гг. в связи со столетием убийства и 150-летием со дня рождения Столыпина появились в Москве, Краснодаре,

Ульяновске, в Ровеньках Белгородской области... Особый антураж сопровождал создание памятника в Москве у Дома правительства РФ (пожертвования государственных деятелей, в т. ч. президента РФ, открытие счета в Сбербанке для сбора средств, массовое творческое состязание под патронажем Министерства культуры РФ и пр.).

В идеале монументально увековеченный П. А. Столыпин должен формировать представление об успешном реформаторстве как «вакцине» от революции (тем более что комплиментарный образ реформатора начала XX в. создан современными историками, а высказывания Столыпина о сильной России повсеместно тиражируются). Однако, как справедливо полагает исследователь монументальной политики К. Д. Гусев, «возведение многочисленных памятников не привело к закреплению в общественном сознании нового положительного образа; новая конструкция образа Столыпина остается логически не наполненной, искусственной и поверхностной для восприятия российским обществом»²⁸³.

Не всегда удачна локация памятников. Например, в Краснодаре памятник Столыпину стоит у здания Кубанского университета; прохожие могут с трудом разглядеть его через ограду забора. Данный памятник практически не отличить от большинства других, построенных в рамках проекта «Аллея российской славы».

В последние десятилетия появились памятники особо отличившимся «отцам» городов: в Ростове-на-Дону — городскому голове А. М. Байкову, в Димитровграде — К. Г. Маркову, в Череповце — И. А. Милютину, в Евпатории — Н. А. Мамуне, в Ейске — В. В. Ненашеву. И это список можно продолжить.

Имена исключенных из официальной советской коммеморации дореволюционных предпринимателей присутствуют в постсоветском монументальном ландшафте главным образом на мемориальных досках основанных ими предприятий, разнообразных принадлежавших им построек. Среди меценатов, увековеченных в памятниках, — С. Т. Морозов (Москва и Орехово-Зуево), Н. Демидов (Тула), Н. Путилов (Санкт-Петербург), М. С. Кузнецов (Ликино-Дулево). В Екатеринбурге имеется памятник уральскому предпринимателю, олицетворяющий деловые традиции региона.

Традиционно предметом дискуссий становилась установка памятников лицам и событиям, связанным с колонизацией новых территорий. Особенно это актуально на Юге, ввиду наличия военной составляющей, о чем свидетельствуют материалы интернет-порталов «Кавказ.Реалии», «Кавказский узел» и др. Даже памятники А. В. Суворову (в Краснодаре и Майкопе) воспринимаются «в штыки» многими адыгами, полагающими, что выдающийся полководец причастен к уничтожению ногайцев и черкесского племени жаневцев. Установленные в постсоветский период в Ставрополе, Минеральных

²⁸³ Гусев К. Д. Конструирование исторического образа в монументальном искусстве: на материале памятников П. А. Столыпину // История и археология : материалы IV междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — СПб. : Свое издательство, 2017. — С. 1–4. — URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12667/> (дата обращения: 16.08.2019).

Водах, Пятигорске памятники генералу А. П. Ермолову, руководившему покорением горских народов (в то же время талантливому полководцу и просветителю), как и памятник генералу Г. Х. Зассу в Армавире, казачьему атаману Ф. А. Рашпилю на улице Рашпилевской в Краснодаре, вызвали негативную реакцию национальных общин. М. А. Вахидова — филолог и общественно-политический деятель — публично поздравила армавирцев «с открытием памятника людоеду»!²⁸⁴ Британский славист и политолог Э. Фоксолл на примере памятника генералу А. П. Ермолову в Ставрополе показывает взаимосвязь между идентичностью, памятью и городским ландшафтом, роль данного монумента как проводника русской идентичности, утверждения официальной версии колонизации Северного Кавказа²⁸⁵.

Памятники выдающемуся флотоводцу адмиралу М. П. Лазареву (органичные в Севастополе, Николаеве, Новороссийске) вызывают отторжение на территории проживания адыгов-шапсугов, полагающих, что «Лазарев — непосредственный участник военных действий против коренного населения, приведших к массовой гибели мирного населения и национальной трагедии адыгов»²⁸⁶. Памятник адмиралу работы И. П. Шмагуна был установлен в районе железнодорожного вокзала ст. Лазаревской еще в 1954 г. В 1990 г. после обращения общественной организации «Адыгэ Хасэ» с требованием переместить памятник на родину Лазарева в г. Владимир, на сессии районного Совета депутатов было принято решение о демонтаже памятника. Через 13 лет распоряжением главы администрации Лазаревского района памятник заново установлен в том же месте, где находился до сноса, несмотря на протесты Международной черкесской ассоциации.

В описанных случаях межэтническая напряженность возникает из-за различных интерпретаций деятельности увековечиваемого персонажа на Северном Кавказе. Но наиболее «взрывоопасны» попытки увековечения непосредственных участников Кавказской войны. Памятники русским солдатам, как известно, возводились сразу после ее окончания (наиболее знаменит памятник Архипу Осипову в одноименном поселке). В постсоветский период появились скромные монументы в станицах (Тбилисской, Каладжинской), и районных центрах (в Лабинске, воссозданный).

В 2020 г. был установлен «Монумент подвигу русских солдат» в Адлерском районе Краснодарского края. Из-за возмущения черкесской общности, назвавшей саму установку памятника «провокационной», памятник оперативно снесли, однако о восстановлении заявили представители РВИО²⁸⁷. В то же время возводятся памятники имаму Шамилю (в Махачка-

284 Вахидова М. Памятник Зассу — за ссу... — URL: <https://proza.ru/2020/08/14/890> (дата обращения: 03.07.2021).

285 Foxall A. A. Contested Landscape. Monuments, Public Memory, and Post-Soviet Identity in Stavropol', Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2013. Vol. 46. Is. 1. — Pp. 167–178.

286 Лазарев Михаил Петрович // *Кавказский Узел*. — URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/242618/> (дата обращения: 09.08.2021).

287 Волкова А. Герои или кровопийцы? Памятники покорителям горских народов на Кавказе. — URL: <https://www.kavkazr.com/a/30737625.html>. (дата обращения: 06.08.2021).

ле на одноименном проспекте), набу имама Байсангуру Беноевскому на его могиле в Новолакском районе Дагестана, многочисленные памятники жертвам войны — представителям народов Северного Кавказа, в т. ч. вызвавший полярные оценки памятник женщинам из Дадии-Юрта, которые после пленения бросились в Терек, увлекая за собой конвоиров (с. Хангаш-Юрт, Чеченская Республика). Дискуссии вызвало воссоздание на территории Верхнего Гуниба т. н. беседки Шамиля, построенной над камнем, на котором генерал А. И. Барятинский ожидал сдающегося в плен имама.

К попыткам примирения сторон посредством монументальной пропаганды относятся установка в Майкопе монумента «Единение и Согласие» (скульптор А. М. Берсиров, архитектор А. Сахаров, 2013 г.), посвященного жертвам Кавказской войны, мемориального комплекса Л. Н. Толстому и герою его произведения Хаджи-Мурату на плато Матлас Хунзахского района в Дагестане (2012 г.), памятника Л. Н. Толстому и Хаджи-Мурату в Махачкале. Этот же пафос заложен инициаторами мемориала Ахульго (2017 г.), включающего сигнальную 17-метровую башню и выставочный зал с артефактами времен Кавказской войны, портретами тех, кто принимал участие в войне, репродукцию картины «Штурм аула Ахульго» Ф. А. Рубо. «Не просто очередная достопримечательность, но памятник дружбы, который объединит народы Кавказа и России», — именно так охарактеризовал новый мемориал тогдашний глава Дагестана Р. Абдулатипов. При этом представители дагестанской интеллигенции восприняли сооружение неоднозначно, скорее как идеологический продукт, способ манипулирования исторической памятью²⁸⁸.

Своеобразная ситуация сложилась в связи с установкой новых памятников русским землепроходцам, способствовавшим присоединению к России территории Сибири и Дальнего Востока. Наиболее частым объектом увековечения с дореволюционного времени здесь является «покоритель Сибири» Ермак Тимофеевич. В честь 270-летия Змеиногорска в 2006 г. возвели памятник Ермаку, воссозданный на основе разрушенного в 1990-е гг. монумента в казахстанском городе Аксу (бывший Ермак). В 2016 г. в преддверии 300-летия Омска, несмотря на протесты татарской общественности, бюст Ермаку открыли на берегу Иртыша. В 2019 г. в дни празднования 425-летия г. Тары Омской области на въезде в город появилась 30-тонная скульптура Ермака.

Интересна монументальная инициатива сотрудников Поронайского краеведческого музея, финансово поддержанная компанией «Сахалин Энерджи» в рамках Фонда социальных инициатив «Энергия». Она заключается в создании Аллеи исследователей, где на отдельных гранитных плитах запечатлены имена 18-ти выдающихся российских и иностранных ученых-исследователей, внесших важный вклад в изучение коренных народов Сахалина, природы края.

²⁸⁸ Сузьева Ю. Дагестанцы ожидают сюрпризов на открытии мемориала Кавказской войны. — URL: <https://www.kavkazr.com/a/v-dagestane-otkroyut-kompleks-pamyati-zhertv-kavkazskoy-voyny/28243357.html> (дата обращения: 06.08.2021).

Из военных юбилеев наиболее широко отмечалось, как и сто лет назад, 200-летие Отечественной войны 1812 г. Еще до начала официально объявленной подготовки важным шагом стало возрождение Храма Христа Спасителя; данное событие, правда, в большей степени знаменовало конец эры атеизма. По всей России восстанавливались церкви, возведенные в честь победы над Наполеоном. В 2012 г. появились памятники П. И. Багратиону в Санкт-Петербурге (скульптор Я. Нейман), М. И. Кутузову в Новосибирске (реализация идеи почти столетней давности стала возможной благодаря проекту «Аллея российской славы»). В Кизляре — на родине П. И. Багратиона — рядом с памятником появился мемориальный комплекс в честь героев Отечественной войны 1812 года. Как отмечают Т. А. Булыгина и Т. А. Кожемяко, популярным в 2012 г. стало формирование мест памяти, исторически связывающими местных жителей с событиями: «В селе Крапивна Тульской области был освящен памятный знак «Крапивенцам — воинам 1812 года», в селе Арефино Рыбинского района Ярославской области — памятник местным жителям — участникам похода русской армии 1813–1814 гг., в деревне Куркино (Новая Москва) — местным крестьянам, участникам Бородинской битвы, в Томске — Томскому пехотному полку...»²⁸⁹.

Особое значение придавалось юбилею «забытой» Первой мировой войны. Он включал всевозможные виды коммеморативных акций, в том числе и монументальное увековечение. Уже в начале 2000-х гг. появлялись памятные знаки на кладбищах или вблизи их. Наибольшим количеством памятников отмечен юбилейный год. Центральным событием стало открытие 1 августа 2014 г., с участием первых лиц государства, включая Президента России, монумента на Поклонной горе (скульпторы — А. Ковальчук, П. Любимов, В. Юсупов), что «вписало» Первую мировую войну (наряду с Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной) в ряд событий, особенно важных для российской идентичности²⁹⁰. Искусствовед А. В. Королев идентифицирует «мотивы этого многословного монумента», состоящего из фигуры, многофигурных групп на двух сторонах российского флага, гранитной панели с надписью: «Героям первой мировой», как воспроизведение элементов языка пропагандистского искусства 1914 г.: «По каким-то особым причинам поэтика, иконография и стилистика плакатов, военных лубков и прочих подобных изображений 1914–1916 гг. перекочевала в бронзу, сменив свой прежний пропагандистский статус на иной (искусство, связанное с юбилейной коммеморацией)»²⁹¹.

Были также открыты памятники в Санкт-Петербурге, Липецке, Азове, Батайске, Пскове (2014 г.), в Краснодаре (2016 г.). Во многих из них обнару-

289 Булыгина Т. А., Кожемяко Т. Н. Историческая память и юбилей в России в XX–XXI в. // История и историческая память. — 2012. — № 6. — С. 68–71.

290 Колоницкий Б. И. Предсказуемое прошлое в непредсказуемом будущем? Юбилей революции, политика памяти и культурная память современной России // Вестник ТвГУ. Сер. История. — 2016. — № 4. — С. 122–123.

291 Королев А. В. О новейших отечественных памятниках героям Первой мировой войны // Историческая экспертиза. — 2020. — № 2. — С. 47.

живается та же опора на образцы патриотической графики времен Первой мировой войны. Памятник в Краснодаре символизирует боевое братство кубанских казаков и адыгов.

Отдельного внимания заслуживает монументальное пространство Калининграда и области как территории, на которой в годы Первой мировой войны велись боевые действия. Здесь присутствуют воинские захоронения воюющих сторон, памятники и памятные знаки досоветского периода, современные российские памятники. Они вкуче с музейными экспозициями стали основой тематических туристических маршрутов. Создана соответствующая база данных и геоинформационная система²⁹². Наиболее известные из новых памятников — «Штыковая атака» (скульптор В. А. Суровцев) в Гусеве, «Воинам Русской императорской армии, павшим в годы Первой мировой войны» (скульптор С. Щербakov). Несколько особняком в плане стилистики и посыла — скульптура М. Шемякина «Памяти забытой войны, изменившей ход истории» в мемориальном парке «Технополис GS», транслирующая идею общечеловеческой трагедии, изображающая жертв войны: солдат, вдов, матерей.

Как отражаются в современных монументальных практиках события и персонажи **советской истории**? Именно они доминировали в монументальном ландшафте 1920–1980-х гг. и доминируют сейчас, однако современные подходы к мемориализации меняются. Прежде всего это касается революции и Гражданской войны, за которыми в конце прошлого — начале нынешнего века на официальном уровне был закреплен статус травмы; их жертвами объявлены все участники и мирное население. 6 ноября 1997 г. Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин подписал указ «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы гражданской войны»: «В целях реализации государственной политики, направленной на консолидацию российского общества в Год согласия и примирения, постановляю: 1. Возвести в г. Москве памятник россиянам, погибшим в годы гражданской войны...»²⁹³. Данное постановление так и не было исполнено. В то же время памятники и кресты — символы примирения «красных» и «белых» в братоубийственной войне — появились в регионах, главным образом южных.

Один из первых, установленный в 1998 г. по проекту архитектора А. Гурина и скульптора А. Корнаева, находится в краснодарском парке имени Горького. Над гранитной плитой с символами противоборствовавших армий — буденовкой и папахой — возвышаются две полуарки. В мемориальном комплексе Площадь Героев этого же города надписи на мемориальных досках несут совсем иной посыл, прославляя тех, «кто в боях с классовым врагом кровь свою отдал за утверждение великого дела Октябрьской революции», кто «в

²⁹² Жиров А. А. Создание геоинформационной системы «Монументальная память о Первой мировой войне в Восточной Пруссии» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 2015. — № 44. — С. 69–71; Шпель Я. Г. Памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области: опыт создания базы данных // Четвертая зимняя школа по гуманитарной информатике: сб. ст. — Калининград, 2020. — С. 104–110.

²⁹³ Указ Президента Российской Федерации от 06.11.1997 г. № 1155 «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы гражданской войны». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11621>. (дата обращения: 16.05.2020).

мрачные дни террора деникинских банд вел подпольную борьбу». Данная ситуация типична и для других городов.

Памятник примирения и согласия еще в одной казачьей и одновременно «белой» столице — Новочеркасске по проекту скульптора А. А. Скнарина и архитектора И. А. Жукова был открыт на площади Ермака в 2005 г. Инициаторами его возведения стали глава Российского императорского дома княгиня Мария Владимировна Романова, верховный атаман Союза казачьих войск России и зарубежья и вице-губернатор Ростовской области. 12 скошенных гранитных камней вокруг гранитного православного креста символизируют казачьи войска регионов Российской империи. Бронзовые казачья фуражка, башлык и шашка справа от креста, винтовка и буденовка — слева визуализируют разное восприятие революционных событий казаками. Фигура казачки с прижатой к груди рукой и скульптура мальчика впереди со снятой фуражкой в руке перед крестом символизируют миллионы безвинных жертв.

В преддверии столетия революции и Гражданской войны была озвучена позиция руководства страны, суть которой состоит в том, что уроки 1917 — начала 1920-х гг. должны способствовать не разъединению общества по политическим предпочтениям, а его примирению. Одним из немногих примеров монументального воплощения юбилея стал памятник Примирения (скульптор А. Ковальчук) в Севастополе в Карантинной бухте, приуроченный к 100-летию окончания Гражданской войны. По поручению президента РФ данный проект реализовало РВИО. Уже в процессе возведения памятника начались обсуждения в СМИ; многие, в том числе коммунисты, выражали протест. В церемонии открытия 22 апреля 2021 г. участвовали глава РВИО В. Мединский, губернатор Севастополя М. Развожаев, командующий Черноморским флотом вице-адмирал И. Осипов, представители Госдумы и Совета Федерации.

Россию традиционно олицетворяет женская фигура, две мужские фигуры у ее подножья символизируют противоборствующие силы — «белых» и «красных». Помимо надписи — «Мы единый народ, и Россия у нас одна», на памятнике приведен отрывок из стихотворения «Гражданская война», написанного в разгар гражданского противостояния в Крыму поэтом-миротворцем М. Волошиным, молившегося «за тех и за других», строки М. Цветаевой «Все рядком лежат — не развесть межой...», Н. Туроверова, который в ноябре 1920 г. с врангелевскими войсками покинул Россию, а также строки М. Шолохова «Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!».

Появились памятники лидерам антибольшевистского движения. Первым увековечили С. Л. Маркова в 2003 г. (скульпторы В. Суровцев и Д. Суровцев) в г. Сальске Ростовской области. В 2004 г. в Иркутске был установлен памятник А. В. Колчаку (скульптор В. Клыков) вблизи предполагаемого расстрела. Верховный главнокомандующий стоит на высоком пьедестале, а

на постаменте находятся красноармеец и белогвардеец, скрестившие оружие. Инициатива увековечения Колчака в «белой столице Сибири» Омске так и не реализована. Даже его скульптура в фонтане у ресторана и кулинарии «Колчак» вызывала отторжение части горожан.

В 2013 г. 12 апреля на берегах Цемесской бухты был открыт памятник «Исход» (скульптор А. Суворов, архитектор А. Измоленов), изображающий белого офицера со своим боевым конем. Памятник посвящен событиям зимы — весны 1920 г., когда Новороссийский порт стал местом массового бегства денкинцев и мирных жителей. На следующий день в Краснодаре рядом с домом, где умер Л. Г. Корнилов, появилась трехметровая бронзовая фигура генерала (скульпторы А. Корнаев и В. Пчелин). Установка обоих памятников вызвала острые дискуссии в СМИ.

В сентябре 2016 г. в Керчи на территории храма апостола Андрея Первозванного открыли памятник генералу П. Н. Врангелю (скульптор А. Клыков). Отметим широкий спектр участников церемонии — от членов Керченского союза монархистов до официальных лиц, в частности заместителя министра культуры РФ.

Единичные памятники новейшего времени посвящены тем, кто в годы Гражданской войны пал от рук большевиков. Один из них — памятный крест в Пятигорске, установленный в 2018 г. при поддержке общества исторического просвещения «Двуглавый орел», Законодательного собрания Ставропольского края, администрации и думы г. Пятигорска, архиепископа Пятигорского и Черкесского. Надпись на памятнике гласит: «Заложникам: генералам, офицерам, казакам и мирным гражданам, зверски убитым большевиками в г. Пятигорске в 1918 г.». Выбиты также имена жертв²⁹⁴.

Акции, направленные на мемориализацию антисоветского движения (даже в разрезе примирения и согласия), вызывают жаркие дискуссии. Нередко это детерминировано фактором сотрудничества героизируемых лиц (таких как П. Н. Краснов или А. И. Шкуро) с нацистами. Кроме того, значительная часть населения, особенно старшего поколения, является приверженцем советской трактовки истории Гражданской войны. Как и столетие назад, в обществе циркулируют оппонирующие нарративы.

Подобная ситуация имеет место и с монументальным увековечением жертв политических репрессий 1930–1950-х гг. в связи с полярно противоположными оценками сталинской внутренней политики.

Как известно, в конце 1980-х гг. появились постановления Политбюро ЦК КПСС «О сооружении памятника жертвам репрессий» (1988 г.) и «Об увековечении памяти жертв репрессий периода 30–40-х и начала 50-х гг.» (1989 г.). Первым памятником стал т. н. Соловецкий камень (гранитная глыба, привезенная из Архангельской области, с территории бывшего Соловецкого лагеря) на Лубянской площади (1990 г.). В последующие 30 лет

²⁹⁴ Памятник жертвам Гражданской войны открыли в Пятигорске. — URL: <https://terkv.ru/novosti/pamyatnik-zhertvam-grazhdanskoj-voyny-otkryli-v-pyatigorske/> (дата обращения: 01.08.2021).

появились сотни памятников и мемориальных досок на территории бывших лагерей, вблизи тюрем, на кладбищах, местах проведения массовых расстрелов. Наиболее известны двуликие сфинксы М. Шемякина (1995 г.) напротив тюрьмы «Кресты» в Санкт-Петербурге, «Маска Скорби» в Магадане Э. Неизвестного и К. Казаева (1996 г.). «Маски Скорби: Европа — Азия» Э. Неизвестного в Екатеринбурге (2017 г.). Сооружение последнего комплекса растянулось на 27 лет. Сам мемориальный комплекс находится за городом вдали от остановок общественного транспорта и практически не приспособлен для проведения массовых мероприятий. Главный «официальный» памятник — «Стена скорби» (скульпторы Г. Франгулян и А. Франгулян) в столице, на пересечении проспекта Академика Сахарова и Садово-Спасской улицы, открыли 30 октября 2017 г. в присутствии «первых» лиц, включая В. В. Путина.

Акция «Последний адрес», стартовавшая в конце 2014 г., предполагает установку стандартных знаков на фасадах домов, ставших последними прижизненными адресами жертв репрессий²⁹⁵.

С темой репрессий как «негативного» или «противоречивого» наследия тесно неразрывно связаны имена академика А. Д. Сахарова и писателя А. И. Солженицына. Именно поэтому их монументальное увековечение, в том числе в связи с недавними столетними юбилеями, воспринималось неоднозначно. Памятники Солженицыну во Владивостоке работы П. Чегодаева (2015 г.), в Москве А. Ковальчука, в Кисловодске З. Церетели (оба — 2018 г.) вызвали протесты. Проект установки памятника в Ростове-на-Дону, где прошли отроческие и юношеские годы Солженицына, и вовсе не реализовался; правда, в городе установлены две мемориальные доски (на здании университета и бывшей школы), есть мемориальная университетская аудитория и улица Солженицына на окраине. В год 100-летия А. Д. Сахарова (2021 г.) не возвели планировавшийся памятник на проспекте его имени. Зато монументы появились на Аллее нобелевских лауреатов НИЯУ МИФИ (скульптор А. Миронов) и в Сарове работы Б. Сергеева. Они в большей степени репрезентируют научные заслуги академика. Заметим, что и скульптура Солженицына работы А. Шишкова органично вписалась в академическое пространство — Аллею нобелевских лауреатов Белгородского университета.

Специфичны практики монументального увековечения депортированных народов. Хронология возведения памятников последних трех десятилетий и особенности визуального воплощения темы рассмотрены в ряде работ. П. М. Полян утверждает, что инициатива увековечения практически всегда исходила от представителей самих депортированных народов — немцев, корейцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев...²⁹⁶ Ло-

²⁹⁵ См.: *Веселов Ф. Д.* «Последний адрес»: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 202–231.

²⁹⁶ *Полян П. М.* Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // *Неприкосновенный запас*. — 2010. — № 3. — С. 30–48.

кация памятников изначально в большей степени ограничивалась местами депортационного исхода; позже география расширилась за счет мест насильственного расселения.

Одним из символов Калмыкии, местом поминовения жертв депортации калмыков под мотив мантр и песен, созданных в депортации, стал монумент «Исход и возвращение» С. Курнеева и Э. Неизвестного в Элисте (1996 г.). Анализ смыслообразующих элементов мемориала позволил искусствоведам Д. В. Сангаджиевой сделать вывод о том, что авторам удалось воплотить «в единой композиции древние традиции народа и принципы современной монументальной скульптуры как пространственного вида искусства»²⁹⁷. Памятник на вершине кургана, спиральная дорожка, напоминающая об обряде обхода буддийского храма, железнодорожный вагон на рельсах, 14 гранитных столбиков по числу лет депортации, мемориальная табличка, где выбиты строки Д. Кугультинова, отражающие в большей степени не трагедию народа, а его стойкость и помощь калмыкам «лучших русских». В вагоне оборудована музейная экспозиция — реконструкция быта периода выселения и ссылки.

Величественный мемориал-музей в виде девяти башен за колючей проволокой «Жертвам политических репрессий» (автор проекта — М. Полонков) близ Магаса — новой столицы Ингушетии (1997 г.) воплощает не только травму ингушей, но и репрессированных народов Северного Кавказа в целом. Пространство созданного в 2010 г. на прилегающей территории Мемориала Памяти и Славы, увековечивающего ингушей, сражавшихся за Россию, сделавших много для развития ингушской государственности, в 2014 г. дополнили памятником депортации (паровоз, вагон-теплушка и стелы с датами «1944» и «1957»). Сюжет о депортации присутствует и в выставочном зале Мемориала.

Мемориал в Нальчике, выполненный под руководством М. Гузиева (2002 г.), расположен вблизи могилы скончавшегося в 1945 г. в ссылке основоположника современной балкарской литературы Кязима Мечиева, перезахоронение которого произошло в 1999 г. В 2005 г. в Карачаевске появилась скульптурная композиция С. Айбазови и К. Французова — мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев.

Созданный в 1992 г. в Грозном по проекту Д. Хасаханова мемориал жертв сталинских репрессий был демонтирован в 2008 г. При этом, как отмечает Е. Ф. Кринко, особое значение в современной Чечне придается увековечению подвигов чеченцев во имя России: «В мемориальной культуре Чеченской Республики выстраивается общий ряд: от героев Первой мировой и Великой Отечественной войн — к погибшим участникам борьбы с международным терроризмом. И в этом ряду трагедии депортации уделяется не так много места». Это объясняется современной тенденцией к превращению мемориального пространства из зоны конфликта в зону компромисса в рамках

²⁹⁷ Сангаджиева Д. В. Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. — 2020. — № 1. — С. 306–318.

борьбы за укрепление общероссийской идентичности²⁹⁸. Ведь монументы депортации объективно включают образ травмы в процесс создания культурных идентичностей на Северном Кавказе.

Памятные знаки и памятники имеются на железнодорожных станциях, в селениях, в населенных пунктах, опустевших после депортации. Их установке предшествовала большая поисковая работа, в которую вовлекалась молодежь.

Мемориальные комплексы, как правило, символизируют память не только о трагической высылке, но и о радостном возвращении, что характерно и для музейных экспозиций. В их рамках также увековечиваются жертвы политических репрессий 1920–1930-х гг. Отдельные памятники в северокавказских селах объединяет скорбь по погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, в «необъявленных» войнах и в депортации.

Один из парадоксов северокавказского монументального ландшафта — сосуществование памятников депортированным и инициатору депортаций. В Осетии множество памятников И. В. Сталину, в том числе и в непосредственной близости к осетино-ингушской границе. Исследователь политики памяти на Северном Кавказе Д. Н. Прасолов отмечает на примере Кабардино-Балкарии противоречивость монументальных практик, складывающихся по поводу увековечения жертв политических репрессий и депортации, — сохранение в Нальчике памятника Б. Калмыкову — руководителю Кабардино-Балкарской автономной области в 1920–1930-е гг., ответственному за репрессии, установление памятника Сталину в месте преимущественного проживания осетин (с. Озрек)²⁹⁹.

Памятники, посвященные депортированным и репрессированным немцам, трудармейцам и спецпоселенцам, установлены в Санкт-Петербурге, Калининграде, Воркуте, Нижнем Тагиле, Алматы и др.³⁰⁰ Противоположные оценки общественности вызвало возведение в г. Энгельсе на пожертвования немцев России и Германии памятника, приуроченное к 70-летию депортации немцев Поволжья (2011 г., скульптор А. Садовский).

Депортация народов Крыма (крымских татар, болгар, греков, немцев и армян) была монументально увековечена в Керчи, Симферополе, селах региона в первое десятилетие XXI в. К 60-летию депортации в 2004 г. на территории Крымского инженерно-педагогического университета был открыт монумент «Возрождение крымско-татарского народа» (архитекторы — И. С. Нагаев, З. С. Нагаева, скульптор А. Э. Алиев). Уже в российском Крыму был задуман и реализован проект мемориального комплекса «Путь возрождения народов Крыма» недалеко от Бахчисарая, на железнодорожной станции Сю-

298 Кричко Е. Ф. Институционализация памяти о депортациях народов Северного Кавказа в СССР и современной России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 292, 301.

299 Прасолов Д. Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. — 2017. — № 2. — С. 68–69.

300 Смирнова Т. Б., Подопригора Ю. И. Памятники, памятные места и символические территории в идентичности немцев России и Казахстана // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII всерос. науч.-практ. конференции (Симферополь, 20–22 окт. 2020). — Симферополь, 2020. — С. 168–174.

речь (именно отсюда в 1944 г. отправлялись вагоны с депортированным населением). Скульптурные композиции выполнены С. Щербаковым. Данный мемориал одновременно является музеем.

Наличие многочисленных памятников депортациям и связанных с ними траурных дат — свидетельство институционализации «иной» памяти о войне³⁰¹, правда, характерной в большей степени для определенных этнических групп (жертв депортации и их потомков). В рамках страны в целом по-прежнему доминируют представления о Великой Отечественной войне, характерные для второй половины XX в. Анализируя постсоветские военные мемориалы, Н. А. Конрадова и А. Н. Рылева еще в 2005 г. отметили тенденцию «к возрождению советской военно-мемориальной традиции и системы патриотического воспитания, во многом репродуцирующих прежнюю образную систему (и в риторическом, и в визуальном плане), изменение которой происходит лишь в замене “советского народа” на “российский”»³⁰².

Увековечение событий Великой Отечественной войны, как и раньше, приоритетно. Празднование 50-летия, 60-летия, 70-летия, 75-летия Победы сопровождалось реализацией многочисленных монументальных инициатив. Большинство из них основано на реализации старых методов, приемов, сюжетов. Типичный пример — Ржевский мемориальный комплекс (2020 г., скульптор А. Коробцов, архитектор К. Фомин), победитель национальной премии «Победа» в номинации «Проект года». Несмотря на задумчивое и несколько отрешенное лицо солдата и эффект парения статуи в воздухе, опора на прообразы советских лет очевидна.

Отдельные памятники являются реализацией советских проектов, например, монумент, посвященный «городу-госпиталю» Сочи, увековечивающий подвиг медиков в военные годы. Его строительство началось еще в преддверии 30-летия Победы. Авторы — известный московский скульптор Д. Б. Рябичев (до этого выполнивший скульптурные портреты и памятники С. П. Боткину, А. С. Попову, И. П. Павлову и др.) и архитектор Ю. В. Львов. Строительство по разным причинам затянулось на 20 лет. Скульптурные композиции завершал сын Д. Б. Рябичева — А. Д. Рябичев. Мемориальный комплекс «Подвиг во имя жизни», открытый в 1995 г., ныне является одним из символов Сочи.

В монументах постсоветского периода, посвященных Великой Отечественной войне, важная роль принадлежит фигуре «маршала Победы» Г. К. Жукова, чему способствовало официальное утверждение его значительного вклада в разгром немецко-фашистских захватчиков. Юбилеи Победы и самого Г. К. Жукова (100-летие и 120-летие) отмечены появлением памятников в городах и населенных пунктах России, ближнего зарубежья, а также в

301 См.: Мещеркина Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся. — 2005. — № 5. — С. 198–213.

302 Конрадова Н. А., Рылева А. Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 251.

Черногории. Особый статус военачальника визуализирует конный памятник в Москве на Манежной площади (1995 г., скульптор В. В. Клыков, архитектор Ю. Г. Григорьев)³⁰³.

В 2010-е гг. массово, особенно в восточных районах страны (в Омске, Томске, Благовещенске, Уфе, Петропавловске-Камчатском и т. д.), устанавливались монументы труженикам тыла. Скульптурные композиции традиционно включали женщин, стариков, подростков. В качестве инициаторов выступали, как правило, сами горожане; они же частично компенсировали финансовые расходы на возведение памятников.

Попытки разнообразить объекты мемориализации за счет советских военнопленных, «остарбайтеров» пока единичны, хотя в научном и медийном дискурсах данные сюжеты присутствуют. Тема общей трагедии воюющих стран также актуализируется слабо. Один из немногих примеров — открытый в 2000 г. мемориал «Крест скорби» в Карелии, символизирующий скорбь российских (советских) и финских матерей, потерявших сыновей в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Основные посетители данного комплекса — туристы, знакомящиеся с достопримечательностями республики и следующие из Петрозаводска на Валаам.

Неотъемлемой составляющей монументального пространства российских городов, в том числе небольших районных центров, в последние десятилетия стали памятники участникам необъявленных войн, первые из которых были посвящены «афганцам». Это следствие реализации инициатив участников и родственников жертв локальных конфликтов. В рамках одного и того же памятника часто совмещается память об участниках войн в Афганистане и Анголе, Эфиопии и Мозамбике, Египте и Вьетнаме, Абхазии и Чечне... На памятниках, как правило, указываются места гибели военнослужащих (данный перечень может включать более трех десятков), их фамилии.

Типология «афганских» мемориалов с точки зрения подходов к мемориализации, представленная Н. Даниловой, выглядит следующим образом: «военное братство; покаяние или политический контракт; триумф власти или малая версия “большой” войны»³⁰⁴. В первом случае (мемориалы в Мурманске, Перми, Нижнем Тагиле и др.) главные герои — боевые товарищи, какая-либо государственная и национальная символика отсутствует, ее заменяют знаки братства, например, черный тюльпан; во втором (в Нижневартовске, Минске, Севастополе, Омске, Санкт-Петербурге и др.) наличествует религиозная тематика, символизирующая покаяние со стороны общества; в третьем воспроизводятся «типичные для советского контекста символы воинской скорби», «традиционная, героическая версия войны». Такие памят-

303 *Солоницына М. Н.* Отражение личности «маршала Победы» в скульптурных памятниках // Кировская область в годы Великой Отечественной войны: вклад в дело Великой Победы : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Киров, 24 апр. 2015 г.). — Киров : Радуга-Пресс, 2015. — С. 250–257.

304 *Данилова Н. Ю.* Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 гг.) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 262–281.

ники являются частью мемориалов Великой Отечественной войны, в том числе таких как «Вечный огонь», что приравнивает участников «необъявленных войн» с защитниками Отечества. Часто объекты увековечения обозначены невнятно. Например, на мемориальном комплексе Площадь Героев с Вечным огнем в Краснодаре сравнительно недавно появилась доска «Воинам, погибшим в Чеченской Республике». Не очень понятно — идет ли речь о примирении и согласии или о памяти российских военнослужащих, погибших в сражениях с «боевиками».

Изменение «конфигурации травматического нарратива» имеет место и в ближнем зарубежье. Так, мемориальный комплекс «Тагзым» («Поклонение»), открытый в Карагандинской области в 2015 г. (авторы — А. Калмаханов, М. Калмаханов, Ж. Комутов, К. Балабеков, Е. Шахиев), «состоит из пяти скульптурных композиций: “Памяти репрессированных”, “Памяти тружеников тыла”, “Памяти участников ликвидации последствий техногенных катастроф”, “Памяти героев, погибших в мирное время” и “Памяти воинов-интернационалистов”». В городе Кызылорде под таким же названием «Тагзым» объединены классический советский Мемориал Славы 1975 г. и единый мемориал памяти жертв локальных конфликтов — «Подвиг» (авторы — Ч. Бедбеков, К. Усенов), установленный в 2008 г.»³⁰⁵.

Пока слабо увековечиваются «в граните и бронзе» те, кто приближал победу в войнах своими выдающимися научными изобретениями (за исключением создателей оружия). Это ярко иллюстрирует пример З. В. Ермольевой — прообраза главной героини знаменитого романа В. А. Каверина «Открытая книга». Еще будучи студенткой, она участвовала в ликвидации эпидемии тифа и холеры в Ростове-на-Дону. Через четверть века, вскоре после начала войны, ею был создан отечественный пенициллин, качество которого признали ведущие в мире специалисты. З. В. Ермольева вела самоотверженную и успешную борьбу с холерой на Сталинградском фронте. Во многом ее заслугой является оперативное налаживание производства бактериофага, вакцинация мирного населения... Память о З. В. Ермольевой сохраняется, прежде всего, посредством художественных (созданных в советское время) и новых документальных фильмов и публикаций. В городе Фролово Волгоградской области, где прошло детство З. В. Ермольевой, в честь нее названа улица. Установлен и скромный памятный знак с мемориальной доской, текст на которой изобилует ошибками (в датах рождения и смерти) и неточностями. В 2019 г. появился бюст З. В. Ермольевой с более корректным текстом. Наконец, в сентябре 2021 г. в Парке культуры и отдыха имени 1 Мая в Ростове-на-Дону, городе студенческой юности ученого, был заложен памятный камень и объявлено о скором сооружении на этом месте памятника выдающемуся микробиологу.

В целом в орбиту мемориализации советского научно-технического наследия попадают в основном ученые и изобретатели, так или иначе связан-

³⁰⁵ *Медуева К.* Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 269–270.

ные с развитием военно-промышленного комплекса. Три мемориальных доски и семь памятников увековечивают знаменитого конструктора стрелкового оружия М. Т. Калашникова. Наиболее известен вызвавший жаркие дебаты московский памятник работы С. А. Щербакова (2017 г.) — восьмиметровая фигура М. Т. Калашникова с автоматом. Благодаря проекту М. Л. Сердюкова «Аллея российской славы» установлены памятники С. П. Королеву, И. В. Курчатову, М. В. Келдышу, В. П. Глушко, А. Н. Туполеву, С. В. Ильюшину, Г. Э. Лангемаку, Ф. В. Токареву.

Пока что памятники и мемориальные доски ученым, а также их музеи и мемориальные кабинеты в большинстве своем локализованы на территории научных учреждений (из последних по времени примеров — памятник академику П. Л. Капице на территории столичного НПО «Гелиймаш», хотя в целом Москва лидирует среди городов мира по количеству памятников ученым³⁰⁶). Высшие учебные заведения, где также имеются такого рода объекты, как и НИИ, в последние годы все чаще приобретают вид закрытых зон. Актуализация мемориального пространства может произойти только посредством включения данных территорий (которые, как правило, хорошо благоустроены и пригодны для проведения экскурсий) в туристические маршруты.

Появились памятники выдающимся советским спортсменам — И. С. Ярыгину, Л. И. Яшину, Э. А. Стрельцову, В. М. Боброву, В. Б. Харламову, Н. П. Старостину и другим. На волне актуализации советских спортивных достижений на государственном уровне (особенно заметной в отечественном кинематографе) активно возводятся новые монументы, формируются пространства мемориализации, как правило, вблизи спортивных объектов. В Москве это украшенные бюстами спортсменов Аллея славы в Лужниках, Аллея героев спорта («детище» проекта «Аллея Российской славы») на территории Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма. Аллея спортивной славы ЦСКА, основанная еще в 1983 г. перед зданием офицерского клуба, «перекочевала» к зданию управления ЦСКА и пополнилась в последние годы новыми бюстами.

Альтернативу увековечению спортсменов «в граните и бронзе» представляют аллеи героев спорта, созданные во многих городах России в рамках всероссийской акции «Динамовский лес» (2017 г.). Деревья, посаженные на аллеях, символизируют победы конкретных спортсменов.

Памятники деятелям литературы и искусства советской эпохи — А. М. Горькому, В. В. Маяковскому, Н. А. Островскому, К. А. Федину, М. А. Шолохову и раньше визуализировали своеобразие места, популяризировали художественное творчество. Данная традиция продолжена в постсоветский период. Скульптуры любимых писателей, актеров и их узнаваемых персонажей активно устанавливаются в публичных пространствах, рекреационных зонах.

³⁰⁶ Харзунтаи И., Харзунтаи М. Наука в Москве: мемориалы исследовательской империи = Science in Moscow. Memorials of a research empire / пер. с англ. под ред. В. М. Тютюника. — Тамбов : Нобелистика, 2021. — 485 с.

Отдельные города, в том числе провинциальные, включили в свой монументальный «арсенал» представителей художественной интеллигенции советского периода, ранее исключенных из официальной коммеморации. Самая популярная фигура увековечения — В. С. Высоцкий, памятники которому возведены в десятках городов, в том числе никак не связанных с его жизнью и творчеством.

Среди территориально мотивированных — воронежские памятники А. Платонову и О. Мандельштаму, мемориальный барельеф Н. Эрдману в Томске. Достопримечательностью Перми стал памятник Б. Пастернаку, Владикавказ — памятник М. А. Булгакову. Монументы стали частью литературной и шире — культурной истории городов.

В качестве примера рассмотрим Владикавказ. М. А. Булгаков является персонажем многочисленных проектов Национальной научной библиотеки республики Северная Осетия — Алания («Литературная карта Северной Осетии: электронный путеводитель», «Литературная карта “говорящего” Владикавказ» и др.). «По-булгаковски» назван ее новый медиапроект — «Записки на манжетах». Множество книжных выставок, литературных вечеров посвящено творчеству писателя. Владикавказский период его жизни представлен на различных краеведческих электронных ресурсах, в трудах местных исследователей. Монументальное увековечение писателя включает мемориальные доски на здании Русского академического театра имени Е. Вахтангова, а также на доме на улице Маяковского, 9, где жил М. А. Булгаков (бывшая улица Слепцовская). Вблизи этого дома на проспекте Мира, главной пешеходной улице Владикавказ, 15 ноября 2012 г. появился памятник работы С. Тавасиева. Бронзовая скульптура писателя, над головой которого развеваются испанские страницы, с котом (Бегемотом) у ног, стала достопримечательностью Владикавказ и включена как объект показа в экскурсионные маршруты. Имя М. А. Булгакова теперь по праву является одним из брендов города.

Однако такие возможности используются далеко не повсеместно. Например, Краснодар стал «местом рождения» С. Я. Маршак как детского поэта. Именно здесь он в 1920 г. организовал один из первых в стране Театр для детей (в этом здании в 2021 г. открыли Театр защитника Отечества) и сочинял для него пьесы, в том числе такие известные, как «Кошкин дом». Пространство коммеморации пока ограничивается мемориальной доской на доме, где жил С. Я. Маршак³⁰⁷. Появление новых культурно-символических объектов, связанных с организацией детского театра любимым поэтом советских детей, стало бы реальным вкладом в продвижение положительного имиджа провинциального города.

Итак, формирование монументального ландшафта в современной России стало следствием социально-политических процессов второй половины

307 Бондарь В. В., Маркова О. Н. К истории пребывания С. Я. Маршак в Екатеринодаре и Краснодаре: дом на Гоголевской улице // Наследие веков. — 2015. — № 1. С. 123–134. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Bondar&Markova.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

1980-х гг. и последующего времени, распада СССР, изменений «рамки памяти», исторической политики, увеличением количества акторов монументальной политики. «Иконоборчество» начального этапа преобразований сменялось стремлением регулировать возведение новых монументальных сооружений, созданием в общероссийском и региональном масштабах соответствующих институций.

Действующими субъектами монументальной политики стали, помимо государства, общественные организации, отдельные граждане. Монументальные инициативы РВИО, проект «Аллея российской славы» оказали значительное воздействие на монументальный ландшафт.

Расширение «списка» фигур увековечения шло в основном за счет тех, кто был исключен из официальной советской коммеморации. Отдельные новые памятники являются воссозданием дореволюционных.

Монументы, посредством которых происходит институционализация травматической памяти, традиционно вызывают противоречивые оценки в обществе.

Большинство советских памятников включено в современный культурный ландшафт, однако их функции и значение существенно изменились. Исключение составляют монументы, увековечивавшие память о Великой Отечественной войне. Именно они, как существующие с советских времен, так и новые, рассматриваются в качестве арсенала формирования патриотических настроений, укрепления общероссийской идентичности и государственности.

4.2. Монументальное увековечение памяти жертв политических репрессий

Идея об увековечении памяти жертв политических репрессий впервые прозвучала в 1961 г. с трибуны XXII съезда КПСС, когда Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев в заключительном слове по отчетному докладу заявил: «Может быть, следует соорудить памятник в Москве, чтобы увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола»³⁰⁸. Как следует из контекста, памятник предлагалось воздвигнуть не всем репрессированным: речь шла лишь о «видных деятелях партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в период культа личности». Тем не менее это предложение не получило дальнейшего развития ни в последующие годы хрущевской оттепели, ни в брежневский период отечественной истории.

Лишь в эпоху перестройки, когда началась демократизация общественно-политической жизни страны, проблема создания памятника жертвам политических репрессий советской эпохи вновь актуализировалась, при этом ини-

³⁰⁸ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. — Ч. 2. — С. 587.

циатива исходила не от властных структур, а от граждан страны. Их письма и обращения о необходимости создания мемориала печатали «Московские новости», «Литературная газета», «Огонек» и другие средства массовой информации. Осенью 1987 г. инициативная группа «За увековечение памяти о жертвах репрессий» (позже — «Мемориал») начала кампанию по сбору подписей под обращением в Верховный Совет СССР с просьбой «разрешить создание МЕМОРИАЛА, посвященного жертвам беззаконий и политического террора сталинского времени». В обращении, под которым подписалось около 45 тыс. человек из разных городов страны, в частности, говорилось: «Обратиться с такой просьбой велит нам совесть и понимание того, что <...> нельзя больше откладывать увековечение памяти о миллионах репрессированных соотечественников». При этом подчеркивалось, что мемориал «должен стать не только выражением всенародной скорби, но и информационно-исследовательским и просветительским центром, препятствующим забвению трагических событий в недавней истории нашей страны»³⁰⁹.

Вопрос о сооружении памятника жертвам репрессий в качестве «политического и нравственного долга» был поднят М. С. Горбачевым на XIX Всесоюзной партийной конференции. В результате 4 июля 1988 г. вышло постановление Политбюро ЦК КПСС «О сооружении памятника жертвам репрессий». Оно обязывало руководителей Министерства культуры СССР и Мосгорисполкома подготовить предложения о создании в Москве памятника «жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности»³¹⁰.

Важной вехой на пути решения проблемы монументальной мемориализации стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х гг. и начала 50-х гг.». Указ, в частности, постановил, чтобы местные Советы народных депутатов совместно с общественными организациями и органами общественной самодеятельности обеспечили оказание помощи реабилитированным, в том числе «в создании памятников жертвам репрессий». С этой целью «при краевых, областных, городских Советах народных депутатов, Верховных Советах союзных и автономных республик» разрешалось создавать «Комиссии из числа народных депутатов и представителей общественности»³¹¹. В свою очередь, постановление Политбюро ЦК КПСС «Об увековечении памяти жертв репрессий периода 30-40-х и начала 50-х гг.» от 28 июня 1989 г. предложило ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, местным Советам народных депутатов «активизировать работу по увековечению памяти жертв репрессий» и принять меры по «сооружению памятников и ме-

309 Обращение Мемориала в ВС СССР // Архив Международного Мемориала. — URL: <http://prequel.memo.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

310 См.: Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 1. — С. 43.

311 Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 186–187.

мориалов»³¹². Расходы, связанные с увековечением памяти жертв репрессий, предполагалось осуществлять за счет государства, а также добровольных средств, собранных гражданами.

Таким образом, в конце 1980-х гг. во властных структурах советского государства появилось понимание того, что увековечение памяти репрессированных граждан не должно сводиться к сооружению одного только монумента, как это предполагалось ранее. Наделение же региональных и местных властей определенными полномочиями для сооружения памятников и мемориалов жертвам политических репрессий способствовало развитию процесса децентрализации монументальной политики, что станет характерной особенностью постсоветских десятилетий. С начала 1990-х гг. многие монументальные практики коммеморации возникают на региональном уровне по инициативе местных властей, общественных организаций и просто групп граждан.

В 1988–1990 гг. состоялись первые конкурсы на создание мемориалов жертвам политических репрессий. С 19 по 26 ноября 1988 г. в Доме культуры Московского электролампового завода (ДК МЭЛЗ) прошла Неделя совести — масштабное мероприятие, которое изначально задумывалось как выставка проектов и предложений по созданию в Москве мемориала жертвам политических репрессий. Одним из ее организаторов был журнал «Огонек», публиковавший на своих страницах приглашение читателям — не только профессионалам, но и всем желающим — принять участие в конкурсе проектов³¹³. В качестве основных критериев оценки работ выступали степень обобщения темы национальной трагедии и наличие потенциального образа. 27 декабря 1988 г. в газете «Советская культура» появилось сообщение о том, что, в соответствии с установками XIX Всесоюзной партийной конференции, Министерство культуры СССР, Госкомархитектура, Академия художеств СССР, Союз художников СССР и Союз архитекторов СССР объявили Всесоюзный открытый конкурс на лучший проект памятника жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности. В конкурсе могли принять участие скульпторы, архитекторы, художники и дизайнеры³¹⁴. На конкурс было прислано несколько сотен проектов в виде макетов, текстов-описаний, эскизов, однако жюри так и не смогло выбрать лучший из них для реализации³¹⁵. Безрезультатными оказались и конкурсы на монументальное увековечение памяти жертв политических репрессий, объявленные в 1990 г. Ленинградским городским советом.

Поскольку возведение мемориальных комплексов требовало немало времени и больших финансовых затрат, общество «Мемориал» стало устанавливать «временные знаки памяти, которые могли влиять на формирование

312 См.: Фонд Александра Н. Яковлева. — URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/67903> (дата обращения: 02.09.2021).

313 См.: Огонек. — 1988. — № 29. — С. 31; Огонек. — 1988. — № 42. — С. 5

314 См.: Конкурс открыт // Советская культура. 1988. 27 дек. — С. 2.

315 Подробнее см.: Память в проекте // Международный Мемориал. — URL: <http://www.project.memo.ru/> (дата обращения: 12.11.2021).

памяти здесь и сейчас»³¹⁶. Одним из таких мест стала Лубянская площадь в Москве, где 30 октября 1990 г. по инициативе общественности и на средства правительства Москвы в сквере перед Политехническим музеем, напротив здания органов госбезопасности, был установлен гранитный валун. На поверхности срединной плиты его постамента высечена надпись: «Этот камень доставлен обществом «Мемориал» из Соловецкого лагеря особого назначения и установлен в память о миллионах жертв тоталитарного режима». Изначально установленный как закладной валун будущего национального мемориала жертвам политических репрессий Соловецкий камень стал самостоятельным памятником и в силу своей исторической и мемориальной значимости со временем приобрел статус объекта культурного наследия федерального значения.

4 сентября 1990 г. на ленинградской площади Революции (Троицкой) состоялось торжественное открытие закладного камня с надписью: «На этом месте будет установлен памятник жертвам политических репрессий в Петрограде — Ленинграде». Открытие самого памятника состоялось лишь спустя 12 лет — 4 сентября 2002 г., когда на средства, собранные главным образом бывшими политзаключенными, общество «Мемориал» смогло организовать экспедицию, доставившую камень с Соловецких островов. На боковых гранях гранитного постамента Соловецкого камня выбиты надписи: «Узникам ГУЛАГа», «Борцам за свободу», «Жертвам коммунистического террора», «Хотелось бы всех поименно назвать / Анна Ахматова»³¹⁷.

В 1990 г. началась реализация масштабного проекта «Треугольник скорби»: создание основанных на символе маски трех монументов в трех опорных точках ГУЛАГа — в Свердловске (Екатеринбург — с сентября 1991 г.), Магадане и Воркуте. 24 апреля 1990 г. Свердловское общество «Мемориал» и Свердловский горисполком заключили договор со скульптором Эрнстом Неизвестным на создание художественного произведения «Мемориал жертвам сталинских репрессий» в технике горельефа, высотой 15 метров³¹⁸. В июле 1990 г. аналогичный договор с Эрнстом Неизвестным заключил исполком Магаданского городского совета народных депутатов. Этому предшествовало общественное обсуждение создания мемориала, в ходе которого высказывались различные точки зрения, но подавляющее большинство магаданцев идею поддержали³¹⁹.

Как впоследствии вспоминала председатель Екатеринбургского общества «Мемориал» А. Я. Пастухова, «само обращение к недавно запрещенному художнику уже несло для нас смысл освобождения от тоталитаризма. Все творчество скульптора воспринималось как внутреннее сопротивление,

316 Богумил З. Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 3. — С. 11–29.

317 Соловецкий Камень на Троицкой площади в Санкт-Петербурге // Виртуальный музей ГУЛАГа. — URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=550783466&language=1> (дата обращения: 03.11.2021).

318 См.: Грехова И. Г., Позодин С. А., Фадеев Л. А. Предостережение ныне живущим. Из истории создания «Масок скорби» // Веси: Спецвыпуск. — 2017. — № 10. — С. 9.

319 Подроб. см.: Симонова С. «Маска скорби» Эрнста Неизвестного в Магадане // Министерство культуры и туризма Магаданской области. — URL: https://minkult.49gov.ru/press/news/?id_4=15169 (дата обращения: 03.11.2021).

преодоление, “прохождение сквозь стену”, по названию одной из его работ». Памятник жертвам политических репрессий сам скульптор обозначил как памятник «коммунистической утопии»³²⁰. В одном из интервью Э. Неизвестный поделился мнением о жертвах репрессий: «Я рассматриваю то, что произошло в Советском Союзе, как антропологическое преступление, направленное против человека вообще. <...> Сейчас у вас идут споры — кого считать жертвой... Жертвы все — и палачи, и казнимые. Повторяю, по моему убеждению, это была антропологическая катастрофа, <...> палач — тоже жертва, жертва ситуации. Все жертвы»³²¹.

Строительство мемориала в Магадане велось на средства правительства России, добровольные пожертвования российских граждан и города-побратима Анкориджа (США), личного вклада Э. Неизвестного, передавшего в фонд сооружения мемориала всю сумму причитающегося ему авторского вознаграждения. Как впоследствии вспоминал архитектор мемориала Камиль Козаев, в условиях сложной экономической ситуации в стране вопрос финансирования во многом удалось решить благодаря обращению Э. Неизвестного к президенту Б. Н. Ельцину, поставившему на письме скульптора, которое ему передал А. Н. Яковлев, резолюцию об оплате строительства³²².

12 июня 1996 г. состоялось открытие мемориала «Маски скорби», возведенного в 4 км от центра Магадана, на вершине сопки Крутой, у подножия которой находился пересыльный пункт для этапирования заключенных в разные лагеря Колымы. Центральная скульптура мемориала представляет собой стилизованное человеческое лицо, на котором застыла пролитая из левого глаза каменная слеза в виде женских, мужских и детских лиц-масок. Правый глаз изображен в виде окна с решеткой и ветровым колоколом. Узкая лестница в правой части лица ведет внутрь скульптуры, где воссоздана одиночная камера барака усиленного режима. С обратной стороны монумента — неканоническое распятие и скульптура скорбящей молодой женщины. На площадке перед «Маской» — 11 бетонных блоков с названиями самых страшных колымских лагерей. К монументу ведет длинная лестница, вдоль которой лежат валуны с высеченными символами основных религий мира; на одном из них — символика советской эпохи: звезда, серп и молот³²³.

Параллельно с созданием «Масок скорби» в Магадане началась работа над мемориалом в Свердловске. Его концептуальное видение Свердловское общество «Мемориал» изложило в листовке в 1990 г.: «Лики скорби. Каменные слезы. Монумент будет воздвигнут на границе двух континентов: евро-

320 Пастухова А. Я. «Долгая дорога к совести»: из истории создания памятника работы Эрнста Неизвестного жертвам государственного террора в Екатеринбурге // Эрнст Неизвестный и неонконформизм в искусстве СССР: Круглый стол к 90-летию со дня рождения Э. И. Неизвестного, Екатеринбург, 8 апреля 2015 г.: материалы. — Екатеринбург: Квадрат, 2015. — С. 70.

321 Фадеев Л. А. Свобода быть собой. «Маски скорби» и тема политических репрессий в искусстве Эрнста Неизвестного // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 3. — С. 46.

322 См.: Козаев К. Т. Первая «Маска скорби» // Веси. — 2019. — № 8. — С. 80.

323 Подроб. см.: Стельмах К. И. Монумент «Маска скорби» в Магадане. К истории создания // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 3. — С. 52–54.

пейское лицо смотрит в Азию, азиатское обращено в Европу. Так в нашем самоощущении нерасторжимы оба эти начала. И в обе стороны необъятной нашей страны разлилось море человеческого горя.

Никакой патетики. Никакого надрыва. Отрешенные от сегодняшней суеты, лишённые каких-либо индивидуальных черт, эти лица — обобщенный образ народной трагедии. И лики замученных во время террора людей, как слезы прожгли нашу память, наши души... Скорбное размышление о судьбе страны и народа: ОТКУДА МЫ? КТО МЫ? КУДА МЫ ИДЕМ?»³²⁴.

Э. Неизвестный за свой счет изготовил и передал заказчику сначала эскиз, а потом и рабочую модель будущего монумента. Более крупная, пятиметровая рабочая модель была создана на производственных площадях Свердловского творческо-производственного комбината Союза художников России, утверждена и принята обществом «Мемориал». В общественный фонд сооружения мемориала перечисляли средства спонсоры, граждане, федеральное правительство, а сам скульптор работал бесплатно, поскольку свой гонорар в 700 тыс. долларов он уже на стадии заключения договора распорядился передать на создание монумента.

Тем не менее мемориал в Екатеринбурге так и не появился: наряду с финансовыми проблемами, вызванными экономической нестабильностью, возникли сложности, связанные с неоднозначным отношением к строительству со стороны общественности. Кампанию против его установки развернули отдельные представители ряда организаций, а также Русской православной церкви. В январе 1993 г. архиепископ Екатеринбургский и Курганский Мелхиседек обратился в Екатеринбургский горсовет и в средства массовой информации с письмом, в котором, в частности, писал: «Зададимся вопросом, — культурные традиции какого народа и сакральную практику какого народа представляет «дар» художника Неизвестного? Мы не знаем такого народа — если не считать отдельным народом отдельных художников в створе с отдельными чиновниками»³²⁵. Наряду с прочими доводами против возведения мемориала, архиепископ выдвинул и аргумент о том, что памятник может оскорбить чувства православных христиан, составляющих основную часть репрессированных. Вместо «Масок» следовало, по его мнению, установить каноническую форму памятника убиенным: храм, часовню и крест. Эта точка зрения нашла поддержку и в обращении представителей ряда общественных организаций к депутатам Екатеринбургского городского совета.

Сторонники установки мемориала, а их было немало, обращали внимание своих оппонентов, что среди репрессированных были люди и других вероисповеданий, а также неверующие разных национальностей. Именно проект Э. Неизвестного, по их мнению, преодолевает замкнутость одной религии, од-

324 Цит. по: *Пастухова А. Я.* «Долгая дорога к совести»: из истории создания памятника работы Эрнста Неизвестного жертвам государственного террора в Екатеринбурге... С. 69.

325 Обращение архиепископа Екатеринбургского и Курганского Мелхиседека в Екатеринбургский городской совет и СМИ. Из фондов СОКМ // *Грехова И. Г., Логодин С. А., Фадеев Л. А.* Предостережение ныне живущим. Из истории создания «Масок скорби»... С. 11.

ной национальности, поскольку в нем присутствует «условный, обобщенный образ всечеловеческой скорби, где главное — человек, а не религиозные или национальные признаки»³²⁶.

В условиях социального конфликта и финансовых сложностей администрация Екатеринбурга отказалась от сооружения монумента. К вопросу о его создании власти вернулись лишь спустя 20 лет, когда состоялось открытие Художественного музея Эрнста Неизвестного. Рассматривались разные варианты установки памятника, но в итоге местом его размещения выбрали Мемориальный комплекс жертв политических репрессий 1930–1950-х гг., находящийся на 12-м км Московского тракта. По согласованию с Э. Неизвестным, изменили размеры и материал мемориала: вместо 15-метрового гранитного монумента был создан 3,5-метровый бронзовый памятник «Маски скорби: Европа — Азия»; его торжественное открытие состоялось в ноябре 2017 г.

По оценке А. Я. Пастуховой, размещение монумента «за городом, в лесу» стало компромиссным решением, поскольку «этот памятник — не надгробие, а осмысление национальной трагедии. Это городской объект и должен бы стоять все-таки в центре Екатеринбурга»³²⁷. Вместе с тем, полагает она, установка монумента на месте массовых захоронений расстрелянных в годы сталинских репрессий, возможно, приведет к тому, что мемориальный комплекс станет более удобным и доступным для посещения. Что же касается третьего монумента «Треугольник скорби», который предполагалось установить в Воркуте, то он существует только на бумаге и в виде модели, созданной Э. Неизвестным.

Одновременно с началом официальной деятельности «Мемориала» активное участие в коммеморативных практиках стала принимать Русская православная церковь, проводившая иную мемориальную стратегию. Ее интерпретация опыта ГУЛАГа основывалась на понятиях «новомученики», «исповедники», «преследования за веру», «Голгофа России», а на местах массовых захоронений, лагерей и других связанных с репрессиями объектов сооружались часовни, храмы и кресты, формирующие православную инфраструктуру памяти. Среди коммеморативных проектов РПЦ наибольшую известность приобрела мемориализация Бутовского полигона.

Здесь, на территории стрелкового полигона НКВД рядом с подмосковным поселком Бутово, в 1937–1938 гг. с соблюдением режима строгой секретности производились захоронения жителей Москвы и Подмосковья, приговоренных к расстрелу по делам Московского УНКВД. Документально не установлено, производились ли расстрелы на месте, или же в Бутово захоранивали тела казненных в Москве. О расстрелах свидетельствуют лишь устные сообщения бывших сотрудников НКВД и рассказы местных жителей. Согласно экспертному заключению архивной службы ФСК от 06.04.1993 г., в Бутове захоронено

326 Грехова И. Г., Погодин С. А., Фадеев Л. А. Указанное соч. С. 12.

327 Пастухова А. Я. «Долгая дорога к совести»: из истории создания памятника работы Эрнста Неизвестного жертвам государственного террора в Екатеринбурге... С. 76.

25–26 тыс. человек. Среди них — представители свыше 60 национальностей из разных социальных слоев, в т. ч. граждане других государств. Территория Бутовского полигона находилась в ведении органов госбезопасности и тщательно охранялась до 1995 г., когда ФСБ передала ее Русской православной церкви. 9 августа 2001 г. постановлением правительства Московской области Бутовский полигон получил статус памятника истории и культуры местного значения. Его общая площадь вместе с охранными зонами составляет 100,9 га³²⁸.

В мае 1994 г. по инициативе и на средства Православного Свято-Тихоновского Богословского института на Бутовском полигоне был установлен Поклонный крест с надписью: «На месте сем будет сооружен храм в честь новомучеников и исповедников Российских, в память об иерархах, клириках, монашествующих и мирянах, за веру и правду жизни положивших и мученическую кончину здесь принявших»³²⁹. В 1996 г. в западной части захоронения состоялось освящение небольшой деревянной церкви, а в мае 2007 г. — каменного храма святых Новомучеников и Исповедников Российских, возведенного на месте бывшей комендатуры полигона. Рядом с ним 7 августа 2007 г. установили 12-метровый Поклонный крест из трех видов дерева, изготовленный на Соловках в Кресторезной палате Спасо-Преображенского монастыря. При финансовой поддержке правительства Москвы его доставили в российскую столицу по рекам-каналам, построенным заключенными: Беломорканалом, через Онегу по каналам на Волге и по каналу имени Москвы. Этот двухнедельный транспортный путь превратился в крестный ход с остановками в ряде городов, где служились панихиды и всенощные³³⁰.

«Бутовский полигон» стал утверждаться главным образом как православный мемориальный комплекс, и его руководителям это представлялось вполне естественным, поскольку «большинство русских все-таки исповедуют православную веру, а большинство погибших здесь были русскими». Как пояснил в одном из интервью исследовательнице Веронике Дорман настоятель храма святых Новомучеников Кирилл Каледа, «пространственная поминальная традиция есть в одном лишь Православии. Евреи и мусульмане не воздвигают мемориалов в память о погибших. И кроме того, мы предлагаем им помянуть своих усопших в наших храмах, будь то с нами или без нас, если они того желают»³³¹. Таким образом, считает В. Дорман, «мемориальная деятельность Церкви осуществляется через пространственную организацию, и в пространстве, которое она структурирует в соответствии со своими нуждами, не всегда остается место для других мемориальных инициатив». Этим объясняется, в

328 См.: Место массовых расстрелов и захоронений на Бутовском полигоне // Виртуальный музей ГУЛАГа. — URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=590671579&language=1> (дата обращения: 03.11.2021).

329 Поклонный крест // Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfd/pam/?t=pam&id=222&pic=3> (дата обращения: 03.11.2021).

330 Подроб. см.: Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. — 2010. — № 2. — С. 333–338.

331 Там же. С. 341.

частности, «и невозможность для представителей любой другой веры, кроме православной, возвести религиозный памятник на территории Бутово»³³².

Не отрицая важность и значимость коммеморативных практик Русской православной церкви, представители общественности и исследователи обращают внимание на избирательный характер сохраняемой ею культурной памяти: православные коннотации исключают из нее репрессированных представителей иных конфессий и атеистов. «Возвращение к религиозной символике в памяти о ГУЛАГе нарушает его историческую специфику, — считает Александр Эткинд. — <...> Светский, политический характер советского террора делает его религиозную интерпретацию недостаточной или невозможной»³³³.

Немаловажным является и то обстоятельство, что, выбрав свободную от политизации форму почитания мучеников, церковь не касается вопроса об осуждении виновных и об ответственности за репрессии. Она не проводит различия между жертвами и теми палачами, которые впоследствии также были казнены, поскольку считает, что в силу насильственной смерти они тоже стали мучениками. «Далеко не все в России согласны с таким подходом, — считает А. М. Хазанов. — Таким образом, не только память, но и церемонии поминовения становятся спорными и разъединяющими»³³⁴.

Во второй половине 1990-х гг. среди монументальных практик появился международный проект. В целях увековечения памяти советских и польских граждан — жертв политических репрессий, захороненных в Катynie (Смоленская область) и Медном (Тверская область), правительством Российской Федерации 19 октября 1996 г. было принято постановление о создании в этих местах мемориальных комплексов, имеющих статус государственных учреждений.

Мемориальный комплекс «Катень» расположен в 20 км от центра Смоленска в так называемом Катынском лесу, где захоронено около 10 тыс. советских граждан, расстрелянных в Смоленске в 1930–1940-е гг. Весной 1940 г. здесь были казнены и захоронены свыше 4000 польских военнопленных офицеров — заключенных Козельского лагеря. Мемориальный комплекс «Медное» находится в 32 км от Твери на территории, где в 1930–1940-е гг. производились захоронения расстрелянных советских граждан, а весной 1940 г. — более 6 тыс. расстрелянных в Калинин польских военнопленных, заключенных Осташковского лагеря НКВД СССР. Организаторами создания и инвесторами строительства мемориалов выступили Министерство культуры Российской Федерации и Совет по охране памяти, борьбы и мученичества Республики Польша³³⁵.

332 Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России... С. 341.

333 Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — С. 244.

334 Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России // Историческая экспертиза. — 2017. — № 1. — С. 46.

335 См.: Мемориальный комплекс «Катень» // Виртуальный музей ГУЛАГа. — URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=248836079&language=1> (дата обращения: 01.12.2021); Мемориальный комплекс «Медное» // Виртуальный музей ГУЛАГа. — URL: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=152314&language=1> (дата обращения: 01.12.2021).

Победителем конкурса проектов создания мемориальных комплексов стала мастерская № 4 Союза архитекторов России под руководством М. Д. Хазанова. Согласно техническому заданию, ей предстояло создать в Катини совместный российско-польский памятник жертвам репрессий с единым пространственно-планировочным решением. При этом польское военное кладбище должно было стать автономной доминантой в рамках этой общей композиции. По обоюдному согласию обеих стран на территории мемориала не планировалось возводить культовые сооружения, чтобы не разделять погибших по конфессиям.

Главный архитектор проекта Н. Г. Шангин так изложил концептуальное видение монумента: «Мы отказались от шаблонов монументальности соцреализма, сделав акцент на символическую сторону. Главным объектом мемориала для нас являлся сам Катинский лес, выросший на костях тысяч невинно убиенных, сама земля, наполненная этими костями. <...> Поэтому мы старались максимально вписать архитектурные сооружения в существующий ландшафт. Например, одним из решений стали дорожки на сваях, чтобы посетители проходили над землей, хранящей мертвых, не попирая их прах. Сознательно отказались от таких штампов, как скорбящие фигуры, или рвущих оковы атлетов. Мы стремились погрузить посетителя в прошлое, чтобы он сам на себе почувствовал в полной мере то, что здесь творилось»³³⁶. Важной составляющей проекта было мемориальное сооружение «Дорога в вечность» — уходящий в небо и обрывающийся в воздухе пандус над берегом Днепра. Рядом с ним предусматривалась главная ритуальная площадка, служившая и кровлей музейного комплекса, заглубленного ниже уровня земли. Но в итоге этот проект так и не был реализован.

Из-за задержки финансирования проекта российской стороной ввод всего комплекса был перенесен на более поздний срок. В итоге польская сторона к 60-летию катынской трагедии самостоятельно обустроила польское военное кладбище в глубине Катинского леса, а российская сторона построила ту часть мемориала, без которой его открытие не могло состояться: входную группу с павильоном главного входа, две ритуальные площадки и подъездные дороги, ведущие к польской части комплекса. На участке, где проводились работы, частично обустроили братские могилы советских граждан. 28 июля 2000 г. состоялось торжественное открытие мемориала «Катынь» с участием заместителя председателя правительства Российской Федерации В. П. Христенко и председателя правительства Республики Польша Ежи Бузека.

В дальнейшем на территории мемориального комплекса появились сооружения, изначально проектом не предусмотренные: над девятью безымянными братскими могилами в 2000 г. был установлен 10-метровый православный крест и организована площадка для проведения мемориальных церемо-

³³⁶ «Катынь — не место выяснения польско-российских отношений» [Интервью ИА Regnum с Никитой Шангиным, 7 февраля 2017 г.] // Regnum. — URL: <https://regnum.ru/news/society/2235857.html> (дата обращения: 01.12.2021).

ний. «Впоследствии, уже полностью игнорируя наш проект и планировочно, и стилистически, даже не поставив нас в известность, построили православный храм, совершенно неуместной здесь пряничной архитектуры», — рассказал в интервью Н. Г. Шангин.

В 2018 г. на территории так называемой Долины смерти, где расположены массовые захоронения советских граждан, состоялось торжественное открытие скульптурной композиции — памятника «Расстрел» и Стены памяти, на которой увековечены имена 8,5 тыс. граждан, расстрелянных в годы репрессий на территории Смоленской области. Автор проекта — народный художник России А. Н. Ковальчук.

Одной из специфических форм политических репрессий в СССР были депортации народов, в отношении которых на государственном уровне проводилась «политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, прекращением национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения»³³⁷. Увековечение памяти жертв этнических депортаций становится важной составляющей монументальной коммеморации постсоветского периода.

Первые памятники и памятные знаки жертвам депортаций появились на рубеже 1980–1990-х гг.³³⁸ В постсоветский период, наряду с установкой закладных камней, стали создаваться и крупные мемориальные комплексы в Калмыкии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне и др. Инициаторами их сооружения нередко выступали республиканские власти.

В Калмыкии первым памятником депортированным стал камень-известняк, установленный в 1992 г. в центре Элисты на средства администрации города. Его доставили из Пермской области с места захоронения репрессированных фронтовиков Калмыкии, умерших при сооружении Широковской ГЭС в 1944–1945 гг.³³⁹

28 декабря 1996 г. в восточной части Элисты состоялось торжественное открытие мемориала «Исход и возвращение», посвященного памяти депортированных калмыков; его создали по инициативе президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова на средства правительства республики³⁴⁰. Авторами мемориала стали скульптор Эрнст Неизвестный и архитектор С. Е. Курнеев. Бронзовый монумент, отлитый в США, доставили в Элисту и установили на вершине искусственного кургана, заложив под памятником капсулу с землей из мест ссылки калмыков. Делясь с жителями республики концептуальным видением памятника, Э. Неизвестный говорил: «Прежде всего, он должен

337 Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Ст. 2.

338 Подроб. см.: Полян П. М. Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 3. — С. 30–48.

339 Памятник жертвам сталинского геноцида // Памятники и памятные знаки жертвам репрессий на территории бывшего СССР. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=60> (дата обращения: 03.10.2021).

340 Монумент жертвам депортации калмыцкого народа «Исход и возвращение» // Памятники и памятные знаки жертвам репрессий на территории бывшего СССР. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=61> (дата обращения: 03.10.2021)

быть монолитным, ибо выразит единую скорбь, единое страдание калмыцкого народа»³⁴¹. Мемориальный комплекс, призванный выразить стойкость духа калмыцкого народа, сумевшего выстоять и вернуться на родную землю, наполнен символами, метафорами и аллегориями.

На вершину кургана ведет спиралевидная дорога, поднимаясь по которой человек, по замыслу скульптора и архитектора, совершает соответствующий ритуалу поминования у калмыков обход вокруг монумента. У подножия кургана — мемориальная плита, на которой высечен отрывок из стихотворения «От правды я не отрекался» Давида Кугультинова: «Я знал, что мой народ в лесах Сибири / Нашёл друзей и вновь душой окреп / Среди лучших русских, / Среди щедрейших в мире, / Деливших с нами и судьбу и хлеб».

23 февраля 1997 г., в день 53-й годовщины депортации ингушей, в Назрани состоялось торжественное открытие «Мемориального комплекса жертвам политических репрессий», созданного на средства от пожертвований граждан. Памятник выполнен в виде девяти ингушских башен, совмещенных друг с другом и опутанных колючей проволокой. За эту работу автор проекта — народный художник Российской Федерации Мурад Полонкоев — был удостоен Золотой медали Российской академии художеств³⁴².

В Кабардино-Балкарии решение о сооружении мемориала жертвам репрессий было принято на республиканском уровне в 1989 г., когда на предполагаемом для строительства месте был установлен закладной камень. Однако открытие «Мемориала жертв политических репрессий 1944–1957 гг.» состоялось 8 марта 2002 г., в 58-ю годовщину депортации балкарского народа. Мемориал создан по проекту архитектора М. Гузиева в виде мавзолея, построенного с использованием балкарских приемов зодчества³⁴³.

В 2011 г., анализируя ситуацию в области монументального увековечения памяти жертв политических репрессий, Совет по правам человека при Президенте России признал ее неудовлетворительной, поскольку «почти все памятники и памятные знаки установлены безо всякого, даже символического, участия федеральной власти». В подавляющем большинстве случаев «памятные знаки установлены по инициативе и на средства общественных организаций, частных лиц, отдельных муниципальных учреждений культуры и образования, <...> иногда — муниципальных властей, изредка — с участием региональных администраций. Множество, если не большинство памятных знаков — установленные 15–20 лет назад закладные камни будущих полноценных монументов. Однако из-за отсутствия необходимых денежных средств монументы на месте закладных камней почти нигде не появились. <...> В Центральной России, где живет большинство

341 Сагаджиева Д. В. «Мемориальный комплекс “Исход и Возвращение” в Элисте — память о депортации калмыцкого народа» // Искусство Евразии. — 2020. — № 1. — С. 308. — DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.023.

342 Мемориальный комплекс жертвам репрессий. — URL: <http://memorialing.ru/> (дата обращения: 03.09.2021).

343 Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 гг. — URL: <https://memorialbn.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).

населения страны, памятники, посвященные истории политических репрессий, вообще довольно редки»³⁴⁴.

Согласно базе данных «Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР», составленной Сахаровским центром, в России насчитывается 893 памятника и памятных знака³⁴⁵. Преобладают мемориальные доски, закладные камни, поклонные и поминальные кресты. При этом подавляющее большинство мемориальных сооружений не занимают центрального места в общественном пространстве, располагаются на окраинах городов или в отдаленных, порой труднодоступных местах, где прежде находились лагеря, проходили массовые казни и захоронения репрессированных. Между тем многие центральные улицы городов по-прежнему носят имена людей, в той или иной степени причастных к террору. Поэтому, по мнению правозащитника А. Б. Рогинского, «совмещение сегодняшней городской топонимики, унаследованной от советской эпохи, и памяти о жертвах, унесенной на окраины, — вот наглядный образ состояния исторической памяти о сталинизме в России»³⁴⁶.

Увековечивая память о репрессированных, «скульптуры, часовенки, кресты, закладные камни» не содержат «образа преступления». Поэтому в памяти, которую они формируют, нет «преступников», есть только «жертвы — то ли стихийного бедствия, то ли какой-то иной катастрофы, источники и смысл которой остаются массовому сознанию непостижимыми»³⁴⁷. Большинство памятников содержат надпись: «Жертвам политических репрессий», но вопрос об ответственности за репрессии остается неясным, поскольку «образы деполитизированы, в них нет ничего от советских эмблем, и они не рассказывают об идеологии, стоявшей за убийствами, — считает А. Эткинд. — И даже в самых масштабных памятниках не хватает необходимой информации»³⁴⁸.

Нельзя не согласиться с А. М. Хазановым, что памятники жертвам репрессий ставят перед их создателями гораздо более сложные концептуальные и художественные проблемы, чем памятники героям. Ведь даже их основное предназначение является спорным: «Должны ли они вызывать скорбь, хранить память, обвинять, воспитывать или объединить все эти функции?»³⁴⁹. Однако проблема адекватного символического воплощения трагических событий советской истории связана не только со сложностями художественного решения, но и с отсутствием в обществе консенсуса относительно оценки советского прошлого. «В России так и не возникли государственные ритуа-

344 Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // Российская газета. 2011. 07 июля. — URL: <https://rg.ru/2011/04/07/totalitarizm-site.html> (дата обращения: 01.12.2021).

345 Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list> (дата обращения: 20.10.2021).

346 Рогинский А. Б. Память о сталинизме. Выступление на конференции «История сталинизма». Москва, 5 декабря 2008 г. — URL: <http://www.hro.org/node/3916> (дата обращения: 03.09.2021).

347 Там же.

348 Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных... С. 240.

349 Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России... С. 43.

лы коммеморации жертв советского режима, а высшие государственные лица не принимали участия в подобных церемониях коммеморации, — пишет А. И. Миллер. — Преступный характер режима не был признан ни на юридическом, ни на политическом уровне»³⁵⁰.

Единственный российский законодательный акт, напрямую осуждающий репрессивную систему советского государства, — закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». В его преамбуле говорится, что «за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения по социальным, национальным и иным признакам». Подчеркивается, что «многолетний террор и массовые преследования своего народа» несовместимы «с идеей права и справедливости»³⁵¹. Однако после принятия этого закона политико-правовой оценки многолетнего массового террора так и не последовало.

В начале 2011 г. рабочая группа по исторической памяти Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека разработала «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». 1 февраля 2011 г. документ был представлен президенту Д. А. Медведеву на заседании Совета в Екатеринбурге³⁵².

Проект предлагал важные политические и правовые шаги — юридическую оценку преступлений коммунистического режима, их политическое осуждение. Наряду с другими предложениями об увековечении памяти жертв репрессий, были обозначены и направления в области монументальной политики. В частности, говорилось о необходимости создать в центре столицы общенациональный памятник жертвам государственного террора в качестве символического акта, закрепляющего осуждение преступлений тоталитарного режима, а также двух музейно-мемориальных комплексов, посвященных истории террора, в Москве и Санкт-Петербурге. Предлагалось разработать федеральную программу установки памятников во всех крупных городах России, где их нет, или там, где они находятся на периферии городского пространства или же обозначены закладными камнями.

Вокруг проекта развернулась дискуссия между его сторонниками и противниками³⁵³. По поручению главы государства Д. А. Медведева была создана межведомственная рабочая группа, представившая в конце 2013 г. «Проект концепции федеральной целевой программы на 2014–2018 гг. “Об увековече-

350 Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI в. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 330.

351 Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». — URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-18101991-n-1761-1-s/>

352 Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // Российская газета. 07.04.2011. — URL: <https://rg.ru/2011/04/07/totalitarizm-site.html> (дата обращения: 01.12.2021).

353 См.: Миллер А. И. Историческая политика в России... С. 354–356.

нии памяти жертв политических репрессий»». Но поддержку правительства и федеральных ведомств проект не получил.

15 августа 2015 г. правительство РФ утвердило Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий; ее предполагалось реализовать до 2019 г., но затем сроки продлили до 2024 г. Среди показателей эффективности достижения целей Концепции — увеличение количества мемориальных объектов, в том числе произведений монументального искусства³⁵⁴. В рамках реализации Концепции 18 апреля 2016 г. по инициативе Музея истории ГУЛАГа был учрежден Фонд «Увековечения памяти жертв политических репрессий» (Фонд Памяти), который аккумулирует частные и корпоративные пожертвования. В числе приоритетных направлений работы Фонда Памяти значатся, в частности, музеефикация и мемориализация объектов, связанных с историей репрессий, и поддержка музеев памяти и мемориальных центров.

Первым крупным проектом, реализованным в рамках Концепции по увековечению памяти жертв политических репрессий, стал мемориал «Стена скорби», возведенный в Москве на пересечении проспекта Академика Сахарова и Садового кольца. Он создавался по инициативе широкой общественности и правозащитников на средства правительства Москвы и народные пожертвования. По итогам открытого творческого конкурса победителем стал проект памятника работы скульптора Г. В. Франгуляна, и 30 сентября 2015 г. президент В. В. Путин подписал указ «О возведении мемориала жертвам политических репрессий»³⁵⁵.

Мемориал высотой 6 метров и длиной 35 метров представляет собой двусторонний бронзовый горельеф с множеством безликих человеческих фигур, символизирующих масштабность репрессий. В стене сделаны просветы-двери в форме человеческих силуэтов, проходя через которые, можно почувствовать себя на месте репрессированных и осознать ценность человеческой жизни. Края барельефа — скрижали, на которых на 22 языках высечена заповедь «Помни». Площадь перед памятником выложена камнями, присланных Г. В. Франгулянцу из регионов России, история которых связана с репрессиями XX в. Своего рода заградительные надолбы вынуждают посетителей идти к памятнику шеренгами, как на расстрел³⁵⁶.

Открывая мемориал 30 октября 2017 г., в День памяти жертв политических репрессий, президент В. В. Путин, в частности, сказал: «Репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед Родиной, ни искреннюю преданность ей,

354 Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. — URL: http://president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/kontseptsiya_gosudarstvennoy_politiki_po_uvekovecheniyu_pamyati_zhertv_politicheskikh_repressiy/ (дата обращения: 01.12.2021)

355 Указ Президента Российской Федерации «О возведении мемориала жертвам политических репрессий» от 30.09.2015 г. № 487 // Правительство Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/docs/all/103554/> (дата обращения: 01.12.2021).

356 Мемориал «Стена скорби» // Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfd/pam/?t=pam&id=1522> (дата обращения: 01.12.2021).

каждому могли быть предъявлены надуманные и абсолютно абсурдные обвинения. Миллионы людей объявлялись “врагами народа”, были расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем, лагерей и ссылки. Это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и, тем более, невозможно ничем оправдать, никакими высшими так называемыми благами народа. <...> Наш долг — не допустить забвения. Сама память, четкость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий служат мощным предостережением от их повторения»³⁵⁷.

Мемориал вызвал неоднозначные оценки в российском обществе: одни сочли спорным необходимость его создания, другие увидели в нем символический акт, закрепляющий осуждение преступлений тоталитарного режима, третьи критиковали его образный строй и идейный смысл, в котором не прочтывается осуждение властных структур, организовавших и осуществлявших политические репрессии³⁵⁸. Тем не менее, открытие «Стены скорби» стало в какой-то степени историческим событием, ведь о необходимости создания в Москве общенационального мемориала жертвам политических репрессий говорилось со времен перестройки. Его появление стало не только символической победой общественности и правозащитников, но и важной вехой в истории монументальной политики постсоветской России.

4.3. Религиозно-духовные аспекты в формировании монументального ландшафта постсоветской России

Появление и стремительное развитие религиозного направления в российских монументальных практиках постсоветского периода явилось материальным отражением сложных социально-политических процессов, начавшихся в стране в конце 1980-х гг. В условиях слома обеспечивавшей функционирование СССР государственной идеологии социализма и при отсутствии равноценной ей замены «наиболее простым путем формирования массовой идеологической базы была избрана дуалистическая ориентация на возрождение традиционализма и религиозности, которые ранее ограничивались, а порой даже преследовались коммунистическим режимом»³⁵⁹. На высшем уровне традиционные конфессии страны были приравнены к «ядерному щиту России» и названы «составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения вну-

357 Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» // Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата обращения: 01.12.2021).

358 См., напр.: *Сергей Черняховский*. «Создание памятника «жертвам политических репрессий» — спорная затея». — URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2017/10/31/istoriya-khkh-veka/813479-neudachnaya-zateya>; *Лев Пономарев*. Предлагать обществу простить преступления государства против человечности не имеет права никто! — URL: <https://mhg.ru/predlagat-obshchestvu-prostitit-prestupleniya-gosudarstva-protiv-chelovechnosti-ne-imeet-prava-nikto>. (дата обращения: 01.12.2021).

359 *Будкин В. С.* Государство и религия на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. — 2007. — Т. 1. — № 5. — С. 25.

тренней и внешней безопасности страны»³⁶⁰. Ведущая роль была ожидаемо отдана Русской православной церкви с ее многовековым опытом выстраивания с властью единства целей для сохранения и упрочения государства в переломные для него периоды.

Изменение в начале 1990-х гг. государственного устройства и вызванная им смена культур, что, по словам Ю. М. Лотмана, «сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения»³⁶¹, проявилось, в частности, в символическом отражении национально-православного возрождения и закреплении некогда существовавшей идеи «симфонии священства и царства»³⁶² апробированными в течение десятилетий советской власти средствами монументальной пропаганды через архитектуру и искусство. С одной стороны, это явилось внешней демонстрацией упрочения позиций Русской православной церкви, начало которому было положено еще в позднем СССР широким празднованием 1000-летия Крещения Руси. В то же время базировавшиеся на религиозной символике монументальные практики явно или косвенно продвигали идею сакральности самой государственной власти — сакральное, как известно, «не может существовать иначе, кроме как в виде символа»³⁶³. И здесь на первый план вышла архитектура, что вполне соответствовало прерванной в советское время традиции, в которой, как отмечает Е. И. Кириченко, всплески православного возрождения «наиболее последовательно и исчерпывающе» были представлены «храмоздательством и градостроительством»³⁶⁴. В этом отношении «православный ренессанс» 1990–2000-х гг. не стал исключением, визуально проявившись во внедрении возвращавшихся образы утраченных знаковых памятников религиозной культуры и создававших новые объекты культового зодчества, — в монументальные ландшафты городских и сельских поселений. В этом отношении «православный ренессанс» 1990–2000-х гг. не стал исключением, визуально проявившись в воссоздании утраченных знаковых памятников церковной архитектуры дореволюционного времени и современных версиях культового зодчества.

Переформатирование секуляризированных в советское время населенных мест началось, в частности, с вернувшихся традиции русской «сакральной архитектурной коммеморации»³⁶⁵ мемориальных часовен, возводившихся в память о разрушенных больших и малых храмах. Так, в 1991–1993 гг. в Новоси-

360 Будкин В. Государство и религия на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. — 2007. — Т. 1. — № 5. — С. 27.

361 Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семносфера. — СПб. : Искусство-СПб, 2000. — С. 486.

362 Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). — М. : Индик, 2011. — 917 с.; Лебедева Г. Е. Русские церковные историки о «симфонии священства и царства» в Византии // Ленинградский юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 107–118.

363 Савкина А. В. Понятие сакрального в условиях современного общества : автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. — М., 2012. — С. 20.

364 Кириченко Е. И. Храм и город. О содержательно-структурном единстве русского сакрального пространства // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. — М. : Индик, 2009. — С. 288.

365 Гуров М. Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. — 2018. — № 1. — С. 55.

бирске появилась Свято-Никольская часовня, возродившая образ утраченной часовни-памятника, установленной в начале XX века в ознаменование двадцатилетнего юбилея со дня закладки железнодорожного моста через Обь³⁶⁶; памятником утраченному главному храму кубанского казачества — войсковому Александро-Невскому собору, просуществовавшему с 1872 по 1932 г., стала часовня святого благоверного князя Александра Невского в Краснодаре, установленная в 1993–1995 гг.³⁶⁷; в 1997–1998 гг. в Самаре воссоздали часовню в честь Алексия, митрополита Московского, — ее первоначальный оригинал был возведен в 1890 г. как памятник святителю, по преданию, предсказавшему возникновение города³⁶⁸.

Эти и другие аналогичные им объекты, как архитектурные акценты окружающего их пространства и монументальные проводники идеи возрождения национальной культурной памяти, визуально трансформировали локальные культурные ландшафты, в которых они были помещены, и наделили их новыми социокультурными ролями: часовни-памятники стали «местами памяти», частью экскурсионно-туристических программ, прилегающие к ним территории были облагоустроены и в большинстве случаев обрели значение общественных пространств, мест «социального притяжения». При этом градостроительные изменения в то время были осуществлены с достаточной степенью «архитектурной деликатности» и в большинстве своем получили одобрение общества.

В этом же идейном русле в 1990-е гг. происходило постепенное возвращение в пространственную среду поселений уже полноценных храмов — ранее утраченных или ощутимо видоизмененных в процессе эксплуатации. Движущей силой этого процесса в то время выступали в основном церковно-православная общественность и радетели старины. По их инициативам были воссозданы или восстановлены многие яркие архитектурные памятники, среди которых Свято-Ильинская церковь в Выборге³⁶⁹, Софийская церковь Казанского Богородицкого монастыря³⁷⁰, храм Иоанна Предтечи в Волгограде³⁷¹, храм в честь святых бессребреников Космы и Дамиана в поселке Думиничи Калужской области³⁷², московские храмы — святого великомученика Дими-

366 Часовня во имя Святителя Николая, Чудотворца г. Новосибирск, Красный проспект // Новосибирская епархия. — URL: <http://orthedu.ru/nskeparh/eparhia/chasovni/chas.htm> (дата обращения: 15.07.2021).

367 Храм-часовня святого благоверного князя Александра Невского // Кубанское казачье войско. — URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1835> (дата обращения: 15.07.2021).

368 Самара. Часовня Алексия, митрополита Московского (воссозданная) // Соборы.ру. — URL: <https://sobory.ru/article/?object=02521> (дата обращения: 15.07.2021).

369 Мартынова А. Г. Возрожденная Ильинская церковь города Выборга. Храм в графике художников XIX–XX вв. Неизвестный рисунок Н. К. Рериха // Сельские храмы. Незабываемое: тр. междунар. науч.-практ. конференции (Изборск, 19–20 марта 2019 г.). — Изборск: АРС, 2019. — С. 60–70; История храма св. пророка Божия Или. — URL: <http://www.pa-gore.ru/history3.htm> (дата обращения: 15.07.2021).

370 Казанский Богородицкий монастырь / Древо. Открытая православная энциклопедия. — URL: <https://drevo-info.ru/articles/13672116.html> (дата обращения: 10.08.2021).

371 Церковь Иоанна Предтечи в Волгограде — делимся знаниями // Православные святые. — URL: <https://svyatyni.ru/hramu-i-tserkvi/cerkov-ioanna-predtech-i-v-voilgrade.html> (дата обращения: 10.08.2021).

372 Никишин Г. Именем святых Космы и Дамиана. Милая, малая Родина // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2011/03/15/1529> (дата обращения: 10.08.2021); Церковь Космы и Дамиана Ассийских в Думиничах // Храмы России. — URL: <http://temples.ru/card.php?ID=12508>. (дата обращения: 10.08.2021).

трия Солунского, Казанский собор и другие³⁷³. Большое значение при этом уделялось поискам критериев подлинности (в том числе подлинности места) и максимальной приближенности к первоначальным характеристикам воссоздаваемых объектов. Например, на старом фундаменте был возведен Иоанно-Предтеченский храм в Волгограде, на историческом месте восстановлены церковь в Думиничах и Свято-Ильинская церковь в Выборге.

Ярким примером научного подхода к воссозданию храма-памятника стали работы по возвращению из небытия Казанского собора на Красной площади в Москве, построенного в XVII в. в честь освобождения Москвы и России от польско-литовских интервентов и разрушенного в 1936 г. Его восстановление началось в конце 1980-х гг. благодаря усилиям Московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры при поддержке правительства Москвы, а завершилось в 1993 г., когда храм и был освящен.

Давая оценку этому событию, автор проекта воссоздания архитектор-реставратор О. И. Журин обозначил в целом особое значение материального воплощения культурной памяти в образах наделенной глубокой символикой и духовными смыслами церковной мемориальной архитектуры: «Воссоздание памятника — это прежде всего повторение древних его форм, воплощенной в материал символики, не говоря уже о возобновлении его изначальных функций. Воссоздание памятника — это вещественное воплощение важнейших исторических событий, которые народ и государство считали нужным оставить в памяти на долгое время. Воссоздание памятника — это воссоздание ансамблей застройки площадей, улиц, исторического облика города в целом»³⁷⁴. Очевидно, что в условиях национально-православного ренессанса, развивавшегося на фоне общей социально-политической нестабильности 1990-х гг., эти факторы оказались в числе определяющих при обращении к религиозному языку в ходе постсоветской трансформации в первую очередь городских ландшафтов. Однако в существовавшей на тот момент сложной экономической ситуации в стране процесс этот был не быстрым.

Особого размаха деятельность по воссозданию знаковых культовых объектов получила в XXI в. В 2000-х гг. позиции Русской православной церкви в политической системе страны еще более усилились — она получила статус «института общенационального значения» и «наиболее представительного источника возрождения идей традиционализма как важной составной части идеологических основ современной России»³⁷⁵. Внешним проявлением этого стало активное включение государственной власти в процессы по возвращению в градостроительные пространства утраченных крупных храмов и

373 Паламарчук П. Г. Москва в границах Садового кольца // Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех Московских храмов. — М.: Астраль, 2004. — Т. 2. — С. 361–364 и др.

374 Журин О. И. Казанский собор // Наука и жизнь. — № 2. — 1994. — URL: <http://www.rusarch.ru/jurin1.htm> (дата обращения: 10.08.2021).

375 Будкин В. С. Государство и религия на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. — 2007. — Т. 1. — № 5. — С. 28.

храмовых комплексов, символическое начало которому было положено воссозданием храма Христа Спасителя в Москве

Как известно, этот храм был построен в 1837–1883 гг. в память о победе России в Отечественной войне 1812 года, что отвечало древней национальной традиции сооружать храмы-памятники (иначе — мемориальные храмы) в честь важнейших исторических событий. В частности, в 1022 г. князем Мстиславом Владимировичем была построена церковь в Тмутаракани в честь победы над касожским князем Редедей; в ознаменование победы над волжскими булгарами в 1165 г. князь Андрей Боголюбский возвел храм Покрова на Нерли; множество мемориальных храмов было создано в Москве: церковь Всех святых на Кулишках в ознаменование победы на Куликовом поле (1380 г.), посвященные взятию Казани Покровский собор, известный как собор Василия Блаженного (1555–1561 гг.), и упоминавшийся выше Казанский собор и многие другие. Но именно Отечественная война 1812 г. вызвала в России «подлинный всплеск интереса к проектированию храмов-памятников воинской славы»³⁷⁶.

В своем исследовании такого рода культовых сооружений М. В. Нащокина подчеркивала, что храм Христа Спасителя был возведен как «национальная святыня» и «своеобразный музей Отечественной войны 1812 г.», в котором впервые было воплощено «неразрывное сочетание культового и конкретно-исторического содержания» и был сделан «новый шаг в формировании типа храма-памятника. В дальнейшем многие из приемов, впервые использованных при сооружении храма Христа Спасителя, были применены в других воинских мемориальных храмах второй половины XIX — начала XX в.»³⁷⁷.

Очевидно, что появление столь мощного в смысле духовной составляющей и внешней выразительности объекта имело не только и не столько религиозное значение, но предстало ярким актом демонстрации «сакрального смысла власти российского самодержавия» в условиях «поднявшейся волны свободомыслия»³⁷⁸ и вместе с тем выражением идеи «народности» этой власти, которая постаралась привлечь к созданию национальной святыни широкие слои общества: «каждый гражданин страны мог внести свою лепту в сооружаемый храм-памятник и, таким образом, стать причастным к всенародному делу», в то время как «материальную основу строительства составляли между тем средства государства и общественных организаций»³⁷⁹. После освящения храма все это отразилось в его функциях: до революции он использовался и по прямому назначению — как крупный религиозный объект и как важный общественно-культурный центр, а позже, утраченный физически, он сохранился в культурной памяти как ментальный образ старой России.

376 Нащокина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы // Памятники Отечества. — 1988. — № 1. — С. 144.

377 Нащокина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы... С. 146.

378 Малеева Е. Н. Образ храма как образ власти. Государственный заказ в русской художественной культуре XIX в. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. — 2008. — № 67. — С. 166.

379 Нащокина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы // Памятники Отечества. — 1988. — № 1. — С. 146.

Поэтому, когда на исходе советской эпохи стали обсуждаться вопросы национального возрождения, одной из первых была озвучена выдвинутая православной общественностью идея «воссоздания храма — Воплощенного Покаяния»³⁸⁰. По этому поводу в 1989 г. был проведен «народный референдум» и даже начался общественный сбор добровольных пожертвований на разработку проекта храма.

Однако в 1990 г., после получения со стороны государства разрешения на строительство, церковное руководство «в стремлении вернуться к разрушенной модели взаимодействия светской и духовной власти» взяло этот процесс под свой контроль — будущий храм Христа Спасителя был объявлен федеральным собором Москвы и переведен в непосредственное ведение патриархии³⁸¹. В 1992 г. к делу подключилось столичное правительство, которое включило храм в «Перечень объектов Москвы, строительство и реконструкция которых обеспечиваются в первоочередном порядке»³⁸², а в 1994 г. общественным попечительным советом был учрежден фонд финансовой поддержки воссоздания Храма Христа Спасителя с целью «аккумулирования средств и финансирования крупнейшего созидательного проекта конца XX в.»³⁸³.

В 1995 г. проекту воссоздания памятника было придано значение государственной важности — указом Президента Российской Федерации храм Христа Спасителя получил статус «исторического, архитектурного и культурного памятника героям Отечественной войны 1812 года», который должен был «стать действенным средством единения и духовного возрождения России»³⁸⁴. Притом что прямых бюджетных ассигнований на строительство не предусматривалось, государство поспособствовало его финансовому обеспечению за счет предоставления широких налоговых преференций жертвователям.

В 2000 г. строительство завершилось, и храм был освящен. Он стал крупнейшим в России — его расчетная вместимость составила 10 тысяч человек³⁸⁵. Несмотря на то что новый храм не стал точным повторением своего исторического прототипа и по ряду причин вызвал острую критику со стороны профессиональной и, в частности, научной общественности, внешний облик и преобразившие окружающее пространство доминантные объемно-пространственные характеристики культового здания обеспечили ему несомненный статус монументального символа постсоветской идеологической парадигмы, с

380 Крюкова О. Н. Формирование некоторых концептов постсоветской культуры (на примере восстановления храма Христа Спасителя в Москве (1994–2000 гг.)) // Вестник Московского университета. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 3. — С. 62.

381 Там же.

382 Указ Президента Российской Федерации «О создании Фонда возрождения Москвы» от 16.07.1992 г. № 785. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1683> (дата обращения: 10.09.2021).

383 Фонд финансовой поддержки воссоздания Храма Христа Спасителя // Русская Православная Церковь. Кафедральный собор патриарха Московского и всея Руси. — URL: http://www.grigory.ru/archiv/pro/2000_07_xxc/www/reconst/particip/ffp.htm (дата обращения: 10.09.2021).

384 Указ Президента Российской Федерации «О воссоздании Храма Христа Спасителя в г. Москве» от 05.05.1995 г. № 447 // Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7829> (дата обращения: 10.08.2021).

385 Христа Спасителя храм / Чочетов Д. Б. // Хвойка — Шервинский [Электронный ресурс]. — 2017. — С. 190–191. (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004–2017, т. 34). — URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/4670876 (дата обращения: 10.08.2021).

этого момента прочно включившей в свой инструментарий религиозный фактор. Как результат, практика воссоздания наиболее значимых православных соборов распространилась по всей стране.

Примером тому может служить, в частности, история появления войскового Александро-Невского собора в Краснодаре. Как уже отмечалось, в память о нем близ места его первоначального нахождения — в городском сквере Центральный (бывшей Соборной площади) — в 1990-е гг. была установлена небольшая мемориальная часовня. Но уже в 2000 г. состоялся конкурс на проект воссоздания самого храма, победителем которого стал краснодарский архитектор В. Т. Головеров³⁸⁶. В 2003 г. решение о возведении собора было подписано губернатором Краснодарского края, после чего был торжественно заложен камень в основание постройки. Место при этом было выбрано не историческое, а шесть кварталов южнее, в самом начале главной городской магистрали — улицы Красной.

О том, что воссозданию одной из важнейших кубанских казачьих святынь придавалось большое значение со стороны властей, помимо прочего может свидетельствовать факт их непосредственного участия во всех значимых церемониях, связанных с открытием собора, включая освящение крестов и колоколов, совершенное в 2005 г. патриархом Московским и всея Руси Алексием II, а также освящение завершеного строительством собора, на которое был приглашен митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл, с 2009 г. — патриарх.

Примечательно, что «новодельный» собор уже в 2009 г. распоряжением главы администрации Краснодарского края был поставлен под государственную охрану как объект культурного наследия³⁸⁷, что дало возможность его финансирования из бюджетных средств, в то время как по федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» для придания зданию статуса памятника должно было пройти не менее сорока лет.

Спорным также оказалось визуальное восприятие собора в «перегруженном» дисгармоничными объектами пространственном контексте, на что в свое время обратил внимание В. В. Бондарь: «Новый храм оказался в этом месте чужеродным пространственным элементом: несмотря на монументальность и внушительные размеры, он не стал высотной доминантой, поскольку расположен на фоне колоссального стеклометаллического здания Главного управления Центрального банка России по Краснодарскому краю. В то же время культовое здание выглядит слишком массивным по отношению к неширокой Постовой улице и пространственному ансамблю Екатерининского сквера

386 История возрождения собора 2000–2006 гг. // Войсковой собор святого благоверного князя Александра Невского города Краснодара. — URL: <http://alexander-nevskiyssobor.ru/category/%d0%bb%d0%b5%d1%82%d0%be%d0%bf%d0%8d1%81%d1%8c-%d1%81%d0%be%d0%b1%d0%be%d1%80%d0%b0/> (дата обращения: 11.08.2021).

387 Распоряжение главы администрации Краснодарского края «О включении объекта культурного наследия «Войсковой собор святого благоверного Александра Невского» в единый государственный реестр объектов культурного наследия» от 10.11.2009 № 870-р // Администрация Краснодарского края. — URL: <https://admkrai.krasnodar.ru/content/1370/show/422169/> (дата обращения: 11.08.2021).

с небольшой площадью перед ним. Кроме того, размещение храма на оси Красной улицы, протянувшейся с юга на север, противоречит пространственной сути любого христианского храма, формирующегося по оси «запад-восток»³⁸⁸.

Тем не менее даже при наличии явных архитектурно-градостроительных ошибок, вызванных в первую очередь избыточным административным вмешательством в дело восстановления памятника, нельзя сказать, что этот проект оказался полностью неудачным. Сама монументальная архитектура Александро-Невского собора, приближенная к первоначальным формам с заложенными в них глубинными духовными смыслами, обращенная к исторической и культурной традиции края, обеспечила ему доминирующее положение в окружающем пространстве, роль места общественного притяжения, значение одной из основных достопримечательностей краевого центра.

Аналогичным образом развивались события во многих других провинциальных центрах России, где деятельность по возвращению в культурные ландшафты значимых православных храмов-символов вышла за пределы исключительных интересов РПЦ и обрела поддержку со стороны государственных и региональных властей. Например, в целях восстановления Михайловского кафедрального собора в Ижевске, возведенного в 2000–2007 гг., было принято совместное «постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики»³⁸⁹; Успенский кафедральный собор (Собор в честь Успения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии) в Омске, торжественно освященный в 2007 г., воссоздавался как региональный памятник истории и культуры по решению правительства Омской области; строительство собора Казанской иконы Божьей Матери Казанского Богородицкого монастыря было осуществлено в 2016–2021 гг. по указу президента Республики Татарстан³⁹⁰; при поддержке региональных властей в 2016–2021 гг. был возведен Александро-Невский собор в Волгограде³⁹¹. Напротив, без весомой поддержки со стороны официальных властей процесс строительства храмов растягивался во времени: в частности, до сих пор не завершены работы по воссозданию Спасского кафедрального собора в Пензе (начат строительством в 2010 г.)³⁹², Спасо-Преображенского кафедрального собора Тверской епархии (работы ведутся с 2014 г.)³⁹³ и ряда других.

388 *Бондарь В. В.* Краснодар: судьба старого центра. К проблеме современного кризиса историко-архитектурного облика города. — Краснодар : Издатель Игорь Платонов, 2007. — С. 61.

389 Постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики «О воссоздании Свято-Михайловского собора в городе Ижевске» от 11 февраля 2000 г. № 118/173 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/960002532> (дата обращения: 17.05.2021).

390 Официальный интернет-портал правовой информации (Государственная система правовой информации). — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1600201511100002> (дата обращения: 17.05.2021).

391 *Куликов А.* Воссозданный собор Александра Невского открыли в Волгограде — фоторепортаж // ИА REGNUM. — URL: <https://regnum.ru/news/3374572.html> (дата обращения: 17.05.2021).

392 Спасский кафедральный собор. Благовещенская церковь. Часовня Всемилостивого Спаса // Русская Православная церковь. Московский патриархат. — URL: <http://penzenskaya-eparhia.rf.khramy-i-monastiry/spasskiy-kafeedralnyy-sobor-blagove/> (дата обращения: 17.05.2021).

393 Восстановление Спасо-Преображенского собора в Твери // Тверская митрополия Русской Православной церкви. — URL: <https://tvereparhia.ru/news/vosstanovlenie-spaso-preobrazhenskogo-sobora-v-tveri/> (дата обращения: 17.05.2021).

В то же время следует отметить, что набравшая обороты в 2000-е гг. монументальная «маркировка» значимых для национально-культурной идентичности территорий страны памятниками церковной-православной архитектуры в следующем десятилетии отчасти затруднилась из-за возникшего сопротивления такой практике некоторых слоев российского общества.

Показателен в этом отношении опыт Екатеринбурга. В работе Д. С. Бахарева и Е. М. Главацкой, выполнивших анализ процесса физического и функционального возвращения исторических церковных зданий в пространственную среду этого крупного российского мегаполиса за период с конца 1980-х по 2017 г., было отмечено, что «Русская православная церковь смогла вернуть или отстроить заново более 20 богослужебных зданий в Екатеринбурге», в числе которых были многие значимые «доминанты ландшафта «старого» Екатеринбурга — Церковь Вознесения (до 1991 г. — Свердловский городской историко-революционный музей), вновь отстроенный храм-колокольня «Большой Златоуст», Свято-Троицкий кафедральный собор (до 1995 г. — клуб ДК автомобилистов) и Собор Александра Невского Ново-Тихвинского монастыря (до 1991 г. — корпус областного краеведческого музея)», однако попытка восстановления Екатерининского собора «стала первым препятствием на пути дальнейшего расширения православного ландшафта города»³⁹⁴.

Идея воссоздания Екатерининского собора, считавшегося первым православным храмом Екатеринбурга, впервые была озвучена в 2010 г. Тогда предполагалось, что храм будет возведен в облике, сложившемся к 1896 г., на своем историческом месте — бывшей Екатерининской площади, в советское время преобразованной в площадь Труда. Однако к этому времени здесь уже имелась мемориальная часовня с именем святой Екатерины, установленная в 1997–1998 гг. в ознаменование 275-летия города³⁹⁵. Кроме того, на площади располагалась местная достопримечательность — фонтан «Каменный цветок», созданный в 1950 г. уральским архитектором П. Деменцевым по мотивам сказов П. П. Бажова³⁹⁶. Это стало поводом для возникших в 2011 г. массовых протестных акций, организованных оппозиционной общественностью, в итоге приведших к отказу от реализации идеи воссоздания храма на месте снесенного в 1930 г. оригинала³⁹⁷. Вторая попытка построить в Екатеринбурге собор в честь святой покровительницы города была предпринята в 2016 г. — тогда городскими властями был представлен новый эскизный проект (не связанный при этом с обликом старого храма). Под размещение культового здания предусматривалось создание специального насыпного острова в бассейне го-

394 Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Развитие православного ландшафта в современном российском мегаполисе (на примере Екатеринбурга) // Религиоведение. — 2017. — № 4. — С. 146–147.

395 История главного храма Екатеринбурга — собора святой великомученицы Екатерины // Екатеринбургская епархия. — URL: <http://ekaterinburg-eparhia.ru/news/2016/12/06/11816/> (дата обращения: 22.04.2021).

396 Фонтан «Каменный цветок» на площади Труда // Нескучная библиотека. — URL: http://biblio-on-line.blogspot.com/2015/08/blog-post_40.html (дата обращения: 22.04.2021).

397 В Екатеринбурге готовят митинг против строительства храма на площади Труда // ИА REGNUM. — URL: <https://regnum.ru/news/society/1265304.html> (дата обращения: 22.04.2021).

родского пруда³⁹⁸. Но и в этот раз проект был отклонен из-за выступлений противников церковного строительства. Также не увенчался успехом предложенный в 2018 г. третий вариант размещения собора — на Октябрьской площади у театра драмы. И лишь в 2020 г. по результатам общегородского голосования было определено место строительства Екатерининского собора на территории бывшего Уральского приборостроительного завода. Предполагается, что собор, как один из символов города, будет возведен к 300-летию Екатеринбурга, но перспектива достижения этой цели на сегодняшний день остается неясной.

Екатеринбургская история несостоявшегося восстановления исторического памятника и знакового религиозного символа была одной из самых резонансных в стране, хотя разной степени негативные реакции на строительство новых, особенно масштабных, храмов в 2010-х гг. наблюдались повсеместно, и одними из последних были недавние протестные события, связанные с возведением волгоградского Александра-Невского собора³⁹⁹.

При всех сложностях и противоречивости процесса, культовые объекты строились в стране повсеместно и довольно быстрыми темпами: в частности, по данным интернет-ресурса «Храмы России», в течение первых двух десятилетий XXI в. в России было построено более 8 тысяч храмов различного масштаба, а всего по состоянию на 2021 г. насчитывалось 16 078 действующих и 347 строящихся церковных зданий⁴⁰⁰. Распространение насыщенной религиозно-духовной семантикой культовой архитектуры стимулировалось ее основной функцией как места совершения богослужений и поддерживалось ростом числа верующих, нуждавшихся в таких местах. Образовавшие широкую сеть православные храмы, архитектурно-художественные и объемно-пространственные особенности которых априори выделяли их в окружающей среде, за три постсоветских десятилетия не просто значительно видоизменили монументальный ландшафт страны, привнеся в него сакральные черты, — они предстали официальной манифестацией преемственности власти, традиционализма и незыблемости духовных устоев, а также вполне успешным инструментом сохранения культурной памяти и национальной идентичности.

В отличие от религиозной по своей сути архитектуры храмов, во множестве появившиеся в постсоветское время скульптурные памятники святым были в первую очередь проявлением культуры светской, причем неоднозначно воспринятым в церковной и нецерковной среде⁴⁰¹. В частности, отмечалось, что «сама по себе традиция ставить памятники великим людям, конечно, не-

398 Храм святой Екатерины собираются построить на острове в екатеринбургском городском пруду // Информационное агентство «Знак». — URL: https://www.znak.com/2016-03-29/hram_svyatoy_ekateriny_sobirayutsya_postroit_na_ostrove_v_ekaterinburgskom_gorodskom_prudu (дата обращения: 22.04.2021).

399 Волгоградцы начали сбор подписей против строительства собора Александра Невского // Кавказский Узел. — URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/277809/> (дата обращения: 22.04.2021).

400 Храмы России. — URL: <http://temples.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).

401 Языкова И. Нужны ли памятники святым? // Нескучный сад. 2012. 22 нояб. — URL: <http://www.nsad.ru/articles/nuzhny-li-pamyatniki-svyatym> (дата обращения: 14.01.2021).; Ваение несродно духу чистого Православия: О памятниках и статуях святым угодникам Божиим // LiveJournal. 2016. 18 авг. — URL: <https://napravdestoy.livejournal.com/4237588.html> (дата обращения: 22.04.2021); Крестьянинов В. Идеи Ленина живут и побеждают в РПЦ // Аргументы Недели. 2013. 21 нояб. — URL: <https://argumenty.ru/toptheme/n415/299794> (дата обращения: 22.04.2021).

плоха», однако для православия ее «нельзя назвать исконной»⁴⁰². При этом, вне сомнения, такого рода монументальная коммеморация соответствовала задачам государственным, поскольку «именно памятники наиболее непосредственно связаны с инстанциями власти, определяющими политику памяти», при этом «сооружение любого монумента невозможно без санкции власти» и, более того, «власть утверждает свой «фундаментальный лексикон» сооружением памятников»⁴⁰³, используя их глубинное свойство мощного визуального символа, имеющие прямое воздействие на массы и одновременно служащее знаком идентификации.

Инициатива монументального увековечивания святых, так же как и в истории с воссозданием храмов, в России изначально возникла снизу — в среде православной общественности в «перестроечное» время конца 1980-х гг. Первым монументом в этом ряду стал трехметровый памятник Сергию Радонежскому, выполненный в 1987 г. скульптором В. М. Клыковым в виде реплики на картину М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». «Громкое» открытие объекта состоялось в 1988 г. и вылилось в акт гражданского неповиновения власти⁴⁰⁴, тем самым подтверждая трактовку памятника как маркера идентичности, ведь «любая попытка смены монументальной риторики, любые новации в этой области провоцируют острую общественную полемику, а также борьбу групп бенефициаров монументальной политики, тех, кто так или иначе причастен к конструированию образов идентичности»⁴⁰⁵.

Что касается тематического спектра монументального пантеона святых, то самую значительную его часть составили памятники реальным историческим личностям, в разное время канонизированным церковью. В числе таковых, установленных в 1990-е гг., памятники Александру Невскому в Городце (1993 г., скульптор И. И. Лукин), Даниилу Московскому на Серпуховской площади в Москве (1997 г., скульпторы А. Коровин, В. Мокроусов), великой княгине Елизавете Федоровне в Москве, святому преподобному Серафиму Саровскому в Сарове, Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве, святому Владимиру в Севастополе, Илье Муромцу в Муроме (1990, 1991, 1992, 1994 и 1999 гг. соответственно, скульптор В. М. Клыков) и другие.

Другую группу монументальных образов составили воплощения известных библейских героев и сюжетов в качестве символов для отображения определенных идей, событий, явлений. Примером тому может служить скульптурное изображение святого Георгия Победоносца в момент битвы со змеем,

⁴⁰² Языкова И. Нужны ли памятники святым? // Нескучный сад. 2012. 22 нояб. — URL: <http://www.nsad.ru/articles/nuzhny-li-pamyatniki-svyatym> (дата обращения: 14.01.2021).

⁴⁰³ Абашев В. В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. — № 1. — 2014. — С. 67–68.

⁴⁰⁴ Как открывали памятник преподобному Сергию Радонежскому в Сергиевом Посаде // Общественное движение «Памяти живая нить». — URL: <http://xn--80adlic3a0b6xa.xn--p1ai/index.php/istoriya-vov/15-glavnaya/1666-29-maya-1988-goda-pamyatnik-sergiyu-radonezhskomu> (дата обращения: 14.01.2021); Как боролись с памятником преподобному Сергию // Православие.ру. — URL: <https://pravoslavie.ru/549.html> (дата обращения: 14.01.2021).

⁴⁰⁵ Абашев В. В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. — № 1. — 2014. — С. 68.

ставшее олицетворением победы Добра над Злом. Скульптурные группы с таким сюжетом, в частности, увенчивали триумфальные арки в составе мемориальных ансамблей, посвященных легендарному маршалу Советского Союза Г. К. Жукову (1998 г., мемориальный комплекс «Курская дуга» на границе Белгородской и Курской областей; 1996–1997 гг., мемориальный ансамбль в сквере имени Жукова, г. Краснодар).

К этому же направлению монументального искусства можно отнести памятники святых и небесных сил — покровителей городов и других населенных мест, в их числе: памятник святой Екатерине в Краснодаре (2009 г., скульпторы Д. Успенская, В. Шанов), монументы Архангелу Михаилу в Сочи (2006 г., скульптор В. Зеленко, архитектор С. Сухоруков) и в Архангельске (2002 г., скульптор А. Благовестов) и прочие.

В целом использование религиозной риторики в монументальном освоении культурных ландшафтов в 1990-е — начале 2000-х гг. было большей частью стихийным и зависело от благорасположения местных властей. Ситуация изменилась, когда эта деятельность стала частью масштабных государственно-церковных программ. В 2004 г. начала работать первая из них — федеральная программа «В кругу семьи», инициированная патриархом Алексием II по итогам церковно-общественного форума «Духовно-нравственные основы демографического развития России», в котором также приняли участие представители органов государственной власти. Работа по направлениям программы продолжалась до 2015 г.. В ее миссии были заявлены следующие цели: «создание государственной идеологии, направленной на возрождение семьи в России, создание положительного образа полной многодетной семьи, пропаганда целомудрия, верности, любви и преданности в браке, радости отцовства и материнства, заботы о родителях, воспитания детей в духе патриотизма и любви к Родине»⁴⁰⁶. Таким образом, несмотря на то что концепция программы и ее продвижение исходили от церкви, это был не религиозный, но исключительно социальный проект.

В составе программы был раздел «Скульптурные композиции», предусматривавший сооружение памятников князю Петру и княгине Февронии Муромским, которые должны были «положить начало новой традиции среди молодежи — в день бракосочетания совершать поездки к скульптуре Муромских святых»⁴⁰⁷. Таким образом, монументы не просто визуально закрепляли транслируемые церковью и государством идеи — они наделялись общественно значимой функцией, направленной на формирование новой социокультурной реальности.

В 2008 г. день Петра и Февронии получил официальный статус праздника. Тогда же в Сочи, Новосибирске и Екатеринбурге были освящены закладные камни в основание будущих памятников, к 2013 г. скульптурные изо-

⁴⁰⁶ Общенациональная программа «В кругу семьи». — URL: <http://www.vkrugu7i.ru/project/skulpturi> (дата обращения: 24.04.2021).

⁴⁰⁷ Там же.

бражения князя и княгини Муромских имелись уже более чем в 38 городах России, еще в нескольких городах были заложены камни на месте предполагавшихся монументов⁴⁰⁸.

В события, связанные с памятниками, вовлекалось большое количество людей — в торжественных мероприятиях у монументов принимали участие представители официальной и церковной власти, общественных и благотворительных организаций, представители учреждений культуры и искусства, а самой необычной церемонией стал «всероссийский авиаперелет» с мощами муромских чудотворцев⁴⁰⁹. При этом иконография монументов зачастую не отличалась оригинальностью и, в «лучших» традициях ленинской монументальной пропаганды, могла варьировать один и тот же образец (например, в Новосибирске, Архангельске, Сочи, Самаре, Благовещенске, Туле, Иркутске, Ярославле, Владивостоке, Ижевске, Екатеринбурге, Кирове были установлены почти идентичные произведения скульптора К. Чернявского). В то же время встречались и самобытные художественные произведения, например памятник в Нижнем Тагиле, выполненный скульптором А. Ивановым в соавторстве с А. Мартыновым и А. Барахвостовым.

Одним из реальных итогов всех этой кампании явилась определенная узнаваемость имен Петра и Февронии Муромских, однако по-настоящему «народными героями» они так и не стали, а посвященные им памятники более соответствовали камерному типу городской скульптуры, нежели монументу с доминирующим в ландшафте характером.

По похожему сценарию, с открытием новых памятников, проходили мероприятия к 700-летию преподобного Сергия Радонежского, отмечавшегося в 2014 г. Их кульминацией стали торжества в Троице-Сергиевой Лавре 18 июля, в которых вместе с патриархом Кириллом принял участие президент России В. В. Путин, в своем выступлении обозначивший вектор развития страны на основе национального единения и сохранения вековых ценностей, в которых, по его словам, заключена «сила России, её великое прошлое, настоящее и будущее»⁴¹⁰.

Это событие стало яркой демонстрацией сложившегося «священно-государства» и церкви ради общей благой цели. И другим его подтверждением стал подписанный президентом немногим ранее — 14 июня 2014 г. — указ о праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского, которое было намечено на 2021 г.⁴¹¹

Особая значимость образа святого благоверного князя Александра Невского в исторической и культурной памяти к сегодняшнему дню «приобрела

408 Памятники Петру и Февронии Муромским в разных городах России // Владимирская область. — URL: <http://book33.ru/uncategorized/pamyatniki-petru-i-fevronii-v-raznyx-gorodax-rossii.html> (дата обращения: 24.04.2021).

409 Общенациональная программа «В кругу семьи». — URL: <http://www.vkrugu7i.ru/project/skulpturi> (дата обращения: 24.04.2021).

410 700-летие преподобного Сергия Радонежского // Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46246> (дата обращения: 13.09.2021).

411 Указ о праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского от 14 июня 2014 г. // Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/46050> (дата обращения: 13.09.2021).

характер аксиомы, общего места»⁴¹², а его скульптурные изображения известны с XVIII в. и устанавливались во все исторические эпохи, включая советскую. Среди многообразия монументальных воплощений образа благоверного князя встречались такие типы, как символический памятник-«часовня», образы «инок», «святой воин», однако самыми распространенными были художественные решения, представляющие Александра Невского в виде князя-воина, «где атрибуты его святости, за редким исключением, играют второстепенную роль»⁴¹³, и в этом ряду чаще всего встречаются «скульптура в полный рост и бюст на постаменте»⁴¹⁴.

В настоящее время в стране насчитываются десятки памятников святого Александру Невскому (их точное количество неизвестно) и активно устанавливаются новые в течение всего юбилейного года. В одном только городе Краснодаре имеется три памятника святому: первый бетонный бюст Александра Невского был открыт в 2002 г. рядом с войсковым собором его имени; в 2011 г. в рамках проекта «Аллея российской славы» для него изготовили постамент с надписью; в 2020 г. здесь же у войскового собора была установлена бронзовая скульптура в полный рост высотой 6,4 метра (скульптор С. С. Исаков); 9 декабря 2021 г. в другой части города, у храма Рождества Христова, был открыт еще один бюст святого — бронзовый.

Памятниками Александру Невскому, но уже по-настоящему религиозными, служат также многочисленные храмы, освященные в его честь — по данным интернет-портала «Храмы России» их 863⁴¹⁵.

В целом можно сказать, что монументализация образов святых до сих пор задействовала лишь внешнюю сторону православной религиозности, без внимания к ее сущности. При этом «активность по насаждению православных памятников» оказалась сравнима с ленинским планом монументальной пропаганды, а церковные ритуалы при светских монументах выглядели сомнительными: «...очень странно видеть, как памятники святым освящают. Словно этим действием можно придать скульптуре благодать и святость большую, чем той, чей образ она представляет. <...> ...надо помнить, что язык должен быть адекватен теме и образу. Святые ждут молитвенной памяти, а не площадной славы»⁴¹⁶.

В этой связи выглядит небезосновательным существующий взгляд на «возрождение» религиозной традиции как на «создание традиции, которой до этого никогда не существовало... создание новой православной реальности,

412 Костыря М. А., Соколов Р. А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // Праксема. Проблема визуальной семиотики. — 2021. — № 1. — С. 98.

413 Костыря М. А., Соколов Р. А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация... С. 96.

414 Шадуц Е. К. Скульптурные образы Александра Невского в пространстве городов и памятных мест // Богослов. Научный богословский портал. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6170561> (дата обращения: 15.10.2021).

415 Александр Невского храмы // Храмы России. — URL: <http://temples.ru/names.php?ID=145&RegionID=0> (дата обращения: 10.11.2021).

416 Язькова И. Нужны ли памятники святым? // Нескучный сад. 2012. 22 нояб. — URL: <http://www.nsad.ru/articles/nuzhny-li-pamyatniki-svyatym> (дата обращения: 14.01.2021);

которая, однако, воспринимается как возврат к вековой традиции»⁴¹⁷. Возможные последствия столь очевидно противоречивой монументальной деятельности, зачастую прямолинейно затрагивающей высшие религиозно-духовные сферы и перспективы ее осуществления в дальнейшем, на сегодняшний день неясны и требуют глубокого осмысления.

Тем не менее нельзя отрицать, что религиозное содержание и набор образов и смыслов к настоящему времени составили весомую компоненту современного российского монументального ландшафта, в материальных знаках и формах транслируя идеи устойчивости и непрерывности традиции в обстоятельствах глобальных трансформаций, затронувших все стороны человеческой деятельности.

⁴¹⁷ Диатина Е. Возвращенное наследие: Николай II как новодел // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 1. — С. 218–241.

РАЗДЕЛ 5

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО «МОНУМЕНТОСТРОЕНИЯ» В РОССИИ И ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Ретроспективное исследование процессов и результатов формирования монументального ландшафта России позволило установить ряд фактов и закономерностей, служащих основанием для утверждения об отсутствии в прошлом — и дореволюционном, и советском — твердых принципов государственной монументальной политики, и о разнородности этих процессов и результатов в центре и на периферии страны, что проявлялось и проявляется как в государственных и общественных практиках памятования, так и в градостроительной и культурно-ландшафтной сферах. С одной стороны, государство во все времена стремилось сделать монументы инструментами официальной исторической памяти, средствами пропаганды, с другой — на протяжении трех столетий государственное регулирование «монументостроения», то есть деятельности власти и общества по созданию монументов, приданию значения инструментам сохранения и трансляции культурной памяти, иных идеологических, социально-культурных и хозяйственно-экономических функций, так и не выделилось в самостоятельное направление государственной политики, не обрело законодательного оформления и соответствующей регламентации.

Особенно остро эта проблема обозначилась в постсоветское время. Если в прошлом создание и бытование монументов имело выраженные идеологические основания (в Российской империи монументы увековечивали «достопамятнейшие происшествия из былой русской жизни и доблестных деятелей, оказавших Отечеству незабвенную заслугу»⁴¹⁸; в Советском Союзе большей частью отражали идеалы коммунистического общества и «несли в массы» идеализированные образы вождей), то определить сколь-нибудь цельно идейно-художественный вектор и содержание современного «монументостроения» и связанных с ним, а также с уцелевшими монументами прошлых эпох, практик коммеморации, невозможно.

Очевидно, что монументальный ландшафт страны, складывающийся с 1990-х гг. — после «лихорадки сносов» памятников советского пантеона, — отражает в целом состояние мемориальной культуры нации. На сегодняшний день он «исключает всякое стилистическое единство, единство художественного языка и какой-либо конкретный источник символической системы»⁴¹⁹. С одной стороны, это в значительной мере сняло ограничения с возможностей

⁴¹⁸ Долгов А. Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в часть замечательных лиц. — СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1860. — 48 с.

⁴¹⁹ Калашников В. Мемориальный WinRAR: практики коммеморации в современной России // Spectate. — URL: <http://rmem.ru/index.php?id=8145> (дата обращения: 11.09.2021).

«полета творческой мысли» скульпторов, архитекторов и градостроителей, выполняющих множественные и разнообразные — ситуативные либо в рамках специальных программ — заказы органов власти, общественных групп, учреждений, национальных и религиозных организаций, граждан, с другой — неизбежно привело не только к утрате идейно-художественных ориентиров, но и к катастрофическому снижению художественно-эстетического уровня создаваемых произведений и, соответственно, всего монументального ландшафта России. В большинстве случаев факт возникновения монумента определяется желанием заказчика и наличием у него необходимых средств и лишь в незначительной степени — административным и идеологическим контролем со стороны властей. Законодательные же инструменты сдерживания «мемориального бешенства» (выражение В. Калашникова) практически отсутствуют. Описанные в предыдущем разделе меры регулирования процессов «монументостроения» посредством создания многочисленных «Советов по монументальному искусству» при государственных органах разных уровней (скорее, попытки мер), и даже передача соответствующих функций Роскультуре, а позже — Министерству культуры России (опять-таки с опорой на экспертно-консультативные советы) видимых результатов не дали: массив воздвигнутых памятников в первые два десятилетия XXI в. необычайно разнороден, а многоуровневые процессы создания монументальных объектов, надления их смыслами и включения в социально-культурные процессы по-прежнему имеют хаотичный характер.

Ярким примером непоследовательности в действиях властей и даже игнорирования требований законодательства служит история возведения в 2010 г. монументального здания краевого суда в Краснодаре. Семизэтажный Дворец Правосудия был, в нарушение федерального и краевого законов «Об объектах культурного наследия», буквально втиснут в пространство исторической одно- и двухэтажной застройки конца XIX — первой половины XX в., в том числе — в охранные зоны пяти памятников архитектуры. Кроме того, «освобождая место» под здание суда, власти перенесли памятник А. С. Пушкину, открытый одиннадцатью годами ранее к 200-летию поэта. Примечательно, что многочисленные требования прекращения строительства, поступавшие в 2006–2010 гг. в органы власти от горожан, ревнителей старины, общественных организаций действия не возымели: массивное здание, перекрывшее традиционные для центра города, имеющего статус исторического поселения, видовые раскрытия и связи, было благополучно достроено и вскоре обрело неофициальное обиходное название «Дворец Неправосудия». Вот характеристика, которую дал зданию и обстоятельствам его возведения один из историков архитектуры в своем Живом Журнале: «Оно немного похоже на какой-то промышленный объект или автосалон. Мне понравилась пластика фасадов, монументальность, что отвечает содержанию здания, и понравились консольные навесы по периметру. У него есть минусы, самый главный, это несоответ-

ствие стилистике окружающей застройки, могу ошибаться, но вокруг вроде историческая застройка. Видимо любой суд может позволить себе строить любое здание в любом месте, они сами себя защищают, с юридической точки зрения претензий быть не может...»⁴²⁰.

Олицетворяющий государственную (в данном случае судебную) власть новый монументальный объект явно обозначил и новые смыслы эпохи: во-первых, «государственная машина» может игнорировать отдельные законы; во-вторых, монумент может быть признан «второстепенным» и вытеснен другим монументом, как и идейно-художественное содержание произведения — новым, актуальным смыслом.

Скульптурный портрет Пушкина, придвинутый к главному фасаду краевой библиотеки, пополнил список «кочующих монументов» Краснодара, а позже, разделив судьбу памятника Юрию Долгорукому в Москве, челябинского монумента «Сказ об Урале» и др., ненадолго предстал в образе Деда Мороза⁴²¹. Это явление — «переодевание» монументальных статуй — яркое проявление упрощенчества, общей «шлягеризации» мемориальной сферы, исходящей, как это ни парадоксально, от официальной власти и государственных учреждений, четкий показатель снижения роли монумента не только в культурных ландшафтах городов и сел, но и в общественном сознании.

В последние годы в практиках монументостроения обозначился феномен двойной, а иногда и тройной (в случаях воссоздания) мемориализации: наряду с основным художественным образом, монументальный объект несет дополнительную (помимо имен авторов — архитекторов, скульпторов, художников) информацию об «инициаторах» и «вдохновителях» создания произведения, помещаемую на постаментах, фасадах, отдельных досках или табличках (по дореволюционному образцу «воздвигнут в царствование государя...»). Таков, в частности, обновленный в 2020 г. памятник Г. К. Жукову на Манежной площади в Москве, где основная надпись «Памятник маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Является символом преклонения перед величием священного жертвенного подвига советского народа во имя мира, веры и Отечества в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., разгромившего фашизм — одного из главных зол на планете Земля» дополнена сообщением: «Памятник создали и передали в дар городу Москве патриоты России: Владимир Путин, Геннадий и Анатолий Кузнецовы, Александр Максимов, Дмитрий Язов, Владимир Михалкин, Владимир Мединский, Виктор Золотов, Сергей Собянин, Константин Голощапов, Алексей Павликов, родственники Г. К. Жукова. Москва 2018 г.»⁴²². Схожий факт имел место в 2021 г.

⁴²⁰ Краснодарский краевой суд. Проект — реализация // ArchiBALL. Блог архитектора. — URL: <https://sultan-arch.livejournal.com/255274.html> (дата обращения: 08.10.2021).

⁴²¹ Павловская Т. «Пушкин — борода из ваты». В столице Кубани памятник великому поэту превратили в скульптуру рыжего // Российская газета — Неделя: Кубань—Кавказ. 2010. 14 янв. — URL: <https://rg.ru/2010/01/14/reg-kuban/pushkin.html> (дата обращения: 08.10.2021).

⁴²² В Москве сменили старый памятник Жукову на новый // Независимый информационный портал «Весьма». — URL: <https://vesma.today/news/post/14298-v-moskve-smenili-staryu> (дата обращения: 10.10.2021).

в Липецке, где на постаменте памятника святителю Николаю Мирликийскому помещена надпись, извещающая о том, что монумент воздвигнут «стараниями Артамонова И. Г. и Уваркиной Е. Ю.» (губернатора и мэра соответственно)⁴²³. В Краснодаре же на постаменте открытого в 2021 г. памятника выдающемуся физику, основоположнику телевидения и одному из создателей местного политехнического института Б. Л. Розингу помещена доска с надписью «Памятник создан по инициативе и при непосредственном участии главы администрации города Краснодара Е. А. Первышова, председателя городской думы Краснодара В. Ф. Галушко, ВРИО ректора КубГТУ М. Г. Барышева и президента КубГТУ В. Г. Лобанова». Далее указаны имена скульпторов В. Н. и С. В. Золотухиных и архитектора В. И. Брагина. Примечательно, что исследователь творчества Б. Л. Розинга, активно продвигавший идею увековечения памяти ученого и инициатор создания монумента профессор И. Я. Куценко, в этом тексте не упомянут⁴²⁴.

Значительными проблемами современного монументального ландшафта выступают недостоверность воссоздаваемых образов, а также невысокий, а в отдельных случаях откровенно низкий художественный уровень создаваемых произведений, зачастую объясняемый «авторским видением». Это наносит очевидный ущерб самой идее мемориализации исторических событий и личностей и сохранения национальной культурной памяти посредством создания публичных памятников. В общественном сознании отчетливо запечатлелись активно обсуждавшиеся в прессе непропорционально короткие ноги фигуры маршала Жукова в первой версии его монументальной скульптуры на Манежной площади в Москве, специфическая гротескная трактовка образа Петра Великого в монументе в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, спорное расположение московского памятника М. Т. Калашникову и особенно включенное в барельеф изображение немецкой штурмовой винтовки, недавняя история с ошибочным изображением ордена Андрея Первозванного на открытом в Гатчине памятнике Александру III. Примеры же неточных дат, ошибочного написания имен и фамилий на монументах и памятных досках исчисляются десятками⁴²⁵.

В отдельных (и немалочисленных!) случаях новые монументы, включая нарочитые «эмблемы власти», выступают прямыми социальными раздражителями и даже причинами конфликтов, и свидетельствами административной некомпетентности, либо, в лучшем случае, служат объектами пересудов в СМИ и поводом иронии граждан в социальных сетях. Такое положение дел, несомненно, сказывается на престиже властей, обостряет социальную напряженность, а в отдельных случаях провоцирует граждан к коллективным вы-

423 *Евгения Уваркина*. «У Липецка появился свой защитник» // LipetskMedia.ru. — URL: https://lipetskmedia.ru/m/news/view/146374-Yevgyeniya_Uvarkina_.html (дата обращения: 12.10.2021).

424 В КубГТУ увековечили память о великом ученом-физике Б. Л. Розинге // Кубанский государственный технологический университет. — URL: <https://kubstu.ru/r-10207> (дата обращения: 27.09.2021).

425 Александр III, Калашников, Иван Грозный: какие лыжи находят на памятниках // Газета.ru. — URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/06/06/a_13622672.shtml?updated (дата обращения: 11.06.2021).

ступлениям или актам вандализма. Из недавних примеров — упомянутый в **разделе 4.1.** эпизод возведения и последующего скорого сноса памятного знака на месте форта Святого Духа в Адлере в 2020 г. (результаты исследования этого яркого примера «конфликта памятования» и его последствий изложены в статье С. Г. Кудавевой «Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов)⁴²⁶», установка и такие же скорые сносы памятников И. В. Сталину в г. Валуйки Белгородской области в 2020 г.⁴²⁷ и в г. Дагестанские Огни в 2021 г.⁴²⁸, самовольная установка и последовавшее осквернение бюста того же вождя в Липецке в 2019 г.⁴²⁹ Эти и целый ряд подобных событий, как, например, споры о законности возведения памятника тому же Сталину на частном участке коммуниста в городе Бор Белгородской области⁴³⁰, являются прямым следствием отсутствия законодательного базиса формирования монументального ландшафта страны, определяющего единый для всей Российской Федерации вектор монументальной политики. Этот законодательный базис должен быть аргументирован как в аспекте научно обоснованных критериев достоверности, историко-культурной и социально-политической значимости воплощаемых в монументах образов и смыслов, так и с точки зрения прогнозов социально-культурных и социально-политических последствий возведения монументальных объектов в пространствах населенных мест и на других территориях (включая частновладельческие).

Не касаясь непосредственно механизмов создания правовых основ государственной монументальной политики, обозначим ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к сохранению и реализации социально-культурных функций недвижимого наследия России. К таковым относятся, во-первых, роль и место монументальных сооружений и зданий, имеющих статус объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), внесенных в единый государственный реестр, в формировании современного монументального ландшафта страны и связанных с ним мемориальных практик; во-вторых, идейно-художественное взаимодействие массива монументальных объектов с недвижимым наследием — памятниками архитектуры и градостроительства, истории, археологии, инженерного искусства, фортификации и так далее, ансамблями, достопримечательными местами и историко-культурными территориями, включая исторические поселения; в-третьих, трансформа-

426 Кудавева С. Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 13–20. — DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20.

427 Под Белгородом установили и демонтировали бюст Сталину // ИА REGNUM. — URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2990968.html> (дата обращения: 12.09.2021).

428 В Дагестанских Огняхнесли бюст Иосифа Сталина // АиФ Дагестан. — URL: https://dag.aif.ru/society/v_dagestanskikh_ognyah_snesli_byust_iosifa_stalina. (дата обращения: 16.09.2021).

429 После осквернения бюста Сталина в Липецке КПРФ напомнили, что он установлен незаконно // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/670098> (дата обращения: 28.10.2021).

430 «Вождь при дворе»: регулируется ли в России установка памятников на частной земле // Известия. — URL: <https://iz.ru/1028352/evgeniia-priemskaja/vozd-pri-dvore-reguliruet-sia-li-v-rossii-ustanovka-pamiatnikov-na-chastnoi-zemle> (дата обращения: 28.10.2021).

ция идейно-политических и художественно-эстетических смыслов монументальных объектов; в-четвертых, реставрация, реконструкция, воссоздание и проблема подлинности монументов; в-пятых, проблема содержания и хозяйственно-экономического потенциала монументальных объектов.

Конечно, отдельные аспекты обозначенных проблем составляют предмет регулирования российского законодательства в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия, но правовая регламентация, как в федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 г., так и в соответствующих законах субъектов Российской Федерации, касается вопросов учета, порядка реставрации и реконструкции, хозяйственного оборота недвижимого наследия и территорий объектов — памятников, ансамблей, достопримечательных мест, исторических поселений. Градостроительные кодексы — как общероссийский, так и региональные — в части территорий объектов культурного наследия также устанавливают лишь общие требования к градостроительной деятельности, без конкретизации в отношении монументальных объектов. При таком положении дел региональными и муниципальными властями предпринимаются попытки регламентации деятельности в сфере «монументостроения» посредством различных документов с близкими формулировками наименования, во множестве обнаруживаемые простым поиском в сети Интернет. Показательные примеры трех последних лет — «Положение о порядке установки памятников, мемориальных досок и других памятных знаков на территории муниципального образования Юбилейный сельсовет Адамовского района Оренбургской области», принятое постановлением администрации муниципального образования Юбилейный сельсовет от 29.10.2019 г. № 71-п,⁴³¹ «Положение о порядке установки монументов (памятников) и памятных знаков на территории городского округа Истра», утвержденное решением Совета депутатов городского округа Истра Московской области от 08.10.2020 г. № 4/9,⁴³² и «Положение о порядке установки памятников, мемориальных досок на территории Талдомского городского округа», утвержденное постановлением главы Талдомского городского округа Московской области от 13.10.2021 г. № 1757⁴³³.

Примечательно, что правовыми основаниями этих документов, как и прочих подобных, преследующих цели «осуществления единой политики в области установки памятников, мемориальных досок и других памятных зна-

431 Постановление «Об утверждении положения о порядке установки памятников, мемориальных досок и других памятных знаков на территории муниципального образования Юбилейный сельсовет» от 29.10.2019. № 71-п // Портал муниципальных образований. — URL: <https://muob.ru/aktualno/npa/postanovleniya/952882.html> (дата обращения: 12.08.2021).

432 Решение Совета депутатов городского округа Истра Московской области «Об утверждении «Положения о порядке установки монументов (памятников) и памятных знаков на территории городского округа Истра» от 08.10.2020 г. № 4/9 // Администрация городского округа Истра. — URL: <http://istra.omsu.inlite.ru/files/2020/10/13/4.9%20ot%2008.10.2020.pdf>. (дата обращения: 12.08.2021).

433 Постановление главы Талдомского городского округа Московской области от 13.10.2021 г. № 1757 // Администрация Талдомского городского округа Московской области. — URL: http://www.талдом-район.рф/officialnie-documenty/obratnaya_svyaz_dlya_soobshcheniy_o_faktakh_korrupsii/1757.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

ков», «формирования историко-культурной среды», «увековечения памяти о выдающихся событиях..., выдающихся личностях..., информирования гостей и жителей об истории...» (перечислено в хронологическом порядке), наряду с федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами соответствующих муниципальных образований, парадоксально обозначены федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и региональные аналоги, согласно которым объектами культурного наследия могут стать лишь «выявленные объекты культурного наследия, со времени возникновения или с даты создания которых либо с даты исторических событий, с которыми такие объекты связаны, прошло не менее сорока лет (за исключением мемориальных квартир и мемориальных домов...)» (пункт 12 статьи 18 федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ). То есть один из декларируемых правовых источников названных документов, регламентирующих создание и установку монументов и иных мемориальных объектов, оказывается заведомо неприменимым. А сам факт ссылки на законодательство о культурном наследии, во-первых, ярко высвечивает проблему отсутствия собственно правовых оснований государственной монументальной политики и желание направить «монументостроение» в контролируемое русло, во-вторых, служит показателем, применительно к административным практикам, прямого соотнесения современных мемориальных объектов, в том числе монументальных произведений архитектуры, скульптуры и др., с массивом объектов недвижимого наследия. То есть создаваемым монументальным объектам и обеспечиваемым ими практикам памятования отводится такая же роль инструмента формирования культурной памяти, как и всему массиву недвижимого наследия. При всей схожести названных и подобных им документов (по структуре, предмету регулирования, основным применяемым понятиям, в целом совпадающим с энциклопедическими определениями), в них просматриваются значительные различия в трактовке связанных с мемориальными объектами практик памятования. В частности, если в установленных для поселка Юбилейного «Правилах» и «Положении» для г. Талдома круг объектов регулирования ограничивается памятниками, «мемориальными сооружениями», мемориальными досками и «другими памятными знаками (информационными досками), а критерии их установки — «наличием достоверных сведений, подтвержденных документально, о значимости события, которому посвящен памятник...», «наличием у гражданина (объекта мемориализации) официально признанных заслуг...» и примерами «особого героизма, мужества, смелости, отваги», то в «Положении» для г. Истры перечень объектов регламентации дополнен особыми пунктами, такими как «парк миниатюр, в котором демонстрируются уменьшенные копии (макеты и модели) архитектурных сооружений, а также технических и природных объектов», и «ленд-арт в части

создания постоянного арт-объекта в природной среде из естественных или искусственных материалов, имеющего индивидуальное или коллективное авторство», а критерии возможности установки включают, помимо схожих с приведенными выше, ряд особых позиций: «поддержка детства и материнства, молодежного досуга (установка анималистических скульптур, памятников мультипликационным персонажам, героям сказок, литературным персонажам, киногероям, героям фольклора»; «развитие культуры и народных промыслов (установка памятников и памятных знаков предметам обихода, продукции народных промыслов, исторически значимых предприятий промышленности и сельского хозяйства)»; «развитие градостроительной среды, благоустройства территории (произведения современного искусства, объекты паркового благоустройства, являющиеся архитектурно-скульптурными композициями, макеты зданий и сооружений, памятные знаки... в виде художественно интерпретированных пиктограмм, букв алфавита, нот, математических символов, макетов физических, химических геологических процессов)». Замыкает же этот перечень критериев «воссоздание утраченных объектов монументальной скульптуры дореволюционного и советского периода отечественной истории, не являющихся объектами капитального строительства элементов архитектурно-скульптурного оформления территорий общего пользования».

Процитированные фрагменты действующих документов, регламентирующих процессы создания мемориальных объектов (и, в частности, монументов) на территориях муниципалитетов, явно демонстрируют, во-первых, различия в понимании их сущности и роли в сохранении культурной памяти общества и формировании пространственной среды населенных мест, во-вторых, фиксируют факт смешения социально-культурных функций памятников с не несущими мемориального смысла произведениями городской и парковой скульптуры и архитектуры малых форм. В целом же рассмотренные документы, как и целый массив им подобных, главным формальным признаком которых выступает муниципальный уровень их применения, демонстрируют разнородность общероссийских процессов «монументостроения» и критичность отсутствия федерального нормативного акта, регламентирующего эту сферу, и конкретизирующих его для применения в субъектах Российской Федерации соответствующих региональных законов.

Состав и характер противоречий и парадоксов современных процессов формирования монументального ландшафта России, как и факт их слабого регулирования государственной властью, позволяют утверждать необходимость скорейшей выработки единой государственной стратегии сохранения существующих и возведения новых монументов и прочих объектов мемориального назначения, обеспечения их социально-культурного функционирования, направленного на сохранение национальной культурной памяти; коррекции связанных с ними официальных и неформальных практик памятования. Очевидно, что стержнем этой стратегии должен стать соответствующий феде-

ральный закон, содержащий однозначные определения понятий «монумент», «мемориальный объект», «памятник», «памятный знак», регламенты содержания существующих объектов, единый набор критериев и условий создания и размещения новых объектов в общественных пространствах. Именно законодательным путем и посредством специальных подзаконных актов должна быть сформирована система регламентации процессов создания новых и воссоздания утраченных мемориальных объектов, их внедрения в культурные ландшафты, включающая обязательное открытое общественное обсуждение идейно-художественного замысла создаваемых или воссоздаваемых произведений (установление наличия «запроса»); обязательную профессиональную экспертизу проектов и их промежуточных воплощений (моделей, макетов) с целью установления степени достоверности создаваемых образов и транслируемых смыслов, оценки художественно-эстетических качеств произведений, соответствия их предполагаемому пространственному контексту (архитектурно-градостроительным, функциональным, инженерно-техническим параметрам территорий, их исторически сложившимся символическим значениям); прогнозирование социально-культурных, хозяйственно-экономических и политических последствий создания или воссоздания мемориальных объектов, включая содержание сопровождающих их текстов.

Центральными же задачами государственной монументальной политики на сегодняшний день являются, во-первых, актуализация изначально свойственной монументам и вообще мемориальным объектам роли инструмента сохранения и трансляции культурной памяти; во-вторых, разделение в общественном сознании произведений архитектуры, монументального, садово-паркового искусства, имеющих мемориальное назначение, и произведений иного рода, служащих элементами художественного оформления общественных пространств, благоустройства, выполняющих информационные, развлекательные, рекреационные и иные функции, не связанные с практиками памяти; в-третьих, создание необходимых условий сохранения (содержания, реставрации, воссоздания) монументального ландшафта страны; в-четвертых, научное обоснование системы критериев увековечения событий или личностей посредством создания монументов и вообще мемориальных объектов; в-пятых, выработка системы мер, обеспечивающих реализацию монументальными и вообще мемориальными объектами общественно-политических, культурных и хозяйственно-экономических (в рамках экскурсионно-туристической сферы) функций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абашев В. В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 1. — С. 66–79.

Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta slavica jaronica. Sapporo, 2003. — Т. 20. — С. 25–49.

Аванесов С. С. Сакральная топоика русского города (5). Собор и ворота // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2018. — № 1. — С. 70–92.

Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 1. — С. 142–150.

Азизян И. А., Иванова И. В. Памятники вечной славы. Концепции и композиция. — М.: Стройиздат, 1976. — 207 с.

Алексеев Е. П. Провинциальный монументализм: первые памятники В. И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2005. — № 35. — С. 142–161.

Алфаких И. Ж. Монументальная скульптура конца XX – начала XXI в. в архитектуре и дизайне городской среды Москвы: истоки, традиции, ревизии, новации : дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 2018. — 237 с.

Ананьев В. Г. П. П. Вейнер и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 50–56. — DOI: 10.17223/15617793/405/6.

Андросов С. А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 3–4. — С. 126–138.

Аникин Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. — 2012. — № 2. — С. 34–38.

Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. — 2012. — № 3. — С. 121–126.

Антощенко А. В. Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // Феномен прошлого. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 396–418.

Артамонов В. А. Город и монумент. — М.: Стройиздат, 1974. — 224 с.

Ассман А. Длинные тени прошлого: мемориальная культура и историческая политика. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

Атанасов Г. Святой Георгий — пеший воин-змееборец: возникновение иконографии, памятники, семантика и распространение // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы междунар. науч. конфер., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г.). — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 330–343.

Атанесян Г. Христианская символика в городских памятниках постсоветской Армении // Культура и искусство. — 2018. — № 5. — С. 1–5. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26254 (дата обращения: 17.02.2021).

Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). — М.: Индрик, 2011. — 917 с.

Баранов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 55–61. — URL: [http:// http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Bararov.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Bararov.pdf) (дата обращения: 17.02.2021).

Бардадым В. П. Зодчие Екатеринодара. — Краснодар : Сов. Кубань, 1995. — 112 [1] с.: ил.

Басс В. Г. «Величайший и любимейший эпос нашего века»: проекты советских военных монументов 1941–1945 гг. // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 1. — С. 62–74.

Басс В. Г. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2019. — № 6. — С. 61–84.

Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Развитие православного ландшафта в современном российском мегаполисе (на примере Екатеринбурга) // Религиоведение. — 2017. — № 4. — С. 143–153.

Беленький Г. Л., Редьков Н. Н. Памятники монументального искусства города Ростова-на-Дону. — Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2016. — 192 с.

Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Искусство и зритель : сб. ст. — СПб., 2013. — С. 45–67 (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 16).

Богумил З. Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 3 (71). — С. 11–29.

Болтунова Е. М. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2017. — № 6. — С. 109–128.

Болтунова Е. М. Формирование постсоветской памяти о Российской империи: образ Николая II в монументальных памятниках 1990–2010-х гг. // Пятнадцатые Романовские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конфер. (Екатеринбург — Алапаевск, 16–17 июля 2015 г.) — Екатеринбург : Квадрат, 2015. — С. 59–65.

Бондарь В. В., Маркова О. Н. К истории пребывания С. Я. Маршака в Екатеринодаре и Краснодаре: дом на Гоголевской улице // Наследие веков. — 2015. — № 1. — С. 123–134. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Bondar&Markova.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Бондарь В. В. Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины — памятник архитектуры византийского стиля // Наследие веков. — 2015. — № 3. — С. 131–136. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf (дата обращения: 21.05.2019).

Бондарь В. В. Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2020. — № 3. — С. 26–34.

Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. А. Касаева. — М. : АИРО-XXI, 2011. — 256 с.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). — СПб. : Академический проект, 2009. — 415 с.

Будкин В. С. Государство и религия на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. — 2007. — Т. 1. — № 5. — С. 25–48.

Булыгина Т. А., Кожемяко Т. Н. Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI вв. // История и историческая память. — 2012. — № 6. — С. 63–76.

Быкова Е. В. Модульный мемориальный текст как монументальная пропаганда // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2011. — № 131. — С. 131–137.

В граните и бронзе (О памятниках Кубани) / сост. Н. Т. Ганенко, В. Ф. Латкин. — Краснодар : Краснодарское кн. изд-во, 1975. — 144 с.

Валериус С. С. Проблемы современной советской скульптуры. — М. : Искусство, 1961. — 222 с.

Валериус С. С. Скульптура нового мира : проблемные очерки. — М. : Изобразительное искусство, 1970. — 379 с.

Ваньке А. В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2015. — № 3. — С. 203–220.

Ваньке А. В., Полухина Е. В. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕР. — 2014. — Т. 1. — № 8. — С. 36–51.

Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 2. — С. 141–167.

Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбург-

ского государственного педагогического университета. — 2020. — № 2. — С. 112–128. — DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.10.

Васильев И. Ю. Памятники Великой Отечественной войны в восприятии краснодарцев // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 69–74. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Vasilev.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

Верёш Б. Исторические деятели при новых режимах: монументальная пропаганда в Советской России и Венгерской советской республике в 1917–1919 гг. // Historia Provinciae — Журнал региональной истории. — 2018. — Т. 2. — № 4. — С. 199–239.

Веселов Ф. Д. «Последний адрес»: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 202–231.

Вибе П. П. Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» // Памятники истории и культуры города Омска : сб. ст. — Омск, 1992. — С. 18–28.

Вибе П. П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. — Омск : ОГИК музеев, 2005. — С. 5–12.

Власникова М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. — СПб, 2021. — 28 с.

Волков М. М. Система объектов монументальной пропаганды в структуре исторического города : дисс. ... канд. архитектуры: 18.00.04. — М., 1985. — 161 с.

Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // Carelica. — 2015. — № 1. — С. 8–24.

Воробьев Е. П. Советский скульптор-монументалист Е. В. Вучетич : обзор источников // Вестник архивиста. — 2019. — № 4. — С. 1228–1238. — DOI: 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238.

Воронков Ю. Г. Памятники В. И. Ленину в Белоруссии. — Минск : Польша, 1976. — 23 с.

Воронов Н. В. Вера Мухина. — М. : Изобразительное искусство, 1989. — 336 с.

Воронов Н. В. Советская монументальная скульптура, 1960–1980. — М. : Искусство, 1984. — 226 с.

Вострышев М. И. Москва православная. Все храмы и часовни. — М. : Алгоритм, 2012. — 544 с.

Врангель Н. Н. История скульптуры. — М. : Кнебель, 1904. — 416 с.

Высочков Л. В. Монументальная пропаганда при императоре Николае I // Мавродинские чтения : сб. статей. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002.

Вятчина М., Юдкина А. Мемориализация Холокоста в Смоленской области (1943–1990 гг.): действующие лица, места и практики поминовения // Евреи пограничья: Смоленщина. — М., 2018. — С. 237–250.

Габович М. Советские военные памятники : биографические заметки // Academia.edu. — URL: https://www.academia.edu/7096928/Советские_военные_памятники_биографические_заметки. (дата обращения: 11.07.2020)

Гаверилов В. Г. История памятника, установленного в честь победы казаков атамана М. И. Платова над авангардом французской армии у д. Молево Болото // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI междунар. науч. конференции (Бородино, 4–6 сент. 2017 г.). — Бородино, 2018. — С. 111–116

Гончаров А. В. «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 41–47. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов всерос. науч.-практ. конфер. (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов ; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. — М. : Институт Наследия, 2016. — 364 с.

Грехова И. Г., Погодин С. А., Фадеев Л. А. Предостережение ныне живущим. Из истории создания «Масок скорби» // Веси: литературно-художественный, историко-краеведческий журнал. Спецвыпуск. — Екатеринбург, 2017. — № 10. — С. 7–15.

Грибоносова-Гребнева Е. В. Метаморфозы жанра ню в отечественной скульптуре 1920–1930-х гг.: диалог с классикой // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. — 2019. — № 3. — С. 96–104.

Гуров М. Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. — 2018. — № 1. — С. 54–60.

Гусев К. Д. Конструирование исторического образа в монументальном искусстве : на материале памятников П. А. Столыпину // История и археология : материалы IV междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — СПб. : Свое издательство, 2017. С. 1–4. — URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12667/> (дата обращения: 12.08.2019).

Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1921–1928 гг. // Молодой ученый. — 2015. — № 24. — С. 818–823.

Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1928–1941 гг. // Молодой ученый. — 2016. — № 7. — С. 545–549.

Данилова Н. Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 гг.) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 262–281.

Дементьев И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 40–61. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003.

Денисенко Г. Г. Культурна спадщина у формуванні історичної пам'яті. — Київ : Інститут історії України НАН України, 2018. — 319 с.

Джанджугазова Е. А. Монументальная композиция «Рабочий и колхозница» как новая идеология городского пространства или как туристский бренд Москвы? // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2013. — № 4. — С. 63–71.

Дианина Е. Возвращенное наследие: Николай II как новодел / пер. с англ. А. Е. Яковец // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 1. — С. 218–241.

Дианов С. А., Дианова Ю. В. Геокультурный брендинг современного города: «Пермь космическая» // Наследие веков. — 2021. — № 2. — С. 13–23. — DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.001.

Дискуссия о книге «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» / С. М. Маркедонов, В. А. Шнирельман, Л. А. Фадеева, Х. Граля, М. А. Липман, А. А. Тесля // Новое прошлое — The New Past. — 2020. — № 3. — С. 256–302.

Дмитриев А. Н. Бронзовый гость без вышиванки, или Бывший Ленин в восемнадцатом году // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2018. — № 2. — С. 203–224.

Дождевых С. М. «Симфония священства и царства»: семантические версии культовых памятников в архитектурно-пространственной среде г. Вятки конца XIX — начала XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2011. — № 1. — С. 147–152.

Докучаев Д. С. Дочки-матери: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 4. — С. 82–95.

Долгов А. Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц. — СПб., 1860. — 48 с.

Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // Laboratorium. Журнал социальных исследований. — 2010. — № 2. — С. 333–338.

Доронина Л. Н. Скульптура сталинской эпохи (1930–1950-е гг.). — М. : МГПУ, 2013. — 97 с.

Елатомцева И. М. Монументальная летопись эпохи. — Минск : Наука и техника, 1969. — 152 с.

Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 171–183. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.13.

Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). — СПб. : Нестор, 1998. — 399 с.

Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 23. — № 1. — С. 25–39. — DOI: 10.15826/izv2.2021.23.1.002.

Еремеева С. А. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации. — М. : Гос. ун-т — ВШЭ, 2009. — 49 с.

Еремеева С. А. Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX — начала XX в. — М. : РГГУ, 2015. — 530 с.

Ермилов Н. История сооружения памятника Ломоносову в Архангельске // Исторический вестник. — 1889. — Т. 36. — № 4. — С. 174–180.

Ефимов А. В. Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь : Таврия, 1994. — С. 213–224.

Жерноклев И. В., Жерноклева Е. И. Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи. — Майкоп : Краснодарское кн. изд-во, Адыгейское отделение, 1973. — 130 с.

Жиров А. А. Создание геоинформационной системы «Монументальная память о Первой мировой войне в Восточной Пруссии» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 2015. — № 44. — С. 69–71.

Журин О. И. Казанский собор // Наука и жизнь. — 1994. — № 2. — С. 2–5.

Замошкин А. И. Лев Ефимовч Кербель. — М. : Сов. художник, 1967. — 174 с.

Зарубин А. Г. Из истории Бахчисарайского дворца-музея // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь : Таврия, 1994. — С. 210–213.

Зинovieва О. А. Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. : Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — № 1. — С. 9–23.

Золотоносов М. Н. Бронзовый век. Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда — Петербурга 1985–2003 гг. — СПб. : Новый Мир Искусства, 2005. — 624 с.

Иванова Е. А., Масалов В. А. Судьба памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска в станице Бескоробной // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 4. — С. 79–81.

Иванова И. В. Памяти героев международного коммунистического и рабочего движения // Советская скульптура — 77. — М. : Сов. художник, 1979. — С. 19–29.

Иванова О. В., Юренева Т. Ю. Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. — 2021. — № 4. — С. 86–97.

Историческая политика в XXI в. : сб. ст. / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 646 с.

Калашников В. Мемориальный WinRAR: практики коммеморации в современной России // Spectate. — URL: <https://spectate.ru/memory-culture/> (дата обращения: 23.03. 2020).

Калинин Б. Н., Юревич П. П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. — Л. : Лениздат, 1979. — 519 с.: ил.

Калугина О. В. Декрет о памятниках республики и его реализация как новационный опыт организации монументального конкурса // Три века под знаком новизны. Отечественное искусство 1700–2000-е : сб. статей междунаучной конференции (Москва, 22 июня 2016 г.). — Барнаул, 2017. — С. 95–101.

Калякина А. В. Мемориальные храмы как разновидность национально-музей // Вестник Московского ун-та. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 3. — С. 158–169.

Камынин В. Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — № 1. — С. 59–65.

Карикаш В. И., Дьячкова Л. Г. Мемориальная доска как особый вид монументального памятника в пространстве региональной скульптуры // Новые идеи нового века : материалы междунар. науч. конфер. ФАД ТОГУ. — 2016. — Т. 3. — С. 49–53.

Карпенко Е. К. «Натурализация» монумента: практика освоения советского наследия в парке Груто (Литва) // Логос. — 2017. — Т. 27. — № 6. — С. 237–256.

Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Монументы XVIII — начала XX в. Кн. 1 : Архитектурный памятник. — М. : Жираф, 2001. — 352 с.: илл.

Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Монументы XVIII — начала XX в. Кн. 2 : Архитектурные ансамбли и скульптурный памятник. — М. : Жираф, 2001. — 384 с.: илл.

Кириченко Е. И. Храм и город. О содержательно-структурном единстве русского сакрального пространства // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. — М. : Индрик, 2009. — С. 285–315.

Клемешов А. С. Памятники Александру Невскому // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. — М. : Р-Валент, 2010. — С. 335–358.

Королев С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // *Философская мысль*. — 2015. — № 4. — С. 1–54. — DOI: 10.7256/2409-8728.2015.4.15258.

Киуру К. В. Визуальный миф в идеологическом нарративе: репрезентация в советском монументальном искусстве // *Вестник культуры и искусств*. — 2017. — № 3. — С. 113–118.

Кознова И. Е., Никольский С. А. Прошлое в политике и культуре советской России // *Вестник славянских культур*. — 2017. — Т. 43. — С. 52–69.

Кокоулин В. Г. «Война памятников» и «война памяти» в постсоветской России // *Пятые Ядринцевские чтения : материалы V всерос. науч.-практ. конференции (Омск, 30–31 окт. 2019 г.)*. — Омск, 2019. — С. 29–35.

Колоницкий Б. И. Предсказуемое прошлое в непредсказуемом будущем? Юбилей революции, политика памяти и культурная память современной России // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. : История*. — 2016. — № 4. — С. 114–131.

Колосовская Т. А. Казачьи памятники на Северном Кавказе: идеи, проекты, реализация (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Терский сборник*. — М. : МИРАКЛЬ, 2017. — С. 169–184.

Колягина Н. К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками // *Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г.* — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 89–112.

Конрадова Н. А., Рылева А. Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 241–261.

Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.

Коровин В. В., Манжосов А. Н., Кизилова Е. В. «Теперь мы в граните и бронзе...» (Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы). — Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2020. — 295 с.

Королев А. В. О новейших отечественных памятниках героям Первой мировой войны // *Историческая экспертиза*. — 2020. — № 2. — С. 43–52.

Костыря М. А., Соколов Р. А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. — 2021. — № 1. — С. 95–123.

Костяшов Ю. В. Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX — начало XXI в.). // *Наследие веков*. — 2020. — № 3. — С. 62–72. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004.

Котломанов А. О. Паблик-арт: страницы истории. Феномен контр-монумента и кризис мемориальной традиции в современной монументальной

скульптуре // Вестник СПбГУ. Сер. 15 : Искусствоведение. — 2015. — Вып. 1. — С. 53–70.

Котломанов А. О. Монуменальность новой русской скульптуры. Эпизод 1: Памятник князю Владимиру // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. — 2017. — Т. 7. — Вып. 3. — С. 342–359. — DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.305.

Котова Е. С. Монуменальная скульптура Ленинграда в период оттепели // Общество: философия, история, культура. — 2018. — № 8. — С. 144–148.

Красильникова Е. И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 61. — С. 32–43. — DOI: 10.17223/19988613/61/5.

Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — 2-е изд. — Новосибирск : Золотой колос, 2015. — 404 с.

Краснодар в камне и бронзе [авт.-сост. И. И. Ващенко и др]. — Краснодар : Традиция, 2017. — 235, [2] с.: ил.

Кринко Е. Ф. Институционализация памяти о депортациях народов Северного Кавказа в СССР и современной России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 279–303.

Кринко Е. Ф. Историко-культурное наследие казачества Юга России: практика мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности : сб. науч. статей. — Краснодар : Парабелум, 2015. — С. 126–135.

Кринко Е. Ф. Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе // Новое прошлое — The New Past. — 2018. — № 3. — С. 200–210.

Кринко Е. Ф., Горюшина Е. М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 203–214. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.2.17.

Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2014. — Т. 8. — № 3. — С. 27–35.

Крючкова О. Н. Формирование некоторых концептов постсоветской культуры (на примере восстановления храма Христа Спасителя в Москве (1994–2000 гг.)) // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 3. — С. 59–65.

Кудаева С. Г. Монуменальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государ-

ственного технологического университета. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 13–20. — DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20.

Кузьмин М. А. Возрождение церковного строительства в современной России // Вестник славянских культур. — 2012. — № 1. — С. 31–36.

Культура в нормативных актах советской власти. 1938–1969 / сост. К. Е. Рыбак. — М.: Юстицинформ, 2011. — 564 с.

Латин В. В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. — 2014. — № 1. — С. 121–145.

Латин В. В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI в. // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 74–95.

Латцевич Л. Г. Ленинский план монументальной пропаганды в Белоруссии. — Минск: Полымя, 1984. — 31 с.: ил.

Ларионов А. Э., Новичков А. В. Монументальные практики увековечения памяти о Великой Отечественной войне в Крыму // Диалог со временем. — 2020. — Вып. 72. — С. 292–309.

Лебедева Г. Е. Русские церковные историки о «симфонии священства и царства» в Византии // Ленинградский юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 107–118.

Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. — 2015. — Вып. 50. — С. 59–96.

Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики // Colta.Ru. — URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/24756-mariya-lipman-panteon-natsionalnyh-geroev-simvolicheskaya-politika> (дата обращения: 25.12.2020).

Личак Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. — 2010. — № 19. — С. 202–208.

Лопатина Е. Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 — середине 1930-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 4. — С. 24–28.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 485–503.

Лютынский А. М. Мемориальные надписи в память о репрессиях: Соловецкие острова и урочище Сандармох // Laboratorium. Журнал социальных исследований. — 2018. — № 2. — С. 149–156.

Макаркин А. В. Памятники современной России // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. — 2010. — № 1–2. — С. 127–138.

Макаров А. И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники. — Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2011. — С. 19–29.

Малеева Е. Н. Образ храма как образ власти. Государственный заказ в русской художественной культуре XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 61. — С. 165–169.

Малинина Т. Г. Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (по материалам конкурсов и выставок 1942–1945 гг.): дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 1984. — 275 с.: ил.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 207 с.

Малинова О. Ю. «Историзм без глобальной истории»: отечественные битвы за историю (Рецензия на книгу : Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.) // Символическая политика: сб. науч. тр. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — С. 301–307.

Мальгина М. Р. От Крыма и всей России: памятник Екатерине Великой // Историческое наследие Крыма: сб. ст. — Симферополь: Антиква, 2017. — С. 5–24.

Маркова О. Н. Страницы скульптурной «Ленинианы»: памятник В. И. Ленину в Новороссийском морском порту // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 62–68. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Markova.pdf. (дата обращения: 23.03. 2020).

Маркова О. Н. Религиозная семантика в современном монументальном ландшафте: общероссийский и региональный аспекты // Наследие веков. — 2021. — № 4. — DOI: 10.36343/SB.2021.28.4.006.

Маслюкова М. В. Общество как актор памяти: монументальные формы мемориализации жертв политических репрессий в Москве // Память и идентичность — II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива : сб. ст. по материалам всерос. науч. конференции (Москва, 16–17 мая 2019 г.). — М., 2020. — С. 228–243.

Медеуова К. Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 256–274.

Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. — 2018. — № 1. — С. 148–172.

Мещеркина Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся. — 2005. — № 5. — С. 198–213.

Миллер А. И. Россия: власть и история // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. — 2009. — Т. 13. — С. 6–23.

Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в 21 веке: [сб. статей]. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 328–367.

Михайлова Н. В. Некоторые аспекты проблемы правового регулирования взаимодействия государства и Русской православной церкви по сохранению памятников религиозной культуры // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 7. — С. 15–18.

Михалев А. В. Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // Диаспоры. — 2009. — № 2. — С. 208–232.

Михалев А. В. Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 322–335.

Монументальная мозаика Москвы: между утопией и пропагандой: 1926–1991 / А. Петрова, Е. Рускевич, Д. Хилл, Е. Куделина. — М. : Эксмо, Бомбора, 2021. — 319 с.

Монументальное искусство СССР / авт.-сост. В. П. Толстой. — М. : Советский художник, 1978. — 382 с.

Морозова О. М. Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 29–39. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002.

Мутаев У. К. Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 4. — С. 154–167.

Наумов С. С., Рыженко В. Г. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : материалы VI междунар. науч.-практ. конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.). — Омск, 2019. — С. 430–438.

Нащокина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы // Памятники Отечества. — 1988. — № 1. — С. 143–148.

Нестуля О. О. Охорона пам'яток України за доби Центральної Ради // Український історичний журнал. — 1993. — № 10. — С. 104–117.

Нехезина М. П. Русский Микеланджело. — Волгоград : Издатель, 2011. — 77 [2] с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. — С. 17–50.

Павлюченков А. С. Памятники революционной России. — М. : Сов. Россия, 1986. — 95 [1] с.

Павлюченков А. С. Партия, революция, искусство (1917–1927 гг.). — М. : Мысль, 1985. — 176 с.

Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-лейтенанта Потто. — Тифлис : Издание Военно-исторического отдела при штабе кавказского военного округа. Вып. I : 1906. — 182 с. разд. паг., 29 л. ил. ; Вып. II : 1909. — 239, 8 с., 23 л. ил.

Памятники Ленину в Туркменистане / сост. А. Клычев, С. Аннанурова. — Ашхабад : Туркменистан, 1980. — 24 с.: ил.

Памятники Северного Кавказа: Автономные республики и Ставропольский край [Альбом] / вступ. статья Б. Гнедовского. — М. : Сов. Россия, 1976. — 24 с., 183 л. ил.

Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [материалы, документы, статьи, комментарии] / авт.-сост. Т. Г. Малинина, Е. В. Огаркова. — М. : ГАЛАРТ, 2011. — 456 с.

Пастухова А. Я. «Долгая дорога к совести» : из истории создания памятника работы Эрнста Неизвестного жертвам государственного террора в Екатеринбурге // Эрнст Неизвестный и нонконформизм в искусстве СССР : Круглый стол к 90-летию со дня рождения Э. И. Неизвестного, Екатеринбург, 8 апреля 2015 г. : материалы. — Екатеринбург : Квадрат, 2015. — С. 68–76.

Пахалюк К. А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2017. — № 1. — С. 106–128.

Педашенко С. А. Памятники Пушкину (1837, 29 января — 1912) : с 10 снимками памятников. — М., 1912. — 24 с. ил.

Петренко С. Д., Блинов Е. Н. Иконография Ленина в памятниках г. Новосибирска // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2016. — № 1. — С. 501–506.

Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. — М. ; Екатеринбург : Юрайт, 2017. — 247 с.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. — СПб : Журнал «Нева», 2000. — 416 с.

Платт Д. Б. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 352 с.

Подвицнев О. Б. Постсоветская «война памятников» в Крыму: до и после присоединения к России // Вестник Пермского научного центра. — 2016. — № 5. — С. 18–24.

Полевой В. М. Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. — М. : Советский художник, 1989. — 456 с.

Полегаев С. Г. Воплощение образа святых Бориса и Глеба в монументальной скульптуре // Педагогическое регионоведение. — 2018. — № 1. — С. 39–45.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.

Полян П. М. Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2010. — № 3. — С. 30–48.

Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 55–62.

Прасолов Д. Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2017. — № 2. — С. 67–82.

Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / под общей ред. Л. П. Репиной. — М. : Аквилон, 2020. — 464 с.

Рвачева О. В. Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 304–321.

Рвачева О. В. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 5. — С. 318–323.

Рогинский А. Б. Память о сталинизме. Выступление на конференции «История сталинизма». Москва. 5 декабря 2008 г. — URL: <http://www.hro.org/node/3916> (дата обращения: 03.09.2021).

Рождественская/Мещеркина Е. Ю. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. — 2017. — № 5. — С. 87–114.

Рождественская Е. Ю., Тартаковская И. Н. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // Пути России. Историзация социального опыта. — М. : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 69–92.

Розовик Д. Ф. Українське культурне відродження в роки національно-демократичної революції (1917–1920). — Київ, 2002. — 309 с.

Рокотян И. И. Памятники В. И. Ленину на Ставрополье. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1971. — 39 с.: ил.

Рубин В. А. Военно-мемориальное наследие как феномен российской культуры: теоретические и исторические аспекты. — Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2019. — 351 с.

Рыженко В. Г. Новые Фигуры и Места памяти — показатель трансформаций культурного пространства сибирских городов в постсоветской России // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка : сб. ст. всерос. науч.-практ. конфер. с междунар. участием (г. Новокузнецк, 25–26 окт. 2018 г.). — Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Арт-экспресс, 2018. — С. 7–16.

Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. — 2015. — № 3–4. — С. 78–95.

Рябов О. В. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике: контуры проблемного поля // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2017. — № 1. — С. 6–20.

Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 4. — С. 168–183.

Ряполов С. В. Проблема интерпретации советского монументального искусства // Сборник научных трудов SWorld. — 2012. — Т. 32. — № 2. — С. 39–43.

Савельев Ю. Р. Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы. 1881–1914. — СПб. : Лики России, 2011. — 296 с.

Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ: вторая половина XIX — начало XX в. — М. : Совпадение, 2008. — 304 с.

Савкина А. В. Сакральное в современном искусстве // Система ценностей современного общества. — 2011. — № 20. — С. 75–79.

Савкина А. В. Понятие сакрального в условиях современного общества : автореферат дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. — М., 2012. — 22 с.

Сазонова Н. И. Визуальный образ православия и современная культура: к проблеме взаимодействия // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2014. — № 1. — С. 78–87.

Сазонова Н. И. Пространство религиозного культа и сакральная топика города: восточно-христианская традиция // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2018. — № 1. — С. 93–119.

Сангаджиева Д. В. Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. — 2020. — № 1. — С. 306–318.

Светлов И. В. Советская скульптура и 60 лет Октября // Советская скульптура — 77. — М. : Советский художник, 1979. — С. 6–19.

Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.

Святославский А. В. Традиция памяти в православии. — М. : Древлехранилище, 2004. — 218 с.

Семенова О. В., Афанасенко В. И. Новые памятники о прошлом: ростовские сюжеты о Великой Отечественной войне // Культурная жизнь Юга России. — 2020. — № 3. — С. 118–128.

Семенцов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. — 2018. — № 2. — С. 37–47.

Сенявская Е. С., Сенявский А. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. — 2007. — № 2. — С. 139–151 ; № 3. — С. 107–121.

Сергеев Г. Г., Берестова О. А., Князев С. Н. Подвиг, застывший в металле и камне: мемориальные комплексы, памятники, закладные камни, храмы и часовни: Московская область. — М. : ВегаПринт, 2021. — 319 с.

Серикова Т. Ю. Типология визуальных образов Карла Маркса // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2018. — № 2. — С. 97–105.

Силина М. М. Владимир Ленин и советская мемориальная индустрия // Центр экспериментальной музеологии. — URL: http://redmuseum.church/lenin_commemoration. (дата обращения: 22.04. 2020).

Силина М. М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х гг. — М. : БуксМАрт, 2014. — 351 с.: ил.

Смирнова М. А., Волкова А. А. Скульптуры Веры Мухиной как олицетворение советской эпохи // Modern Science. — 2019. — № 7–2. — С. 57–61.

Советская скульптура наших дней: 1960–1970 / сост. и отв. ред. С. С. Валериус. — М. : Сов. художник, 1973. — 391 с.

Сокол К. Г. Памятники Александру II: географические особенности различных периодов мемориализации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5 : География. — 2007. — № 5. — С. 73–78.

Сокол К. Г. Монументы империи. Описание памятников императорской России (издание 2-е, исправленное и дополненное). — М. : Грантъ, 2001. — 458 с., ил.

Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи : Каталог. — М. : Вагриус Плюс, 2006. — 432 с.: ил.

Соколов Р. А., Костыря М. А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2021. — № 1. — С. 95–123.

Солоницына М. Н. Отражение личности «маршала Победы» в скульптурных памятниках // Кировская область в годы Великой Отечественной войны: вклад в дело Великой Победы : сб. материалов всерос. науч.-практ. конфер., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Киров, 24 апр. 2015 г.). — Киров : Радуга-Пресс, 2015. — С. 250–257.

Солоницына М. Н. Скульптурные памятники Петру и Февронии как факторы культуры современной России // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Киров, 19–22 апр. 2016 г.). — Киров : Старая Вятка, 2016. — С. 241–245.

Солоницына М. Н., Гирфанова О. В. Отражение памяти о культурных истоках в скульптурных памятниках Кириллу и Мефодию // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сб. ст. — Вятка, 2017. — С. 3098–3104.

Стельмах К. И. Монумент «Маска скорби» в Магадане. К истории создания // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 3. — С. 50–55.

Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. : Филология. Социология. Искусствоведение. — 2012. — № 2. — С. 231–239.

Стрельникова А. В. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об афганской войне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2011. — № 6. — С. 118–125.

Стригалева А. А. К истории возникновения ленинского плана монументальной пропаганды (март — апрель 1918 г.) // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. — М., 1976. — С. 97–129.

Стригалева А. А. Ленинский план монументальной пропаганды и проблемы становления советской архитектуры : дис. ... канд. искусствоведения в форме научного доклада: 18.00.01. — М., 1985. — 33 с.

Стригалева А. А. С. Конёнков и монументальная пропаганда // Советская скульптура — 74. — М. : Сов. художник, 1976. — С. 210–223.

Стригалева А. А. У истоков советского монументального искусства // Декоративное искусство СССР. — 1968. — № 4. — С. 18–20.

Сызранов А. В. «Войны памяти»: споры вокруг памятника Ивану Грозному в Астрахани // История и историческая память. — 2020. — № 20. — С. 131–137.

Тимофеев М. Ю. «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовёт!» в современной мемориальной политике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2017. — № 1. — С. 45–58.

Тимофеев М. Ю. Помни о Матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 4. — С. 43–63.

Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. — Ставрополь : Печатный Двор, 2017. — 336 с.: ил.

Толстой В. П. Ленинский план монументальной пропаганды в действии. — М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. — 56 с.

Толстой В. П. У истоков советского монументального искусства. — М. : Изобразительное искусство, 1983. — 239 с.

Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. — 2009. — Т. 13. — № 3–4. — С. 43–64.

Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М. : Академический проект, 1997. — 285 с.

Утехин И. В. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. — М. : Strelka Press, 2014. — 37 с.

Фадеев Л. А. Свобода быть собой. «Маски скорби» и тема политических репрессий в искусстве Эрнста Неизвестного // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 3. — С. 42–49.

Федор Д., Льюис С., Журженко Т. Война и память в России, Украине и Беларуси // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2018. — № 3. — С. 114–141.

Федотова Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 2. — С. 42–62.

Федулин А. А., Багдасарян В. Э. Монументальная скульптура и борьба идеологий: история и актуальные вызовы // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2013. — № 4. — С. 11–17.

Филимонов С. Б. Дважды снесенный и дважды восстановленный: малоизвестные страницы истории памятника императрице Екатерине II в Симферополе // Причерноморье. История, политика, культура. — 2017. — № 20. — С. 8–11.

Хартдинова Л. И. История создания ансамбля ленинского мемориального комплекса в Ульяновске // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. — 2009. — № 3. — С. 216–223.

Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России // Историческая экспертиза. — 2017. — № 1. — С. 30–66.

Хайрутдинов Р. Р., Персова С. Г. Попытки воссоздания местных органов охраны памятников в ТАССР в предвоенный период // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 4–2. — С. 36–40.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.

Харгиттаи И., Харгиттаи М. Наука в Москве: мемориалы исследовательской империи = Science in Moscow. Memorials of a research empire / пер. с англ. под ред. В. М. Гютюнника. — Тамбов : Нобелистика, 2021. — 485 с.

Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. — 434 с.

Художественная жизнь Советской России 1917–1932: события, факты, комментарии : сб. материалов и документов / сост. Т. И. Володина, С. А. Иникова, И. М. Бибикина ; отв. ред. В. П. Толстой. — М. : Галарт, 2010. — 419 с. : ил.

Чевеля Я. Змиевская балка: вопреки. — Ростов-н/Д : Феникс, 2013. — 463 с.

Черкасски А. Место увековечивания памяти евреев, уничтоженных во время Второй мировой войны в советском мемориальном ландшафте // История и историки в контексте времени. — 2012. — № 9. — С. 30–35.

Чубукова Д. Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2019. — № 4. — С. 95–116.

Шагоян Г. А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. — 2021. — № 2. — С. 73–98.

Шалаева Н. В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 гг. // Вестник Челябинского государственного университета : История. — 2014. — Вып. 59. — № 8. — С. 30–35.

Шепель Я. Г. Памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области: опыт создания базы данных // Четвертая зимняя школа по гуманитарной информатике : сб. ст. — Калининград, 2020. — С. 104–110.

Шиловский М. В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2019. — № 1. — С. 133–138.

Шипицын А. И. Городская скульптура и культурный код Волгограда в контексте брендинга территории // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2016. — № 4. — С. 89–97.

Шклярская Я. Г. Народ и памятник // Искусство. — 2012. — № 3. — С. 32–47.

Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология. — 2009. — № 2. — С. 209–230.

Этле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. — М. : Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.

Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.: ил.

Языкова И. К. Нужны ли памятники святым? // Нескучный сад. — 2012. — 22 нояб. — URL: <http://www.nsad.ru/articles/nuzhny-li-pamyatniki-svyatym>. (дата обращения: 14.01.2021).

Языкова И. К. Образ святого благоверного князя Александра Невского в светском искусстве // Журнал Московской патриархии. — 2020. — № 7. — С. 66–70.

Янковская Г. А. «Всекохудожник» в тисках советской экономики // Культурологические записки. — Вып. 14 : Художник между властью и рынком. — М. : ГИИ, 2013. — С. 143–165.

Vonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. — Berkley : University of California Press, 1997. — 385 p.

Byerley A. Monumental Politics in Namibia // Nordic Africa Institute Annual Report. — 2011. — Vol. 2010. — Pp. 36–37.

Czepczyński M. Haunted landscapes. Post-Socialist Memory Limbo of Contemporary Poland // Mesto a Dejiny. — 2016. — Vol. 5. — Is. 2. — Pp. 68–79.

Czepczyński M. Interpreting Post-Socialist Icons: form Pride and Hate Towards Disappearance and/or Assimilation // Human Geography. — 2010. — № 4. — Pp. 67–78.

Czepczyński M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities. Representation of Powers and Needs. — Aldershot : Ashgate, 2008. — 224 p.

Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // Post-Soviet Affairs. — 2011. — Vol. 27. — № 3. — P. 269–288.

Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // The Annals of the Association of American Geographers. — 2002. — Vol. 92. — Is. 3. — Pp. 524–547.

Foxall A. A. Contested Landscape. Monuments, Public Memory, and Post-Soviet Identity in Stavropol', Russia // Communist and Post-Communist Studies. — 2013. — Vol. 46. — Is. 1. — Pp. 167–178.

Gamboni D. The Fall of the “Communist Monuments” // The Destruction of Art: Iconoclasm and Vandalism since the French Revolution. — New Haven, 1997. — Pp. 51–90.

Krinko E. F. The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia // Russkaya starina. — 2017. — № 8. — Pp. 154–172.

Kruk S. Profit Rather than Politics: The Production of Lenin Monuments in Soviet Latvia // Social Semiotics. — 2010. — Vol. 20. — Is. 3. — Pp. 247–276.

Moor I. Vilnius Memoryscape: Razing and Raising of Monuments, Collective Memory and National Identity // Linguistic Landscape an International Journal. — 2019. — Vol 5. — № 3. — Pp. 248–280.

Smith K. E. A. Monument for our Times? Commemorating Victims of Repression in Putin's Russia // Europe-Asia Studies. — 2019. — Vol. 71. — Is. 8. — Pp. 1314–1344.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОАС** — Архивный отдел администрации г. Сочи
АОАА — Архивный отдел администрации г. Армавира
АРАН — Архив Российской академии наук
ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
НАРА — Национальный архив Республики Адыгея
НКП — Народный комиссариат просвещения
РПЦ — Русская православная церковь
РАН — Российская академия наук
РВИО — Российское военно-историческое общество
РИО — Российское историческое общество

Об авторах

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Бондарь Виталий Вячеславович, кандидат исторических наук, руководитель отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Маркова Оксана Николаевна, старший научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Юренева Тамара Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник — руководитель центра музейной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Научное издание

Бондарь Виталий Вячеславович,
Еремеева Анна Натановна,
Маркова Оксана Николаевна,
Юренева Тамара Юрьевна

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
опыт, противоречия, перспективы**

монография

Ответственный редактор: *А. Н. Еремеева*

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректурa: *И. А. Птицын*

Компьютерная верстка: *Н. Н. Талдыкин*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru